

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1885.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Письмо къ Редактору Священника русской православной церкви въ Парижѣ	
о. Владимира Гетте	133—139
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	140—170
Наши новые „философы и богословы“ (продолженіе). Т. Стоянова	171—191

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Объ основныхъ началахъ философскаго познанія (окончаніе). Профессора Московской духовной академіи В. Кудрявцева	99—122
Вѣра и знаніе, вѣра и жизнь (продолженіе). Свящ. Т. Вуткевича.	123—144
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе) И. К.	145—159

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Распоряженіе Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго восковаго завода.—Списокъ пожертвованій на пострадавшую отъ пожара церковь при Харьковской духовной семинаріи.—Свѣдѣніе о суммѣ занаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго X епархіальнымъ съѣздомъ за вторую половину 1884 года.—Годовыя вѣдомости о продажѣ свѣчей въ церкви 2 округа Купянскаго уѣзда, за 1883 и 1884 годы.—Вѣдомость о количествѣ купленныхъ свѣчей въ Епархіальномъ заводѣ для церквей 1 Волчанскаго округа въ 1884 году.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, ПЯМЕЦКАЯ № 26.

1885.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и посканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Цокровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Авдрея Николаевича Ферапонтова.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Пістаі чоўмеу.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Февраля 15 дня 1885 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ*.

*Господинъ Редакторъ! *)*

Вы желали имѣть свѣдѣнія о томъ, какъ я перешелъ въ православіе. Вы думаете, что эти свѣдѣнія могутъ быть полезны. Съ большимъ удовольствіемъ удовлетворю васъ. Такъ какъ я былъ руководимъ только благородными побужденіями, то мнѣ нечего утаивать и я могу быть совершенно искреннимъ.

Чтобы понять, что привело меня къ православію, надо знать то положеніе, въ какомъ я находился въ римской церкви, на лонѣ которой я родился и воспитывался.

Я былъ посвященъ въ священники 23 лѣтъ епископомъ моей родной епархіи Деблуа (De-Blois). Въ продолженіи 17 лѣтъ я исполнялъ священническія обязанности, то на своей родинѣ, то въ Парижѣ, куда я отправился съ дозволенія начальства, чтобы заняться большимъ сочиненіемъ, которое я задумалъ. Все свободное отъ священническихъ занятій время, какъ въ епархіи Деблуа, такъ и въ Парижѣ, я посвящалъ наукѣ. 27 лѣтъ я началъ писать сочиненіе, озаглавленное: „Исторія Французской церкви“ (Histoire de l'Eglise de France). Я его писалъ для своего собственнаго удовольствія и нисколько не стремился напечатать свой трудъ. Три года спустя епископъ моей епархіи, Fabre des Essarts услышалъ о моемъ сочиненіи и пожелалъ видѣть рукопись I-го тома, уже законченную. Онъ далъ ее просмотрѣть одному бывшему доктору въ Сорбоннѣ, самому ученому богослову своей епархіи. Этотъ почтенный старецъ

*) Письмо это есть буквальный переводъ съ французскаго.

былъ настолько доволенъ моею работою, что далъ о ней самый лестный отзывъ. Епископъ тотчасъ-же призвалъ своего типографика и поручилъ ему отпечатать мою рукопись. Я долго протестовалъ, просилъ повременить, но все было напрасно.

Такимъ образомъ я сдѣлался писателемъ не по своей волѣ, а властью епископа. Кто-бы могъ предвидѣть, что такое начало на поприщѣ духовной литературы приведетъ меня къ православію? Мое сочиненіе заслужило похвалу большинства епископовъ, и съ ихъ одобренія я продолжалъ его изданіе. Я себя выказалъ въ немъ умѣреннымъ послѣдователемъ папы и ученикомъ Боссюета. Меня воспитали въ той вѣрѣ: *что папство было божественное право*. Я не вдавался въ разсужденіе объ этомъ (католическомъ) догматѣ, какъ и догматѣ о бытіи Бога. Я думалъ, что папство было учрежденіе божественное; что восточная Церковь вдалась въ схизму, отдѣлившись отъ центра единства; что протестанты были непокорные, которые отвергали власть, установленную Самимъ Христомъ. Я толковалъ себѣ Евангеліе, какъ толкуютъ его паписты и усвоилъ тексты Отцевъ, на которые они ссылались, не помышляя о томъ, чтобы ихъ провѣрить. Мой взглядъ былъ таковъ: вопросъ касается вѣры,—надо вѣрить.

Когда появилась моя книга, приверженцы папы (ultramontains) придали ей большое значеніе и объявили войну всѣмъ писателямъ, которые только желали быть умѣренными. Подготовляли заранѣе знаменитый догматъ о непогрѣшимости папы. Выспія лица партіи находили, что мое сочиненіе не достаточно выражало приверженность римско-католическому ученію. Они попробовали повліять на меня сначала лестью. Кардиналъ Гуссе (Gousset), въ то время глава ультрамонтановъ во Франціи, дошелъ до того, что обѣщалъ мнѣ епископство въ ближайшемъ будущемъ, не смотря на мою молодость. Это заманчивое обѣщаніе нисколько меня не тронуло. По молодости и слишкомъ большому простодушію я полагалъ, что всѣ епископы были святые; что только исключительно ихъ достоинства и добродѣтели возводили ихъ въ священный санъ помимо ихъ собственнаго желанія. Я былъ пораженъ словами кардинала Гуссе, даже былъ ими оскорбленъ. Ни за что въ мірѣ я не

допустилъ-бы въ себѣ желанія быть епископомъ. Я счелъ-бы это за святотатство. На всѣ эти предложенія я отвѣчалъ, что хочу служить истинѣ, только какъ литературный труженникъ; что если я ошибаюсь, достаточно меня предостеречь, и я готовъ сдѣлать всѣ должныя поправки. Подобный отвѣтъ могъ бы удовлетворить людей разумныхъ, но онъ былъ недостаточнымъ для людей партіи. Видя, что лести не производитъ на меня никакого дѣйствія, рѣшили меня преслѣдовать и помѣшать продолженію моего изданія. Оно должно было составить 12 томовъ. Я только издалъ семь въ то время, когда начались интриги. Партія имѣла могущественное средство къ уничтоженію моего сочиненія: цензурный комитетъ въ Римѣ (La Congregation de l'Index de Rome). О моей книгѣ донесено было комитету, который, не предупредивъ меня, не вызвавъ меня на объясненіе, помѣстилъ мое сочиненіе въ списокъ запрещенныхъ книгъ, не смотря на прежнія епископскія одобренія. Это постановленіе цензурнаго комитета состоялось 22 января 1854 г. Прежній епископъ Деблуа, который мнѣ сочувствовалъ, умеръ и былъ замѣненъ фанатикомъ-ультрамонтаномъ, который сталъ главнымъ моимъ врагомъ.

Всѣ папскіе журналы произнесли приговоръ моей книгѣ и рассчитывали, что я долженъ этому покориться. Я отвѣчалъ, что не обязавъ подчиняться римской цензурѣ, которая по закону галликанскому не имѣетъ никакой власти во Франціи, но что я исправлю мою книгу, если цензура укажетъ мнѣ заблужденія, въ какія я впалъ.

Парижскій архіепископъ Сибуръ (Sibour) согласился съ моимъ мнѣніемъ и совѣтовалъ быть стойкимъ.

Ультрамонтане послали мнѣ тысячи и тысячи проклятій, считая меня мятежникомъ, и находили, что я долженъ быть осужденъ лично. Парижскій архіепископъ поддерживалъ меня до 1854 г. Въ это время онъ былъ вызванъ въ Римъ для участія въ знаменитомъ постановленіи собора *о непорочно зачатіи Пресвятой Богородицы*. Ему много льстили, подали надежду быть кардиналомъ, но съ условіемъ: удалить галликанскихъ священниковъ его епархіи, особенно меня.

По возвращеніи во Францію архіепископъ Сибуръ сдѣлался

яримъ папствомъ, измѣнился ко мнѣ и потребовалъ моей отставки отъ должности священника. На это предложеніе я отвѣчалъ отказомъ. Нѣкоторое время онъ колебался насильно отнять у меня мѣсто; но, понуждаемый римскимъ дворомъ, онъ увѣдомилъ меня о лишеніи мѣста, предоставляя только право совершать обѣдни, въ какой-бы церкви я ни пожелалъ.

Нѣсколько времени спустя архіепископъ Сибуръ былъ убитъ священникомъ Верже (Verget).

Разрѣшеніе служить обѣдню, называемую celebret, должно быть возобновляемо ежегодно для священниковъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ должностей. Намѣстникъ архіепископа Сибура позволилъ мнѣ служить обѣдни до конца года. Когда я пришелъ въ домъ архіепископа, чтобы возобновить позволеніе, мнѣ отказали подъ тѣмъ предлогомъ, что я не принадлежу къ Парижской епархіи и что я долженъ возвратиться на мѣсто своей родины. Меня хотѣли удалить изъ Парижа и принудить вернуться въ епархію, гдѣ епископомъ былъ мой главный врагъ, который сослалъ-бы меня немедленно въ самую убогую деревню.

Такимъ образомъ я увидѣлъ себя лишеннымъ всѣхъ священническихъ правъ, не будучи ни обвиненнымъ, ни осужденнымъ, ни приговореннымъ, но единственно силою произвола, незаконно, деспотически.

Я напечаталъ нѣсколько сочиненій въ свою защиту и началъ изданіе журнала „Католическій Наблюдатель“ (L'observateur Catholique).

Я доискивался, что такое былъ цензурный комитетъ, присвоившій себѣ право запрещать изданіе книгъ, не выслушивая и не предупреждая самихъ авторовъ. Я дошелъ до того, что началъ задаваться вопросомъ: что такое было само папство, которое покрывало этотъ цензурный комитетъ своею властью? Тогда я сталъ серьезно изучать произведенія, написанныя въ пользу папства. Я провѣрялъ тексты Отцевъ Церкви, указывавшіе на то учрежденіе, которое мнѣ выдавали за божественное.

Я пришелъ къ убѣжденію, что всѣ тексты Отцевъ, приводимые въ пользу папства, извращены, искажены и далеки отъ прямого смысла. Съ ужасомъ увидѣлъ я, что мнѣ преподавали, какъ догматъ божественный и традиціонный, несомнѣн-

ное заблужденіе, противорѣчащее Св. Писанію и преданію, изложенному Отцами Церкви.

Сначала я колебался высказать это громко. Понятія, въ которыхъ я былъ воспитанъ, сохраняли еще власть надъ моимъ умомъ, не смотря на противоположныя убѣжденія, которыя мнѣ дала наука. Не такъ легко освободиться отъ предразсудковъ воспитанія, особенно тому, кто, какъ я, одаренъ тихимъ миролюбивымъ характеромъ. Я боялся навлечь на себя еще болѣе проклятій и преслѣдованій. Наконецъ совѣсть взяла верхъ. Я написалъ и доказалъ, что папство есть не что иное, какъ первенство чести, установленное Церковью во время первыхъ вселенскихъ соборовъ.

Настоящая буря разразилась надо мною. Я поддерживалъ борьбу энергично и могу сказать, что мои противники были вынуждены замолчать. Но если бѣшенныя собаки перестали рычать на меня, то ехидны продолжали шипѣть.

Я не обращалъ на это вниманія.

Отдѣлившись отъ папства, я написалъ противъ заблужденій, источникомъ которыхъ оно было. Эта полемика сильно заинтересовала людей различныхъ исповѣданій. Англиканскіе епископы и священники, настояры вошли со мною въ сношеніе. Меня бы охотно приняли во всѣхъ этихъ церквахъ и показали-бы много сочувствія, но я не имѣлъ влеченія къ протестантству. Я смотрѣлъ на христіанство не какъ на психологическую систему, въ которую можно было бы внести свои личныя воззрѣнія, но какъ на наслѣдіе, которое Церковь передавала изъ вѣка въ вѣкъ и которое все должны были принимать всецѣло, дабы передавать потомству во всей его неприкосновенности. Я усвоилъ эти вѣрованія отъ великихъ восточныхъ богослововъ и нашелъ подтвержденіе ихъ у Отцевъ Церкви.

Многіе православныя, бывшіе тогда въ Парижѣ, читали мои записки, особенно Сергѣй Сувиковъ. Онъ со мною познакомился и представилъ меня протоіерею Іосифу Васильеву, котораго я зналъ только по имени, но до той поры не видалъ.

Послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ, протоіерей І. Васильевъ мнѣ сказалъ, что я настолько православный, какъ будто изучалъ богословіе въ Московской духовной академіи.

Я пришелъ къ православію, изучая Отцевъ Церкви. Если я согласился съ православною Церковью, то только потому, что эта досточтимая Церковь въ точности сохранила ученіе преданія. Не смотря на все мое стараніе при изученіи этого предмета, я могъ-бы впасть въ ошибки; но соглашаясь съ великою апостольскою Церковью, я былъ болѣе увѣренъ въ истинѣ.

Протоіерей Іосифъ Васильевъ строилъ тогда русскую церковь въ Парижѣ. Онъ меня пригласилъ на церемонію освященія храма и представилъ меня Леонтію, въ то время викарному епископу С.-Петербурга, посланному въ Парижъ для освященія церкви. Уважаемый епископъ охотно желалъ меня поздравить съ православіемъ и намекнулъ, что я болѣе принадлежу православною Церкви, съ которой сходятся мои убѣжденія, нежели римско-католической, которая меня осудила. Я отвѣчалъ почтенному епископу, что былъ бы очень счастливъ принадлежать православною Церкви, но не зная русскаго языка, я не могу ей быть полезнымъ. Преосвященный Леонтій возразилъ мнѣ на это, что своими сочиненіями я познакомлю западъ съ православіемъ и это будетъ очень полезная миссія. Тогда было рѣшено, что я напишу Св. Синоду прошеніе, которое преосвященный Леонтій беретъ передать.

Въ отвѣтъ на это прошеніе Св. Синодъ принялъ меня священникомъ православною Церкви и прислалъ мнѣ официальную грамоту.

Надѣюсь, что я имѣю право пазвать преосвященнаго Леонтія своимъ отцемъ въ дѣлѣ присоединенія къ православному вѣроисповѣданію.

Итакъ, г. редакторъ, гоненія заставили меня ближе изучить истинное положеніе моихъ преслѣдователей, покинуть папство и его церковь и вступить по убѣжденію въ св. православною Церковь, истинную Церковь Іисуса Христа.

Имѣй я жажду къ богатству и почестямъ, я не покинулъ бы римскую церковь; я подчинилъ бы свои убѣжденія личному интересу и былъ бы великимъ мужемъ, раздавая свои поученія съ властью, которую даютъ митра и почетные титулы.

Покдая римскую церковь, я могъ бы вполне обезпечить

свое положеніе и въ протестантствѣ на материкѣ и въ англиканствѣ. Я предпочелъ слѣдовать своимъ убѣжденіямъ и посвятить себя миссіи—знакомить съ православною Церковью и защищать ее. Вѣрный этой миссіи, я въ продолженіи 25 лѣтъ посвящаю свою дѣятельность православію и могъ бы напечатать около сорока томовъ.

Я зналъ, что принявши православіе, я увеличу число своихъ враговъ; что я огорчу тѣхъ, которые въ римской церкви сохранили ко мнѣ уваженіе и дружбу; что я даже возстановлю противъ себя часть своей родни. Никакія соображенія не остановили меня, какъ только заговорила моя совѣсть.

Послѣ сорокалѣтняго труда и борьбы я могъ бы позволить себѣ отдохнуть. Я уже старикъ, но сохранилъ большую энергію. Тѣмъ, кто мнѣ совѣтуетъ отдохнуть, я отвѣчаю словами великаго богослова, Антонія Арнольда (Antoine Arnauld), который также долго боролся за христіанскую истину, не смотря на преслѣдованія, и на совѣты беречь свою старость онъ отвѣчалъ: „жизнь дана для труда, вѣчность будетъ достаточна для отдыха“.

Таково и мое мнѣніе.

Надѣюсь, г. редакторъ, что я отвѣтилъ на вашъ вопросъ. Если вы желаете болѣе подробныя свѣдѣнія на нѣкоторые пункты, то укажите. Я къ вашимъ услугамъ.

Имѣю честь быть вашимъ братомъ о Христѣ

Владиміръ Тетте

Священникъ и докторъ богословія православной русской Церкви.

Парижъ, 2/20 Января 1885 г.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

IX.

Французы не придавали на первых порахъ ни малѣйшаго значенія пожарамъ, возникавшимъ въ различныхъ частяхъ города. Они видѣли въ нихъ простую случайность, неизбежное слѣдствіе беспорядковъ, неразлучно сопряженныхъ съ каждою войною. Французскіе маршалы и генералы думали только о роскоши и удобствахъ, ожидавшихъ ихъ въ покоренной Москвѣ. Вступая въ великолѣпный городъ, они затруднялись только вопросомъ: какой изъ цѣлыхъ сотенъ богатыхъ и роскошныхъ домовъ слѣдуетъ выбрать имъ для своей квартиры. Дворцы московской знати казались имъ очарованными замками арабскихъ сказокъ. Какая противоположность съ бивуаками и жалкими лачужками, которыми приходилось имъ довольствоваться въ теченіи столькихъ мѣсяцевъ! **) Дворцы эти и дома оставлены были теперь, правда, своими хозяевами, но оставлены въ совершенномъ порядкѣ, въ такомъ видѣ, что могли тотчасъ-же принять самыхъ знатныхъ гостей. Кладовыя и погреба набиты были всевозможнымъ добромъ, запасами всякаго рода, дорогими винами. Комнаты, роскошно убранныя и меблированныя, поражали своимъ изяществомъ и богатствомъ даже

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 2.

**) См. Графъ Романъ Солтыкъ. Napoleon en 1812, гл. IX стр. 273.

людей, проведенныхъ свой вѣкъ среди парижскихъ салоновъ. Почти во всѣхъ домахъ оставались дворники, а въ нѣкоторыхъ и многочисленная прислуга *). На первыхъ порахъ французскимъ начальникамъ не могло быть, такимъ образомъ, недостатка ни въ удобствахъ, ни въ прислуживаніи и ухаживаніи. Мюратъ, первый вступившій въ городъ, самъ намѣтилъ для себя квартиру въ домѣ Баташева, что на Швивой горкѣ, и объявилъ управляющему и многочисленной дворнѣ, почтительно ожидавшей его у подъѣзда, чтобы они не страшились никакихъ обидъ. Доведя авангардъ до заставы, Мюратъ уже въ 7 часу вечера прибылъ на ночлегъ въ домъ Баташева въ сопровожденіи 30 генераловъ и многочисленныхъ офицеровъ. Войдя въ домъ, онъ тотчасъ-же позвалъ къ себѣ управляющаго и приказалъ ему показать палаты. Проходя по великолѣпнымъ покоямъ параднаго этажа, онъ видимо любовался роскошною обстановкою и спросилъ управляющаго, кто его господинъ и гдѣ находится онъ въ настоящее время. Управляющій отвѣчалъ, что господинъ его богатый заводчикъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе уѣзжать на лѣто изъ Москвы и что уѣхалъ также и въ этомъ году еще въ началѣ лѣта. „Напишите-же своему господину, сказалъ Мюратъ,—чтобы онъ спокойно возвращался въ Москву, что онъ будетъ пользоваться здѣсь моимъ особымъ покровительствомъ“. Управляющій поспѣшилъ отвѣтить, что онъ не можетъ писать своему господину, такъ какъ всѣ дороги пересѣчены въ настоящее время арміями и сообщенія нѣтъ никакого **).

Между тѣмъ многочисленная дворня готовила, по приказанію управляющаго, ужинъ для незваныхъ гостей. Королю

*) „Я выбралъ,—разсказываетъ генералъ Дюма,—домъ Мухановой на углу площади, на которой находится домъ генералъ-губернатора, плохой архитектуры, но внутри хорошо расположенный и отбѣланный. Въ нижнемъ этажѣ, въ кухнѣ, я нашелъ двухъ мужиковъ или рабовъ (?), которые ввели меня въ комнаты. Все было въ нихъ въ такомъ порядкѣ, какъ будто-бы ожидали пріѣзда господъ. Въ гостиной, на кругломъ столѣ, лежали начатыя дамскія работы. Всѣ мебели стояли по своимъ мѣстамъ, и въ прекрасной спальнѣ на письменномъ столѣ лежали ключи“. См. C-te Dumas, Souvenirs etc. Т. III, стр. 445.

**) См. Письма прикащика Максима Сокова къ И. Р. Баташеву. „Русскій Архивъ“ 1871 года, стр. 0218 и слѣд.

сервировано было отдѣльно въ роскошной красной гостиной, генераламъ и свитѣ накрыты были столы въ залѣ и столовой. Ужинъ былъ сытный, не оказалось только одного бѣлаго хлѣба, такъ какъ калашни и хлѣбни во всей Москвѣ были разбиты и брошены своими хозяевами. Только для самого короля управляющій добылъ четверть сайки *), всѣ остальные должны были довольствоваться чернымъ ржанымъ хлѣбомъ. „Генералы,—разсказываетъ управляющій,—сначала гнѣвались и говорили, что свиньи только кушаютъ такой хлѣбъ, однако-жь, бывъ голодны, принялись и за него“ **). Еще больше хлопотъ поднялось изъ-за почлега. Каждый генераль съ угрозами требовалъ себѣ отдѣльную комнату и пышную постель. Комнатъ было достаточно, но набрать столькихъ постелей, какъ требовалось ***) , не было ни малѣйшей возможности. Всю ночь продолжалась страшнѣйшая суета. „Насъ таскали какъ кошекъ за хвостъ, то туда, то сюда. Свѣчи горѣли всю ночь и въ люстрахъ и въ лампахъ, никто изъ прислуги не посмѣлъ ложиться спать“. Между тѣмъ яркое зарево пожаровъ освѣщало улицы какъ днемъ, а рано утромъ запылали дома въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Баташевскимъ дворцомъ. Многочисленная дворня Баташева, все еще надѣявшаяся отстоять имущество своего господина, успѣла однако-же потушить этотъ пожаръ ****). Мюратъ и его многочисленная свита, какъ видно, ни мало не беспокоились объ этомъ пожарѣ, а думали только о своихъ удобствахъ. Проснувшись, французы принялись взовъ тормошить дворню. Кто требовалъ чаю, кто кофе, иной приказывалъ подать шампанскаго, другіе требовали съ угрозами бургонскаго, рейнвейпа, бѣлаго хлѣба. Прислуга сбилась съ

*) „Королю-же нашенъ четверть сайки у дворовыхъ дѣтей“. См. Тамъ-же, стр. 0219.

**) См. Тамъ-же, стр. 0218.

***) „Ибо на холонской постелѣ спать никто не хотѣлъ“, замѣчаетъ прикащикъ См. Тамъ-же, стр. 0219.

****) „Къ утру 3-го сентября у насъ на горѣ, подлѣ Кирпичева и въ низъ къ Лузѣ, занялись деревянныя дома, и Сиверинская фабрика близка была къ пожару, архидіаконскія богадѣльни и поповскіе дома, но наши люди, защищая конюшни свои и магазны, не допустили загорѣться ни богадѣльнямъ, ни поповскимъ домамъ, и пожаръ 3-го числа по утру тѣмъ и кончился“. См. „Русскій Архивъ“, 1871 года стр. 0220.

ногъ, стараясь удовлетворить всѣмъ прихотямъ и требованіямъ грозныхъ гостей *). А между тѣмъ въ комнатахъ, кладовыхъ и погребахъ начали уже хозяйничать и грабить непріятельскіе солдаты. Покровительство Мюрата оказалось пустою фразою, или лучше сказать, онъ не въ силахъ былъ выполнить своего обѣщанія. Не смотря на присутствіе неаполитанскаго короля, не смотря на многочисленный карауль, приставленный къ дому, голодные, оборванные и измученные труднымъ походомъ солдаты великой арміи, разсѣявшіеся уже по всей Москвѣ съ цѣлью грабежа, успѣли пробраться и въ хоромы Баталшева. Одни врывались въ кухни, отнимали хлѣбъ и другіе припасы, другіе шарили по кладовымъ и жилымъ комнатамъ, разбивали сундуки и брали все, что попадалось подъ руки. Тщетно пытался Мюратъ прекратить безпорядокъ, тщетно приказывалъ онъ поставить во всѣмъ ограбленнымъ мѣстамъ сильныя караулы. Ничто не помогло: грабители, прогнанные съ одного мѣста, являлись въ десяти другихъ, сами караульные смотрѣли сквозь пальцы на ихъ продѣлки **).

Совершенно подобныя-же сцены происходили и въ другихъ богатыхъ московскихъ домахъ, занятыхъ французскими маршалами и генералами. Вездѣ непріятельскіе начальники поражались богатою, роскошною обстановкою; вездѣ оставшаяся дворня, пытаясь спасти господское добро, старалась доставить имъ всевозможныя удобства и вездѣ таже тревога, вызываемая первыми пожарами и грабежами непріятельскихъ солдатъ. Особенно любезный пріемъ оказанъ былъ графу Солтыку ***) въ

*) „Словомъ, каждый съ величайшими угрозами требовалъ, чтобы его прихоти и требованія тотчасъ были выполнены; всѣхъ насъ измучили и съ ногъ сбили, такъ что пришлось бѣжать и скрываться, хотя въ воду. Многіе изъ служителей, утомясь, для отдыха скрылись; я и Пьколай Григорьевъ оставались изнуренные усталостью свидѣтелями непрерывной суматохи“. См. „Русскій Архивъ“ 1871 г. стр. 0220.

**) „Тамъ кричатъ бабы, что солдаты отняли и печеный и сырой хлѣбъ, въ другихъ покояхъ солдаты разбиваютъ сундуки и грабятъ все, что ни попало. Ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ ограбленнымъ приставлены были караулы, а тамъ опять грабятъ, гдѣ ихъ нѣтъ“.

***) „Гр. Солтыкъ, одинъ изъ первыхъ, отиравался въ городъ, по просьбѣ генерала Сокольниковскаго, который поручилъ ему присесть и занять для него одинъ изъ домовъ неподалеку отъ Кремля. Генералъ Сокольниковскій, полякъ, находился

богатомъ домѣ графини Мусиной-Пушкиной. Цѣлая дюжина служителей встрѣтила его почтительно у крыльца. Управляющій спросилъ графа по-французски, что ему угодно и объявилъ, что владѣтельница дома, уѣзжая, поручила ему не отказывать французамъ въ пріемѣ, а для услуги имъ оставила достаточное количество людей. Графъ отвѣчалъ, что въ этомъ домѣ будетъ стоять генераль Сокольниковъ, и что для него лично нужна только пока одна комната. Управляющій вѣжливо объявилъ, что все будетъ готово къ его услугамъ. Черезъ часъ графу подавъ былъ великолѣпный обѣдъ съ разными винами и даже шампанскимъ. За обѣдомъ управляющій спросилъ графа, не желаетъ-ли онъ раздѣлить обѣдъ съ двумя французенками, гувернанткою и компаніонкою графини, которыя изъ чувства патриотизма остались въ Москвѣ въ ожиданіи своихъ соотечественниковъ. Галантный полякъ съ радостью ухватился, разумѣется, за предложеніе управляющаго. Французенки явились въ столовую, началась веселая болтовня, но вскорѣ для графа наступилъ рядъ разочарованій. Громадныя окна столовой графскаго дома внезапно освѣтились заревомъ близкаго пожара. Французенки съ тревогою вскочили изъ-за стола съ крикомъ: „вотъ и пожаръ“. Тщетно старался успокоить графъ своихъ собесѣдницъ, тщетно старался онъ доказать имъ, что пожаръ это простая и ничего незначащая случайность. Французенки видно знали лучше его положеніе дѣлъ. Онѣ начали рассказывать Солтыку о той ненависти, которою проникнуто къ французамъ все московское населеніе, и въ особенности дворянство; онѣ сообщили ему, что графъ Растопчинъ грозилъ непременно сжечь городъ въ случаѣ занятія его французами. Смущенный и озадаченный рассказами своихъ собесѣдницъ, графъ Солтыкъ удалился въ отведенную для него комнату. Едва только онъ улегся спать, какъ въ дверяхъ его раздался страшный стукъ. Стучались тѣже французенки; въ ужасѣ онѣ кричали, что французскіе солдаты грабятъ домъ и молили графа о заступничествѣ. Солтыкъ одѣлся поспѣшно, взялъ оружіе и сошелъ въ дворъ. Тутъ онъ увидѣлъ нѣсколь-

кихъ вооруженныхъ солдатъ старой гвардіи. Они грабили погребъ и успѣли уже опорожнить нѣсколько бутылокъ вина. Графъ объявилъ грабителямъ, что въ этомъ домѣ назначена квартира для одного изъ генераловъ императорской свиты, и чтобы они немедленно-же удалились отсюда. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ солдатъ погрозилъ графу кулакомъ. Солтыкъ видя себя отъ гнѣва ударилъ саблею по мохнатой шапкѣ гренадера; ударъ былъ такъ силенъ, что солдатъ повалился на землю. Его товарищи стояли первое время, какъ ошеломленные, но прійдя въ себя, они взяли ружья на перевѣсъ и бросились на графа. Храбрый полякъ спѣшилъ спастись бѣгствомъ; онъ заперся въ своей комнатѣ, зарядилъ пистолеты и приготовился къ отчаянному сопротивленію. Къ счастью, на помощь ему поспѣшилъ деньщикъ его, спавшій до тѣхъ поръ въ конюшнѣ. Силачъ и храбрецъ, онъ бросился на пьяныхъ солдатъ и успѣлъ выгнать ихъ изъ двора *).

Если такія буйства позволяли себѣ солдаты старой гвардіи, наименѣе пострадавшіе отъ похода, — тѣ самыя, на которыхъ думалъ возложить Наполеонъ охрану Москвы, то легко себѣ представить, въ какомъ страшномъ упадкѣ находилась уже теперь дисциплина великой арміи, и какая участь предстояла несчастнымъ москвичамъ, оставшимся въ городѣ. Уже рано утромъ 3 сентября, во всѣхъ бивуакахъ войскъ, стоявшихъ за городскими заставами, разнеслась вѣсть, что въ Москвѣ начался уже грабежъ. „Въ восемь часовъ утра, — рассказываетъ очевидецъ, — въ лагерь дивизіи Клапареда и кавалеріи генерала Себастіани пріѣхали нѣсколько польскихъ уланъ и объявили, что въ Москвѣ можно грабить свободно. Съ быстротою молніи разнеслась эта вѣсть по лагерю. Въ то же время отдало было приказаніе парадить людей для пріема продовольствія. Пользуясь тымъ обстоятельствомъ, многіе солдаты ускользнули изъ лагеря и уже черезъ часъ возвратились обратно, обремененные богатою добычею. Одни тащили боченки съ виномъ и ромомъ, другіе мѣшки съ сахаромъ и чаемъ, третіе набили свои карманы деньгами и различными драгоценностями. Съ этого момента исчезли всякій порядокъ и дисциплина.

*) См. Гр. Романъ Солтыкъ, *Napoleon en 1812*, гл. IX, стр. — 273 — 278.

Солдаты сотнями и тысячами уходили изъ лагерей подъ различными предлогами. Котлы стояли безъ огня и кашеваровъ; солдаты, посылаемые за дровами, соломой или водою, не возвращались обратно; убѣгали даже часовые и патрульные. Кавалеристы и въ особенности польскіе уланы подавали самый дурной примѣръ остальнымъ. Не довольствуясь грабежемъ, они хватали несчастныхъ жителей, заставляли ихъ тащить свою добычу, били и истязали ихъ самымъ звѣрскимъ образомъ. Одинъ польскій уланъ гналъ передъ собою несчастнаго плѣнника, навьюченнаго тяжелою ношею и безжалостно стегалъ его кнутомъ. „Это имъ за Прагу“,—объявилъ онъ офицеру, упрекнувшему его въ жестокости: „они погубили тамъ моихъ родителей и сожгли мой домъ. Еще ни одного русскаго, попавшагося мнѣ въ руки, не оставлялъ я въ живыхъ; дастъ Богъ—и этотъ не возвратится въ Москву“ *).

Страшное, неслыханное зрѣлище представляла Москва, когда утромъ 3 сентября, вслѣдъ за вѣздомъ Наполеона въ Кремль, различные корпуса непріятельской арміи начали занимать предназначенныя имъ части города. Нигдѣ въ улицахъ громаднаго, чуждаго имъ города, непріатели не встрѣчали ни единой живой души **). Немногіе жители, объятые ужасомъ, скрывались въ подвалахъ и потайныхъ углахъ. Повсюду царствовало гробовое молчаніе, производившее потрясающее впечатлѣніе на солдатъ, привыкшихъ къ триумфальнымъ встрѣчамъ въ другихъ столицахъ Европы, къ пестрымъ толпамъ любопытныхъ на улицахъ. Только по мѣрѣ приближенія къ Кремлю, вступающія войска начали встрѣчать жителей и толпы французскихъ солдатъ, торговавшихъ награбленною добычею. Толпы увеличались еще болѣе у гостиннаго двора, пылавшаго уже со всѣхъ концовъ. Громадное зданіе походило на испанскую печь, изъ которой вырывались густые клубы дыма и языки пламени. Возможно было ходить лишь по наружной

*) См. Aus dem Leben des generals von Brand. Стр. 427—428.

**) „Между тѣмъ какъ французы занимали, такимъ образомъ, городъ, на улицахъ и въ окнахъ показалось лишь нѣсколько иностранцевъ; всѣ остальные жители заперлись въ домахъ и никому не отворяли дверей“. См. Воспоминанія жителя Москвы, французскаго эмигранта Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ“ за 1869 г., стр. 1409.

галереѣ, гдѣ находилось множество лавокъ. Тысячи солдатъ и какихъ-то оборванцевъ грабили лавки. Одни тащили на плечахъ тюки суконъ и различныхъ матерій, другіе катили передъ собою бочки съ виномъ и масломъ, третіе таскали головы сахару и другихъ продуктовъ. Вся площадь и сосѣднія улицы усѣяны были товарами, которые брошены были солдатами какъ негодные. При этомъ страшномъ грабежѣ не было слышно криковъ; грабители работали молча, сосредоточенно. Слышался только трескъ пламени, стукъ разбиваемыхъ у лавокъ дверей, грохотъ отъ падающихъ сводовъ. Пламя пожирало безпощадно сокровища Европы и Азии, накопленныя здѣсь. Изъ погребовъ набитыхъ сахаромъ, масломъ, смолистыми и спиртовыми товарами, вырывались густые клубы дыма и потоки пламени *).

Одновременно съ этимъ страшнымъ пожаромъ, огонь началъ показываться и въ другихъ частяхъ города **). Замоскворѣчье, вовсе незанятое непріателемъ 3 сентября, загорѣлось въ различныхъ пунктахъ еще утромъ этого дня. Казаки, оставшіе съ намѣреніемъ отъ нашей арміи, явились у Москворѣцкаго моста и подожгли его въ виду непріателя. Вслѣдъ

*) Labaume, Relation de la campagne de Russie en 1812, стр. 195—200.

***) „Въ ночь, говоритъ Шевалье д'Изарнъ,—съ понедѣльника 2-го сентября на вторникъ вспыхнулъ пожаръ—сначала на Солянкѣ, у воротъ воспитательнаго дома, но былъ потушенъ черезъ нѣсколько часовъ. Въ то же время загорѣлось въ городѣ, въ особенности въ домахъ правой стороны улицы, идущей по ту сторону каменнаго Лузскаго моста. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда два эти пожара начали быстро разгораться; въ городѣ не удалось затушить совсѣмъ; Лузскій же пожаръ былъ окончательно прекращенъ, по приказанію неаполитанскаго короля, который помѣстился въ домъ Баташева и желалъ обезопасить себя тамъ“. (Мы уже знаемъ, что пожаръ этотъ прекращенъ былъ, главнымъ образомъ, благодаря усиліямъ двора Баташева). „Въ среду утромъ, опять вспыхнулъ огонь въ городѣ, на Цокровкѣ, въ домъ князя Трубецкаго, и на большой Арбатской улицѣ, по всему пути, ведущему къ Смоленской заставѣ. Жители смотрѣли, какъ горятъ дома ихъ, съ полнымъ хладнокровіемъ, которое могло быть внушено только вѣрою или фатализмомъ. Нѣкоторые выносили изъ домовъ образа, ставили ихъ передъ дверью и уходили; другіе, когда ихъ спрашивали, почему они не препятствуютъ распространенію огня, отговаривались страхомъ, что французы убьютъ ихъ, если они будутъ тушить. Понятно, что при такомъ настроеніи жителей, только благодаря тишинѣ въ воздухѣ и отсутствію вѣтра, не весь городъ сразу былъ охваченъ огнемъ“ Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ“ 1869 г. стр. 1410—1411.

затѣмъ запылали на берегу Москвы-рѣки казенные хлѣбные магазины, и взлетѣлъ на воздухъ съ оглушающимъ трескомъ находившійся тамъ складъ артиллерійскихъ снарядовъ. Пожаръ съ двухъ сторонъ началъ угрожать Кремлю, и Наполеонъ отдалъ приказъ маршалу Мортье во чтобы то ни стало прекратить огонь. Въ теченіи цѣлаго дня французскіе солдаты истощались въ усиліяхъ погасить пламя въ гостинномъ дворѣ и его окрестностяхъ. Только къ вечеру удалось имъ, наконецъ, если и не потушить совершенно пожаръ, то по крайней мѣрѣ значительно ослабить его силу и спасти Кремль отъ грозившей ему опасности *). Хотя пожары въ отдаленныхъ частяхъ города продолжались съ удвоенною силою, хотя къ вечеру 3 сентября пламя охватило всю Покровку, хотя въ это-же время загорѣлась Нѣмецкая слобода и появилось пламя у Ильи Пророка **), но французы, занятые тушеніемъ пожара въ центрѣ города, не обратили нивакого вниманія на эти грозные симптомы и собирались даже провести спокойную ночь. Но этимъ надеждамъ не суждено было оправдаться. Въ ночь съ 3 на 4 сентября поднялся сильный вѣтеръ, вскорѣ онъ перешелъ въ настоящую бурю. Порывы вѣтра разносили огонь по всѣмъ частямъ города; къ утру Москва уподобилась уже бушующему огненному морю ***).

*) См. „Русскій Архивъ“ 1876, кн. III, стр. 323.

***) „Пожаръ сильный, говоритъ прикащикъ Баташева, свирѣпствовалъ 3-го числа на Покровкѣ, опустошалъ Нѣмецкую слободу и около Ильи Пророка“. См. письма прикащика Максима Сокова Баташеву. „Русскій Архивъ“ 1871 г. Стр. 0220.

***) Объ этомъ ураганѣ и его страшныхъ послѣдствіяхъ свидѣлствуютъ одинаково всѣ очевидцы. Шевалье д'Изарнъ: „Въ среду утромъ, къ девяти часамъ, поднялся со страшною силою сѣверный ураганъ — вотъ когда начался большой пожаръ. Изъ оконъ оконъ видно было, какъ сперва огонь вспыхнулъ на той сторонѣ рѣки, гораздо позади комиссаріата и потомъ началъ распространяться мало-по-малу по направленію вѣтра; въ одинъ часъ огонь разнесся въ десять различныхъ мѣстъ, такъ что все огромное пространство по ту сторону рѣки, застроенное домами, превратилось въ море пламени, волны котораго бушевали въ воздухѣ, разнося повсюду опустошеніе и ужасъ. Въ тоже самое время пожаръ снова вспыхнулъ еще съ большою силою въ Китай-городѣ. Особенно тамъ, гдѣ были лавки, огонь нашелъ себѣ обильную пищу въ товарахъ, которые были заперты тамъ. Это обстоятельство, а также сильная буря, тѣснота мѣста и множество горѣвшихъ пунктовъ дѣлали всякое противодѣйствіе огню невозможнымъ, такъ что несчаст-

Наступила грозная минута, когда должны были разсѣяться послѣднія иллюзіи, когда страшная истина во всей своей потрясающей наготѣ должна была предстать предъ очами гордаго завоевателя,—когда ужасающая мысль, что русскіе сами жгутъ свою столицу, что ихъ отчаянная рѣшимость испровергаетъ всѣ его надежды, лишаетъ его армию обѣщанной награды,—впервые, подобно молніи, блеснула въ головѣ Наполеона. Императоръ провелъ спокойно первую ночь въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ роскошныхъ палатахъ русскихъ царей. Рапо утромъ явился къ нему докторъ Метивьё. Поговоривъ съ нимъ о простудѣ, не оставившей его со дня Бородинскаго

ние хозяева спѣшили захватить съ собою самыя цѣнныя вещи и бѣжать. Пока пожаръ превращалъ въ пепель городъ, остальные части Москвы также пылали: Пречистенка, Арбатъ, вся Тверская, затѣмъ по направленію вала черезъ Красныя ворота и Воронцово поле до самой Яузы, по ту сторону Яузы и Яузкп— все было въ пламени. Вся полоса воздуха надъ городомъ превратилась въ огненную массу, которая взрыгала горящія головешки; а вслѣдствіе расширенія воздуха отъ теплоты буря еще болѣе усиливалась; никогда лебо не являло людямъ зрѣлища ужаснѣе этого“. „Русскій Архивъ“ 1869 г. стр. 1412—1413.—Аббатъ Адриенъ Сюрюгъ: „Море огня разлилось по всѣмъ частямъ города. Пламя, волнуемое вѣтромъ, совершенно походило на морскія волны, воздвигаемыя бурей. Казалось, къ дѣятельности поджигателей присоединилось и божественное мщеніе, —до такой степени этотъ пожаръ казался сверхъестественнымъ. Несчастные жители Нѣмецкой слободы, преслѣдуемые огнемъ съ одного мѣста на другое, принуждены были удалиться на Нѣмецкое кладбище, но и тамъ они не считали себя въ безопасности“. *Av. S u r r i g u e s*, *Lettres sur l'incendie de Moscou*, стран. 29.—Максимъ Соковъ, прикащикъ Баташева: „Въ среду 4-го сентября вѣтеръ подулъ съ запада самый жесточайшій, съ сильными и необыкновенными порывами; загорѣлись дома за Москвою-рѣкою отъ каменнаго моста и пожаръ сдѣлался столь ужасенъ, что никакъ описать невозможно. Все Замоскворѣчье безъ изыятія занялось, а потомъ и у насъ, Никитскаго поля и причетниковъ, дома Безбородкинъ, Кириичевъ и всѣ тутъ на горѣ деревянныя и камешныя дома были объиты пламенемъ, Сахарова и Соймонова дома тожъ, потомъ пона архидіаконскаго съ причетниками, наша копяшныя и магазинны. Пескры какъ градъ сыпался на главный корпусъ и прочія части. Я, видя, что спасенія нѣтъ ни откуда, собравъ свои оставшіяся бумаги, отнесъ подъ контору въ чалии, что пожаръ не проникнетъ ихъ тамъ; и прочее нужное туда убралъ, гдѣ многахъ семействъ были сундуки и крохи, рѣшился бѣжать“. См. „Русскій Архивъ“ 1871 г. 0220—0221.—„Погода была довольно хорошая, замѣчаетъ Перовскій,—но страшный вѣтеръ, усиленный. а, можетъ быть, произведенный пожаромъ, едва позволялъ стоять на ногахъ“. См. „Русскій Архивъ“ 1865 г. Записки Перовскаго стр. 264. Предположеніе Перовскаго, что вѣтеръ могъ быть произведенъ пожаромъ, не оправдывается другими свидѣтелями, утверждающими единодушно, что до начала бури не было еще большаго пожара.

боя, императоръ предложилъ ему обычный свой вопросъ: „что новаго?“ Докторъ отвѣчалъ, что вокругъ Кремля повсюду распространялись пожары. „Это неосторожность солдатъ, прервалъ его Наполеонъ съ равнодушною улыбкою; они вѣроятно разложили огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ“. Но вдругъ взглядъ его остановился, улыбка исчезла съ устъ, выраженіе лица сдѣлалось ужаснымъ. Онъ вскочилъ съ постели, быстро одѣлся, толкнулъ такъ сильно ногою мамелюка, подавшаго ему сапогъ лѣвой ноги на правую, что тотъ упалъ навзничь, и, не говоря ни слова, вышелъ въ сосѣднюю комнату *). Мысль, что, быть можетъ, русскіе сами жгутъ Москву, внезапно пришла ему въ голову. Императоръ подошелъ къ окну. Страшная картина представилась его взорамъ. Волны дыма и пламени со всѣхъ сторонъ подступали къ Кремлю. Все Замоскворѣчье объято было пламенемъ, лишь кое-гдѣ можно было различить незагорѣвшіяся еще кровли зданій и колокольни. Наполеонъ обратился въ другую сторону, но и тамъ ожидала его таже ужасная картина. Вправо отъ Грановитой палаты за кремлевскою стѣною подымалось до небесъ черное, густое, дымное облако и слышался трескъ отъ разрушавшихся кровель и стѣпъ **). Пожары свирѣпствовали по всѣмъ направленіямъ. Горѣли Ильинка и Никольская, подымались цѣлые столбы пламени на Тверской, на Арбатѣ, на Остоженкѣ; рѣзкіе порывы сѣверо-восточнаго вѣтра то и дѣло направляли огонь на Кремль. Осыпaeмый цѣлыми милліонами огненныхъ искръ, Кремль освѣщался по временамъ такъ ярко, какъ будто въ стѣнахъ его уже свирѣпствовалъ пожаръ. Страшное волненіе овладѣло императоромъ при видѣ этого зрѣлища. „Первымъ его движеніемъ былъ гнѣвъ; онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями; но гнѣвъ не замедлил смѣниться чувствами иного рода. Онъ вдругъ созналъ себя побѣжденнымъ, подавленнымъ; враги его превзошли его въ страшной рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго принесъ онъ столько жертвъ, къ обладанію которымъ стремился

*) Показаніе доктора Метивье см. у графа Сегюра: Histoire et memoires. Paris 1873. T. VI, стр. 17—18.

**) Записки Перовскаго. „Русскій Архивъ“ 1865 г. стр. 264.

всѣми силами души своей, исчезало на его глазахъ въ облакахъ дыма и пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, что огонь, окружавшій Кремль, пожиралъ уже его самого. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ и снова садился. Быстрыми шагами пробѣгалъ онъ дворцовыя комнаты; его грозныя, порывистыя движенія обличали кипѣвшую въ немъ душевную тревогу. По временамъ онъ подходилъ къ письменному столу и бралъ въ руки бумаги, но тотчасъ кидалъ ихъ и подходилъ вновь къ окнамъ“. Непреодолимая сила влекла его туда. „Какое ужасное зрѣлище!“ — восклицалъ онъ въ какомъ-то полузабытїи. „Это сами они поджигаютъ! Сколько прекрасныхъ зданій! Какая необычайная рѣшимость! Что за люди, это ски-ош“ *).

Донесенія, получаемыя ежеминутно Наполеономъ, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнїя, что Москву жгутъ сами русскіе. Французы видѣли, какъ многіе жители сами поджигали свои дома; они узнали, что всѣ пожарныя трубы увезены были изъ Москвы, по распоряженію графа Растопчина; имъ удалось, наконецъ, схватить нѣсколькихъ поджигателей на мѣстѣ преступленія; 4-го сентября схваченъ былъ даже какой-то полицейскій офицеръ въ военномъ сюртукѣ. Его привели въ Кремль и подвергли строжайшему допросу. „Отчего горитъ Москва? спрашивали его. Кто велѣлъ зажечь городъ? Зачѣмъ увезены пожарныя трубы? Зачѣмъ самъ онъ остался въ Москвѣ?“ Полицейскій, ошеломленный страхомъ, блѣдный, дрожащій, отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ, что онъ остался въ Москвѣ лишь потому, что не успѣлъ выѣхать. Французы, разумѣется, не удовлетворились такимъ отвѣтомъ. Несчастнѣйшій полицейскій

*) См. C-te Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armee. T. II, стр. 51 и слѣд. Впрочемъ еще утромъ 4-го сентября, многіе изъ лицъ, окружавшихъ Наполеона, полагали, что причина пожаровъ заключалась въ недостаткѣ дисциплины и пьянствѣ солдатъ, а также въ сильномъ вѣтрѣ, распространившемъ огонь. „Намъ совѣстно было смотрѣть на себя, говоритъ Сегюръ. Намъ утрашала крикъ ужаса, который раздастся по всей Европѣ. Съ опущенными глазами подходили мы одинъ къ другому, пораженные этимъ страшнымъ событіемъ: оно помрачило нашу славу, оно вырвало изъ нашихъ рукъ плодъ побѣды, оно угрожало нашему существованію въ настоящемъ и будущемъ. Мы войско разбойниковъ, надъ которымъ должно совершиться правосудіе неба и образованнаго міра“.

запертъ былъ въ тюрьму вмѣстѣ съ другими поджигателями *).

Наполеонъ, взволнованный еще болѣе этимъ происшествіемъ, какъ очарованный продолжалъ стоять у оконъ дворца, выходящихъ на Замоскворѣчье. Мысль, что Москва погибаетъ, что вмѣстѣ съ нею исчезаетъ и награда, обѣщавшая имъ его храбрымъ войскамъ, грызла его внутренность. Онъ чувствовалъ, что для него самого не безопасно оставаться долѣе въ Кремлѣ; но бѣжать изъ дворца русскихъ царей, только что завятаго имъ, казалось ему крайне постыдно. Окружавшія его лица просили его выѣхать изъ Кремля, но онъ какъ будто не слышалъ ихъ словъ. Порывисто переходилъ онъ отъ одного окна къ другому и вперялъ взоры въ огненное море, побѣдоносно пожиравшее его блестящее завсеваніе. Страшная стихія подступала все ближе и ближе къ Кремлю, неудержимо охватывала она всѣ мосты, всѣ входы въ крѣпость, отовсюда тѣснила и окружала повелителя полуміра и жадно смотрѣла на него, какъ на свою добычу. Тревога внутри крѣпости возрастала между тѣмъ съ минуты на минуту. Весь Кремль былъ наполненъ солдатами гвардіи, одни тушили падавшія головни, другіе стояли наготовѣ съ оружіемъ, лошади были осѣдланы и запряжены. Маршалъ Бертье и другіе приближенные Наполеона отдали приказъ быть всѣмъ на готовѣ къ выходу, но императоръ медлилъ подать сигналъ къ выступленію **).

Внезапно раздался повсюду ужасающій крикъ: „Кремль горитъ!“ Наполеонъ поспѣшилъ выйти изъ дворца на сенатскую площадку, чтобы удостовѣриться въ грозившей опасности. И дѣйствительно, Троицкая башня у самаго арсенала объята была пламенемъ. Послѣ невѣроятныхъ усилій гвардейцы успѣли потушить этотъ пожаръ; но ежеминутно грозили вспыхнуть новыя; искры и горѣвшія головни дождемъ сыпались на Кремль. Мюратъ, Евгенийъ Богарне, Бертье и другіе приближенные

*) Перовскій, нашъ офицеръ въ плѣну у французовъ, былъ случайнымъ свидѣтелемъ этого допроса. „Несчастнаго повели, говорить опъ, и заперли въ подвалѣ подъ площадкою, на которой я находился. „Что съ нимъ будетъ?“ спросилъ я у офицера, который его допрашивалъ. „Онъ будетъ наказанъ, какъ заслуживаетъ: повѣшенъ или разстрѣлянъ съ прочими, которые за ту-же вину съ нимъ заперты“. Записки Перовскаго. „Русскій Архивъ“ 1865 г. стр. 265.

**). См. „Русскій Архивъ“ за 1876 г. кн. III стр. 328.

Наполеона приступили вновь съ просьбами къ своему грозному властелину. На колѣняхъ молили они его оставить Кремль. Наполеонъ уступилъ, наконецъ, ихъ просьбамъ. Рѣшено было выѣхать въ загородный Петровскій дворецъ. Но какъ было выбраться изъ Кремля? „Мы были окружены,—говоритъ графъ Сегюръ,—цѣлымъ моремъ пламени; оно угрожало всѣмъ воротамъ, ведущимъ изъ Кремля. Первыя попытки выйти изъ него оказались неудачными. Наконецъ, найденъ былъ подъ горою выходъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Наполеонъ вышелъ черезъ него изъ Кремля съ своею свитою и старою гвардіею. Подойдя ближе къ пожару, мы не рѣшились войти въ эти волны огненнаго моря. Тѣ, которые успѣли пѣсколько познакомиться съ городомъ, не узнавали улицъ, исчезавшихъ въ дыму и развалинахъ. Однакоже, надо было рѣшиться на что-нибудь, такъ какъ съ каждымъ мгновеніемъ пожаръ усиливался все болѣе и болѣе вокругъ насъ. Одна узкая извилистая улица казалась болѣе входомъ, нежели выходомъ изъ этого ада. Императоръ рѣшился, не колеблясь, пошелъ впередъ по этой улицѣ. Онъ шелъ среди треска пылающихъ домовъ, при грохотѣ разрушавшихся сводовъ, среди падавшихъ вокругъ него горящихъ бревенъ и раскаленныхъ кровельныхъ листовъ желѣза. Груды обломковъ затрудняли его путь. Пламя, высоко подымавшееся надъ крышами, силою вѣтра наклонялось надъ нашими головами. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ. Сильный жаръ жегъ наши глаза, но мы не могли закрыть ихъ и должны были пристально смотрѣть впередъ. Удушливый воздухъ, горячій пепелъ и вырывавшееся отовсюду пламя спирали наше дыханіе, короткое, сухое, стѣсненное и подавляемое дымомъ. Мы обжигали руки, стараясь защитить лице отъ страшнаго жара и сбрасывая съ себя искры, осыпавшія и прожигавшія платье. Въ этомъ-то ужасномъ положеніи, когда все спасеніе наше зависѣло, повидимому, отъ быстроты, проводникъ нашъ сбился съ пути и остановился въ смущеніи“ *).

*) „Сохранилось преданіе, что русскій, согласившійся быть ихъ проводникомъ, жертвуя собою, умышленно завелъ ихъ въ безвыходное мѣсто, со всѣхъ сторонъ объятое пламенемъ“. „Русскій Архивъ“ 1876 года, кн. III, стр. 330.

обстоятельство вывело Наполеона изъ этого ужаснаго положенія. Солдаты изъ корпусовъ Даву и Нея, грабившіе въ этой части города, неожиданно потолкнулись на императора и его свиту. Хорошо знакомые съ мѣстностью, они вывели его по пожарищамъ къ рѣкѣ Москвѣ у Драгомиловскаго моста. Отсюда Наполеонъ и его спутники слѣдовали берегомъ рѣки, достигли до села Хорошева, переправились черезъ рѣку по плувучему мосту и выбрались въ поле. Измученные, потрясенные до глубины души страшными впечатлѣніями этого дня, прибыли они уже при наступленіи темноты въ Петровскій дворецъ *).

Между тѣмъ пожаръ продолжался съ удвоенною силою. Несчастные жители Москвы выносили въ эти дни страданія сверхчеловѣческія. Выгоняемые пламенемъ изъ своихъ домовъ и потайныхъ убѣжищъ, они спѣшили укрыться въ другихъ мѣстахъ и попадали при этомъ въ руки безжалостныхъ грабителей **). Порядокъ и дисциплина окончательно исчезли уже въ это время изъ рядовъ великой арміи. Ни императоръ, ни его маршалы и генералы, ни подчиненные начальники не принимали никакихъ мѣръ для прекращенія грабежа. „Пусть лучше достанется солдатамъ, нежели огню“, — думали они, и

*) Подробности бѣгства Наполеона изъ Кремля см. у Сегюра Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II глава VП. Шевалье д'Изарнъ говоритъ по поводу этого событія слѣдующее: „Бонапартъ, который изъ оконъ Кремля могъ слѣдить за всѣмъ ходомъ пожара, узнавъ, что поджигателей хватали въ самомъ Кремлѣ, немедленно удалился въ Петровскій дворецъ, гдѣ и провелъ ночь. Очень вѣроятно, что онъ боялся попасть въ ловушку (?), что могло быть очень опасно въ такомъ огромномъ городѣ: только этимъ объясняется, почему онъ не воспользовался своими войсками для спасенія хотя нѣкоторыхъ частей города, что конечно было возможно“. См. Воспоминанія Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ“ 1869 года 1413—1414.

**) Такое происшествіе случилось, между прочимъ, и съ Шевалье д'Изарномъ. Онъ ѣхалъ на телегѣ по Покровскѣ, когда его встрѣтили конные мародеры. „Я вступилъ съ ними въ переговоры, — говоритъ онъ, — и получилъ обѣщаніе, что у меня возьмутъ только одну лошадь, которую тотчасъ отпрягли и осѣдлали; потомъ бросились на меня и обообрали всего: часы, деньги, сапоги, давъ мнѣ въ замѣнъ ихъ другую пару, которая вѣзла только до половины ногг, и то на босу ногу; при этомъ мнѣ сказали, что я долженъ считать себя счастливымъ, такъ какъ мнѣ оставили сюртукъ“. Воспоминанія Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ“ за 1869 годъ, стр. 1420.

спокойно смотрѣли на неистовства своихъ полчищъ. Солдаты всѣхъ корпусовъ, всѣхъ національностей, соперничали другъ съ другомъ въ грабительствѣ и насиліяхъ всякаго рода. Примѣръ дьявольской жестокости подавали всѣмъ поляки. Ими руководило не одна алчность, но и чувство неискоренимой ненависти ко всему, что носило русское имя. Они не только грабили и мучили, но и упивались кровью и страданіями своихъ жертвъ. Не менѣе поляковъ свирѣпствовали и нѣмецкіе солдаты *) Наполеоновской арміи. Эти грубые и алчные наемники, чуждые всякаго національнаго чувства, проданные своими князьками великому императору, не уступали французамъ въ храбрости, но превосходили ихъ въ страсти къ дикому разгулу, въ бѣшенной, ничѣмъ неоправдываемой жестокости. У французовъ, по крайней мѣрѣ, въ первые дни говорило еще чувство національной чести; они краснѣли при мысли, что скажетъ о нихъ Европа, но по мѣрѣ усиленія безпорядка, по мѣрѣ возрастajícíаго грабежа, и они были увлечены общимъ потокомъ, бросились въ дикую предсмертную оргію пьянства, разврата, неистовства всякаго рода.

Одна только крайняя нужда могла если не оправдать, то объяснить до извѣстной степени неистовства солдатъ великой арміи. Солдаты всѣхъ корпусовъ, за исключеніемъ императорской гвардіи, обносились и оборвались до послѣдней степени. Безъ сапогъ, безъ нижняго платья, прикрытые одними лохмотьями, они походили скорѣе на бродягъ и бандитовъ, нежели на солдатъ регулярной арміи **). День и ночь бродили эти страшныя шайки по городу, вламывались въ горящіе и уцѣ-

*) О неистовствахъ поляковъ и нѣмцевъ говорятъ многіе очевидцы, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что французы любили сваливать все дурное на своихъ союзниковъ. Такъ напр. генералъ Себастиани въ разговорѣ съ Шевалье д'Изарномъ прямо объявилъ, что грабятъ „все эти черти виртембергцы“. См. Воспоминанія Шевалье д'Изарна, „Русскій Архивъ“ за 1869 годъ, стр. 1421.

***) „Грабежъ былъ неминуемымъ дѣйствіемъ непріятеля, лишившагося тѣхъ надеждъ, которыя были постоянно возбуждаемы въ немъ. И какое иное вознагражденіе можно было предоставить войскамъ, истомленнымъ трехъ-мѣсячными трудами и битвами, подвергавшимся всевозможнымъ лишеніямъ и положившимся на торжественныя обѣщанія, что въ Москвѣ окончатся ихъ страданія, и тамъ они найдутъ все способы для удовлетворенія всѣхъ нуждъ? Но какое это ужасное оружіе въ рукахъ солдатъ, доведенныхъ до отчаянія и жаждавшихъ мести! Не

лѣвшіе дома, останавливали на улицахъ несчастныхъ бѣглецовъ, грабили ихъ, издѣвались надъ ними, убивали при первомъ признакѣ сопротивленія, при первой попыткѣ спастись бѣгствомъ. Нерѣдко грабители заставляли своихъ жертвъ тащить за собою добычу, сопровождая свои приказанія угрозами и побоями. Кому удавалось избавиться отъ одной шайки, тотъ попадалъ въ руки другой, третьей и такъ далѣе, пока разутый и раздѣтый, измученный, избитый, или умиралъ отъ изнеможенія и голода на улицѣ, или-же успѣвалъ пайти себѣ какое нибудь убѣжище. По всѣмъ улицамъ при свистѣ вѣтра и громѣ разрушавшихся отъ пожара зданій, раздавались неистовые крики и выстрѣлы грабителей, вопли и стоны ихъ несчастныхъ жертвъ. Женщины не только подвергались грабежу, не щадившему ихъ стыдливости, но и преступнымъ покушеніямъ и насилію. Улицы наполнялись обгорѣлыми обломками зданій, полураспавленными листами желѣза, трупами людей и животныхъ.

Говимые пожаромъ, преслѣдуемые грабителями, несчастные жители искали убѣжища въ церквахъ, но пламя охватывало одинъ за другимъ московскіе храмы, а святотатственная рука непріятели не щадила и этого послѣдняго пріюта страдальцевъ. Привужденные оставить церковь при приближеніи пожара, бѣглецы падали съ молитвою на колѣни предъ алтаремъ и находившіеся при нихъ нерѣдко священники читали имъ напутственную молитву *). Но что-же ожидало ихъ на улицѣ? „Насъ, вышедшихъ изъ церкви,—разсказываетъ очевидецъ,—набралось до ста человекъ обоюга пола. Первый шагъ путниковъ ознаменовался преградой: зрѣніе поразилось мракомъ отъ несшагося дыма, слухъ грохотомъ, воемъ и свистомъ бури. Не возможно было найти дороги въ непроницаемой темнотѣ отъ

было различіе между французомъ и русскимъ, иностранцемъ и соотечественникомъ; всѣхъ грабили самымъ недостойнымъ образомъ. Тѣ, которыхъ пощадилъ огонь, не избѣжали грабежа, который доходилъ до такой степени, что многіе сожалѣли, что не погибли въ огнѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ“. Такъ свидѣтельствуешь французъ, аббатъ Сиррюгъ. См. *Lettres sur l'incendie de Moscou*. Стр. 20.

*) Описанная сцена произошла въ одной изъ замоскворѣцкихъ церквей. См. Воспоминанія очевидца (доктора Резанова). Москва. 1852 года, стр. 77.

песомаго бурею горячаго пепла, залѣпывшаго глаза и обжигавшаго лице. Наконецъ, путникамъ удалось выбраться на Поляпскую площадь, но тутъ ихъ окружили грабители-непріатели. Плѣнники пали на колѣни и, воздѣвая руки къ небу, просили пощады и милосердія, но варвары, не знакомые съ человѣколюбіемъ, не внемля ни просьбамъ, ни мольбамъ беззащитныхъ, бросились съ обнаженными саблями, какъ дикіе звѣри на стадо овецъ, и съ неистовымъ крикомъ и ожесточеніемъ начали всѣхъ тормошить, грабить и бить. Грабители разрывали узлы, отыскивали драгоценности и разбрасывали остальное; съ мушкетерскими саблями срывали сапоги, съ женщинами срывали платки и шали, сдергивали платья, вытаскивали изъ кармановъ часы, табакерки, золотыя и серебряныя монеты, вырывали изъ ушей серьги и снимали съ пальцевъ кольца и перстни. Пусть всякій дополнитъ воображеніемъ, какое зрѣлище представляла эта площадь, окруженная пожаромъ, освѣщенная заревомъ, наполненная дымомъ, смрадомъ и пепломъ, оглашаемая воемъ и свистомъ бури, и среди этого хаоса съ звѣрскими лицами и обнаженными саблями буйствующихъ, по раскиданному и изорванному имуществу, непріателей; а между ними въ разныхъ положеніяхъ, съ искаженными отъ страха лицами, съ воздѣтыми къ небу руками, съ развѣвающимися по воздуху растрепанными волосами, жертвъ, обреченныхъ на мученія, несчастныхъ жителей Москвы“.

Съ 5-го сентября начала мало-по-малу уменьшаться сила огня. Вечеромъ этого дня небо покрылось тучами, вѣтеръ началъ стихать и ночью полилъ сильный дождь. Весь слѣдующій день дождь продолжалъ идти съ возрастающею силою, вѣтеръ стихъ совершенно и пожары, заливаемые массою воды, погасали одинъ за другимъ. Кое-гдѣ дымились еще пожарища и показывался по временамъ огонь, но сила страшной стихіи была уже оковчательно подорвана. Удушливый воздухъ, распаленный огнемъ, наполненный дымомъ и пепломъ, быстро освѣжился, накаленная мостовая охолодѣла. Несчастные жители, спасшіеся отъ пожара и ярости непріателя, могли, по видимому, вздохнуть свободнѣе. Имъ казалось, что ихъ страданія подходятъ уже къ концу, что они вѣсили уже до дна

чану горести, но они жестоко ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Самое ужасное было еще впереди!

Тотчасъ же послѣ пожара императоръ Наполеонъ *) возвратился въ Кремлевскій дворецъ. На пути между рядами бивуаковъ онъ видѣлъ странныя сцены, дикую смѣсь роскоши съ нуждою **). У костровъ, сложенныхъ изъ дорогихъ мебели, разбитыхъ зеркалъ, разорванныхъ книгъ и картинъ, исколотыхъ въ щепы святыхъ образовъ, кипѣли котлы, въ которыхъ варилась конина. Подъ открытымъ небомъ безъ всякаго присмотра валялись головы сахару, мѣшки съ чаемъ и кофе. Солдаты торговали всевозможными драгоценностями, а между тѣмъ хлѣба не было почти ни у кого. Наполеонъ смотрѣлъ равнодушно на всѣ эти картины, но его невольно смущали слѣды грабежа и мародерства, встрѣчавшагося на каждомъ шагу ***). Лучше кого либо другаго понималъ онъ все

*) Наполеонъ, по свидѣтельству очевидцевъ, провелъ тревожную ночь въ Петровскомъ дворцѣ. На другой день утромъ онъ долго и молча смотрѣлъ изъ окна на разстлавшійся передъ нимъ пожаръ. „Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія“, произнесъ онъ наконецъ. „Русскій Архивъ“ 1876 г. к. V, стр. 53; c-te Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II. стр. 59.

***) Очевидцы такъ описываютъ эти бивуаки: „Никогда не забудется то странное зрѣлище, какое представлялъ лагерь вокругъ Петровскаго дворца: тамъ, въ Англійскомъ саду, находились разные штабы, входившіе въ составъ главной квартиры; генералы помѣщались въ зданіи фабрикъ, лошади стояли въ аллеяхъ. Непрерывно солдаты возвращались изъ Москвы и продавали награбленныя вещи. Къ довершенію странности, они были одѣты въ разнообразныя платья, какіе только находили“. Duc de Fezensac Souvenirs etc. стр. 265. „Лагерь расположенъ былъ на поляхъ, покрытыхъ лянкою и холодною грязью; повсюду горѣли большіе костры, огонь которыхъ поддерживался мебелью изъ краснаго дерева, оконными рамами и позолоченными дѣрками изъ богатыхъ домовъ. Вокругъ огней, на постилкахъ изъ мокрой соломы, прикрытыхъ углыми навѣсами изъ нѣсколькихъ досокъ, валялись солдаты, а офицеры, покрытые грязью и закопѣлые отъ дыму, сидѣли на креслахъ, или лежали на роскошныхъ, покрытыхъ шелковыми матеріями, диванахъ; ноги у нихъ были закутаны кашемировыми шальми, дорогими сибирскими мѣхами и персидскими золотыми матеріями. На серебряныхъ блюдахъ они ѣли какую-то черную похлебку, пересыпанную золою, кровавую и полуизжаренную конину. Странная смѣсь обилія и недостатка, богатства и грязи, роскоши и бѣдности“. C-te Segur, Histoire de Napoleone et de la grande armée. T. II стр. 63 и 64.

***) „Императоръ увидѣлъ, что все его войско разсѣялось по городу“, — говоритъ графъ Сегюръ: „движеніе его повѣда затрудняли на каждомъ шагу толпы мародеровъ или возвращавшихся съ добычею, или шедшихъ на новый грабежъ,

роковое значеніе подобныхъ явленій. Онъ зналъ, что съ паденіемъ порядка и дисциплины рѣшится самъ собою вопросъ объ участи великой арміи. Занятый такими мыслями, Наполеонъ прибылъ въ Кремль и тотчасъ же приказалъ собрать свѣдѣнія о количествѣ домовъ и имуществъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Свѣдѣнія получились самыя неутѣшительныя. Наполеону доносили, что отъ обширной столицы уцѣлѣла лишь одна 4-я часть, что изъ 30,000 домовъ осталось лишь нѣсколько тысячъ, что количество церквей, разрушенныхъ пла-

толны солдатъ, собравшихся у отверстій погребовъ, у дверей домовъ и церквей, пощаженихъ огнемъ". Наполеонъ былъ свидѣтелемъ и другихъ потрясающихъ сценъ и остался при нихъ, согласно своей желѣзной натурѣ, совершенно равнодушный. „При въѣздѣ Наполеона, говоритъ русскій свидѣтель,—многіе изъ жителей московскихъ, испившихъ всю чашу бѣдствій отъ нашествія на нихъ иноплемениковъ, упавъ издали многочисленную свиту, убѣгли прочь. Другіе посмѣлѣе отваживались украдкой выглядывать изъ-за обвалившихся стѣнъ. Наконецъ, въ одномъ переулкѣ близъ Охотнаго ряда, одѣтая въ лохмотья толпа мѣщанъ, человекъ въ 40, на которыхъ отъ страха, голода и холода, едва осталось подобіе человѣческое, выждавъ приближеніе свиты къ переулку, падаетъ среди грязи на колѣни, простираетъ къ иноплемениному государю руки, вопіетъ о претерпѣнномъ ими грабежѣ и конечномъ разореніи и проситъ пощады и хлѣба. Но сей жестокой человекъ, поворотивъ лошадь свою вправо, не удостоилъ ихъ своего взгляда; но только приказалъ одному изъ сопровождавшихъ его узнать, о чемъ они просятъ". Въ толпѣ находился и Бестужевъ-Рюминъ, уже совершенно ограбленный мародерами. Несчастный скрывался передъ тѣмъ въ полѣ между Троицкою заставою и Сокольниками, но мучимый голодомъ, онъ рѣшился войти вновь въ Москву въ сопровожденіи своей семьи и другихъ бѣглецовъ. „Мы три дня уже не видали куска хлѣба, и бѣдная дѣти мои, истощивъ себя, плакали. Глазь и чувство природы требовали моего о нихъ попеченія. Я пришелъ на Тверскую улицу и у самыхъ Воскресенскихъ воротъ встрѣтилъ Наполеона съ его штабомъ верхами. Я скинулъ шляпу и уповательно: Наполеонъ узналъ меня, хотя былъ я нагъ и босъ и ямѣлъ только лакейскую шинель на себѣ; ибо посмотрѣвъ на меня, что-то сказалъ бывшему сзади его чиновнику, который тотчасъ и подѣхалъ ко мнѣ; въ семь чиновникъ узналъ я секретаря его—г. Делориа де Девилли, который, узнавъ и меня, вскричалъ: „Ахъ, господинъ Бестужевъ, въ какомъ положеніи вижу я васъ!“—„Таковъ жребій войны“, отвѣчалъ я.—„Гдѣ ваша жена, ваши дѣти?“—промолвилъ онъ. „Вотъ они, показывая на нихъ: жена въ рубищѣ, а дѣти босы.—„Ахъ Боже мой!“ и на глазахъ его навернулись слезы. Изъ многихъ, окружавшихъ насъ, приказалъ онъ одному польовику изъ штаба маршала Вертье, племянъ императора своего, взять меня подъ свое покровительство“. См. Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armee. T. II стр. 64. Корбелецкій, краткое повѣствованіе, стр. 37—38. Донесеніе Бестужева-Рюмина министру юстиціи о происшествіяхъ въ Москвѣ въ 1812 г. Чтенія общества II. и др. 1859 г. кн. II. Смѣсь, стр. 171—172.

менемъ, доходить до 800, что почти всѣ магазины и склады истреблены огнемъ *). Эти цифры ужаснули Наполеона. Москва и громадныя запасы, накопленные въ ней, погибли, — вотъ мысль, которая окончательно утверждается въ немъ съ этой минуты. Нѣтъ болѣе нужды заботиться объ жалкихъ остаткахъ, уцѣлѣвшихъ отъ истребленія! Пусть же поживятся ими, по крайней мѣрѣ, солдаты, измученные такимъ небывалымъ походомъ, обманутые такъ ужасно во всѣхъ своихъ надеждахъ! Остатки сожженной Москвы должны быть отданы въ добычу солдатамъ. Въмѣсто грабежа случайнаго, беспорядочнаго долженъ начаться грабежъ правильный, систематическій; отдѣльные отряды войскъ должны запасться, по возможности, припасами, алчность солдатъ должна получить законное удовлетвореніе. Рѣшая этотъ ужасный приказъ, Наполеонъ и не подозревалъ, что онъ совершаетъ величайшую ошибку во всей своей жизни, что онъ подписываетъ смертный приговоръ своей арміи. Онъ не подумалъ, что онъ затѣваетъ дѣло несбыточное, внести систему и порядокъ въ дикое дѣло разрушенія, что онъ легкомысленно налагаетъ руку на громадныя запасы, все еще оставшіяся въ Москвѣ, что онъ самъ лишаетъ свою армію послѣднихъ источниковъ жизни, что онъ наноситъ смер-

*) Въ одномъ современномъ письмѣ изъ Москвы, писанномъ тотчасъ же по удаленіи французовъ, содержатся между прочимъ слѣдующія указанія: „Нѣмецкая слобода вся выжжена. У Богоявленія уцѣлѣлъ домъ гр. Головкина, а у Вознесенія Демидова и графа Разумовскаго. Въ старой Басманной уцѣлѣли только четыре дома; на земляномъ валу сгорѣли всѣ зданія кромѣ Шереметьевской больницы и большаго корпуса Спасскихъ казармъ. Отъ Никольскихъ воротъ до Мясницкихъ всѣ зданія уцѣлѣли, а отъ Мясницкихъ до Красныхъ воротъ все сгорѣло, кромѣ четырехъ домовъ. Отъ Никольскихъ воротъ до Срѣтевскихъ всѣ зданія цѣлы, также и въ Кузнецкомъ мосту. Отъ Воскресенскихъ воротъ до дома главнокомандующаго всѣ дома сгорѣли, отъ Покровскихъ воротъ до Мясницкихъ валомъ всѣ дома цѣлы. Отъ Покровскихъ воротъ до Ильинскихъ всѣ дома по обѣимъ сторонамъ цѣлы, а за Покровскими воротами уцѣлѣло лишь нѣсколько домовъ. За Москвою-рѣкою всѣ дома сгорѣли. Гостиный рядъ и весь городъ сгорѣлъ и т. д. Изъ 30,000 домовъ врядъ ли осталось 5,000. См. „Русскій Архивъ“ за 1876 годъ кн. 7. „Дѣвѣнадцатый годъ, современные рассказы, письма, анекдоты, стихотворенія“, стр. 311. По другимъ свидѣніямъ, въ Москвѣ сгорѣло три четверти всѣхъ домовъ. См. Богдановичъ. Т. II стр. 309.

тельный ударъ, и безъ того уже потрясенной въ самыхъ основаніяхъ, дисциплинѣ великой арміи *).

Въ приказѣ Наполеона, обрекавшемъ Москву на окончательное разореніе, избѣгалось постыдное слово „грабежъ“, оно замѣнено было болѣе приличнымъ выраженіемъ: „изготовленіе продовольственныхъ запасовъ для войскъ“. Было предписано, чтобы каждый изъ корпусовъ, стоявшихъ въ Москвѣ, или ея окрестностяхъ, отряжалъ отъ себя поочередно нѣсколько ротъ для сбора провіанта. Какъ ни прилично былъ составленъ приказъ, но все-же исполненіе его на дѣлѣ повлекло за собою такіе страшные грабежи, насилія и неистовства, которые далеко оставили за собою все бывшее во время пожара. Отряды, отправляемые на грабежъ, полагая, что имъ приходится въ послѣдній разъ идти на добычу, съ жадностью бросались на все, не останавливаясь ни предъ какими нестяжаніями и звѣрствами. На улицахъ Москвы можно было встрѣтить въ эти ужасные дни только однихъ непріятельскихъ солдатъ. Повсюду толпились они передъ уцѣлѣвшими и полусгорѣвшими домами, разбивали двери, выламывали окна, проникали въ погреба и кладовыя. Жители прятались въ самыхъ сокровенныхъ углахъ, позволяли грабить себя безъ всякаго сопротивленія. Систематическій порядокъ, царствовавшій въ этомъ грабежѣ, придавалъ ему еще болѣе ужасный характеръ. Первый день грабила старая гвардія, второй—молодая, за ней слѣдовалъ корпусъ Даву и т. д. Всѣ корпуса, стоявшіе вокругъ города, приходили по очереди грабить не рѣдко одни и тѣ же кварталы. Восемь дней продолжалась эта небывалая процедура **). Легко себѣ представить, какъ трудно было удовлетворить послѣднихъ грабителей. О какомъ нибудь правильномъ сборѣ продовольственныхъ запасовъ не было, разумѣется, и рѣчи; все сводилось къ одному захватыванію добычи. Хлѣбныя лавки были разграблены прежде всего и запасы муки и хлѣба, находившіяся въ нихъ, по большей части, истреблены самымъ легкомысленнымъ образомъ. Винныя и водочныя склады постигла та-же участь. Грабители напивались сначала до безу-

*) Вспоминанія Шевалье д'Шарнь. „Русскій архивъ“ 1869 г. стр. 1423—1424.

***) См. Chambray, Histoire de l'expédition en Russie. T. II, стр. 132.

мія, а затѣмъ разбивали бочки. Многіе погреба наполнились до верху виномъ и водкою, и непріятельскіе солдаты нерѣдко тонули въ нихъ *). Оборванные и босые французы съ особенною жадностью бросались на всякую одежду, попадавшуюся имъ подъ руки. Они не только брали всякое платье и обувь, найденную въ домахъ, но и раздѣвали до-нага несчастныхъ жителей, нерѣдко среди улицъ. „Когда французъ, говоритъ очевидецъ, встрѣчалъ на улицѣ женщину, то онъ останавливалъ ее, подымалъ платье на голову и обыскивалъ: буде находилъ зашитыя въ сорочкѣ деньги, или крестъ серебряный на шеѣ, серьги, кольца на рукахъ, то все исправно обиралъ, или остановя и схватя за пазуху женщину и разодравъ сверху до низу платье и рубаху, тоже дѣлалъ. Шубы, салоны и капоты снимали безъ разбору, ни мало не заботясь о наготѣ несчастныхъ, безъ одежды и безъ куска хлѣба, скитавшихся толпами по разграбленному и въ конецъ разоренному городу“ **). Хотя погода стояла еще довольно теплая, но непріятельскіе солдаты, совершенно оборвавшіеся ***), сѣшили нарядиться въ награбленную ими одежду, ни сколько не стѣсняясь при этомъ въ выборѣ. На улицахъ Москвы можно было встрѣтить тогда солдатъ въ самыхъ невозможныхъ костюмахъ, это былъ какой-то дикій, бѣснующійся маскарадъ. „Здѣсь встрѣчался усатый гренадеръ въ священническихъ ризахъ и въ треугольной шляпѣ; тамъ въ женскомъ салопѣ и съ эпитрахилемъ на шеѣ; здѣсь въ женской мантильѣ, въ шароварахъ и въ каскѣ; тамъ въ бѣломъ плащѣ и съ алымъ кокошникомъ на головѣ; вотъ еще одинъ въ діаконскомъ стихарѣ; тутъ верхомъ въ монашеской рясѣ съ краснымъ перомъ на

*) Ab. Surrugues, Lettres sur l'incendie de Moscou, стр. 19.

**) Дѣвѣнадцатый годъ. Современные рассказы, письма, анекдоты, стихотворенія. № 46; положеніе Москвы послѣ непріятеля (писано въ февралѣ 1813 г.), стр. 391. „Русскій Архивъ“ 1876 г. кп. 8.

***) „Нельзя себѣ объяснить иначе жадности этихъ негодяевъ, какъ зная ихъ собственное бѣдственное положеніе. Безъ панталонъ, безъ башмаковъ, въ лохмотьяхъ,—вотъ каковы были солдаты арміи, не принадлежавшіе къ императорской гвардіи. Когда они возвращались въ свой лагерь, переодѣтые въ самыя разнообразныя одежды, ихъ можно было узнать развѣ только по оружію“. Воспоминанія Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ“ 1869 г. стр. 1424.

пляпѣ; здѣсь куча солдатъ въ женскихъ юбкахъ, завязанныхъ вокругъ шеи *)). Офицеры не только не заботились сдерживать буйство своихъ солдатъ, но напротивъ сами подавали имъ примѣръ грабежа и насилія. Даже генералы брали подъ предлогомъ реквизицій все, что имъ правилось. Ограбивъ до-чиста занимаемые ими дома, они переходили на новыя квартиры и повторяли тамъ такую-же процедуру**). Грабители не дѣлали ни малѣйшаго различія между русскими и иностранцами. Тщетно ссылались на свою національность московскіе обыватели-французы и молили своихъ соотечественниковъ о пощадѣ. „Какое мнѣ дѣло, отвѣчали имъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, что вы французы? Что вы здѣсь дѣлаете? Изъ французовъ только какой-нибудь негодяй—не за одно съ нами! Вы эмигранты!“ ***). Одинъ солдатъ забрался въ подвалъ, гдѣ скрывалось цѣлое семейство французовъ. Не обращая никакого вниманія на ихъ народность, онъ обобралъ ихъ до-гола; но замѣтивъ еще обручальное кольцо на рукѣ молодой женщины, онъ потребовалъ и кольца. На колѣняхъ она умоляла его оставить ей этотъ знакъ супружеской вѣрности; но онъ грубо отказалъ и грозилъ немедленно отрубить ей палецъ ****). И счастливъ былъ тотъ, кто отступалъ передъ первою угрозою! Непріятельскіе солдаты въ

*) „Однимъ словомъ французы арлекинистествовали отъ избытка сердца своего и ругались всѣмъ на свѣтѣ. Представьте себѣ при сей кестротѣ наряда разбросанныя по улицамъ убитыя и обгорѣвшія человѣческія тѣла и мертвыя лошадиныя труны, присоедините къ этому бѣгающихъ нагихъ женщинъ, вошь и сѣтованіе, ненастную погоду, непмѣніе пргстанница и голодь: то все еще картина будетъ недостаточная“. См. „Русскій Архивъ“ за 1876 г. кн. 8. „Двѣнадцатый годъ“, стр. 391.

**) „Воспоминанія Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ“ за 1869 г. стр. 1424.

***) „Вотъ чѣмъ угощали меня каждый день разъ двадцать; а что могъ она взять съ насъ? Послѣднее платье этихъ бѣдняковъ, выхваченное изъ огня, да мой сюртукъ, возбуждавшій зависть всякаго, кто его видѣлъ,—вотъ все, что мы имѣли“. Воспоминанія Шевалье д'Изарнъ. „Русскій Архивъ“ за 1869 г. стр. 1423.

****) См. Lecoq de Laveau, Moscou avant et après l'incendie, стр. 25 и слѣд. Тамъ-же разсказанъ другой случай: „одинъ военный повстрѣчалъ французенку, спасавшуюся отъ грабежа своихъ соотечественниковъ. Вѣжливыми словами, снисдѣлительствовавшими объ его образованіи, онъ предложилъ ей свою защиту и сопровождая ее вынулъ изъ кармана шубу, чтобы она не утомилась. Она отказывалась изъ вѣжливости; онъ настаивалъ, и когда она передала ему шубу, свое единственное достоиніе, которое удалось ей спасти отъ огня, онъ уѣжалъ, смѣясь надъ ея легковѣріемъ и довѣрчивостью“.

случаѣ малѣйшаго упорства своихъ жертвъ, способны были на самыя страшныя жестокости. „Они не уважали,—свидѣтельствуешь французъ-очевидецъ,—ни стыдливости женскаго пола*), ни невинныхъ дѣтей въ колыбели, ни сѣдинъ старости“.— „Касательно грабежа,—говоритъ русскій очевидецъ,—уточненіе французовъ въ семь родѣ достигло до высокой степени. Не осталось такой пытки, которой-бы они не употребили, чтобы допросить, гдѣ чье имѣнье запрятано и зарыто; вездѣ рубили и копали! Ежели проносили въ гробѣ мертвое тѣло для погребенія, то останавливали и осматривали оное; даже самыя могилы разрывали въ чаяніи найти сокровища“ **).

Московская святыня, безчисленныя церкви и богатые монастыри подверглись самому страшному грабежу и святотатственному оскверненію. Нечего и говорить, что почти всѣ приходскія церкви, уцѣлѣвшія отъ пламени, были разграблены и обращены въ конюшни. Уже въ первые дни по занятіи Москвы, въ богатыхъ монастыряхъ, оставленныхъ, впрочемъ, большею

*) Безстыдство грабителей равнялось ихъ трусости, что видно изъ слѣдующаго разсказа Бестужева-Рюмина. Бестужевъ вмѣстѣ съ многими другими скрывался на огородѣ близъ церкви Спаса, что во Спасскомъ. „Среди сего огорода былъ прудъ, и мы оными утолили нѣсколько мучившій насъ голодъ, но не бѣгли однако-жъ прозорливости мародеровъ; двое изъ нихъ пришли насъ грабить; въ виду-же оныхъ было болѣе 100 человекъ. Безумное дѣло, казалось, сопротивляться и потому отдавали имъ все, чего требовали. Насъ было всего около 50 человекъ, въ томъ числѣ большая часть были женщины. Пришедшіе два мародера, видя, что мы ни малѣйшаго сопротивленія ихъ нахальнымъ требованіямъ не дѣлаемъ, вздумали раздѣвать женщинъ и пскать сокровищъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ только алжирскіе корсары вщуть. Я, боясь, чтобы подобный обыскъ не былъ сдѣланъ и жепѣ моей, подошелъ къ нимъ и сказалъ: „Messieurs! Vous pouvez prendre tout ce que vous voyez sur nous; mais si vous osez y toucher les dames et les femmes, qui sont ici, au nom de Créateur, que vous ne reconnoissez pas, je jure de vous faire jettes dans cet eau herbeuse“ (т. е. господа, вы можете брать все, что видите на насъ, но если вы осмѣлитесь коснуться женщинъ, то клянусь именемъ Создателя, котораго вы не признаете, что мы васъ бросимъ въ эту грязную воду). Они съ симъ словомъ вложпи тесаки свои въ ножны и уходя отвѣтствовали: „Ah Monsieur, si vous agissez comme cela, nous sommes bien vos très humbles serviteurs... vos très humbles serviteurs“. (Ахъ господинъ, если вы думаете поступить такъ, то извините, мы ваши покорнѣйшіе слуги), повторяли еще и пошли прочь. Вотъ герцогу, овладѣвшію Москвою“. Бестужевъ-Рюминъ, чтенія общ. исторіи и др. 1859 года кн. 2. Смѣсь, стр. 171.

**) „Дѣнадцатый годъ“. „Русскій Архивъ“ 1876 года кн. 8, стр. 391.

частью братіи, происходили самыя возмутительныя сцены. Во дворѣ, напримѣръ, Данилова монастыря нагнано было множество всякаго скота. Непріятели устроили тутъ бойню, рѣзали всякую скотину, коровъ, барановъ, свиней, разбрасывали внутренности по всему монастырю и завели такую грязь, „что по монастырю, замѣчаетъ очевидецъ,—и пройти гнусно было“. Въ двухъ мѣстахъ разложенъ былъ огонь, день и ночь кипѣли котлы, вино и водка лились рѣкою. Пьяные непріятельскіе солдаты поминутно стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ. Годичный запасъ сѣна и овса истребили въ нѣсколько дней. Забрали также небольшіе запасы муки пшеничной и масла коровьяго, но отварачивались съ пренебреженіемъ отъ ржаной муки и хлѣба. Когда начался систематическій грабежъ Москвы, тогда въ монастырь явилась команда артиллерійскихъ солдатъ. Грабители, войдя въ церковь, тотчасъ-же начали сдирать съ образовъ серебряныя ризы, затѣмъ принялись за раку св. мощей, перерыли и осквернили всю гробницу. Одинъ солдатъ разбилъ саблею стекло на большомъ образѣ Спасителя и сорвалъ серебряныя ризы, украшенныя драгоценными камнями. Монастырская ризница была ограблена до-чиста. Непріятели снимали одежды съ престоловъ, раздирали срачицы, опаясь святыми антими́нсами; иныя священническія облаченія надѣвали на себя, съ другихъ обдирали позументы, сѣтки, бахрамы, кисти золотыя и серебряныя, разрывали остальное на клочки и разбрасывали по храму. Такъ неистовствовали непріятели *) въ Даниловомъ монастырѣ, но въ другихъ московскихъ обителяхъ происходили, какъ видно это изъ официальныхъ документовъ, еще болѣе ужасныя сцены.

Никогда, быть можетъ, ни одна армія новаго времени не была проникнута до такой степени духомъ невѣрія и богохульства, какъ разноплеменные полчища Наполеона въ 1812 году. Не довольствуясь однимъ грабежомъ храмовъ, французы и ихъ союзники ругались безъ всякой нужды и притомъ самымъ возмутительнымъ образомъ надъ всѣмъ, что было дорого и свято для народа русскаго. Безъ всякаго повода подвер-

*) О Даниловомъ монастырѣ см. Чтенія общества исторіи и древности. Москва. 1861 г. кн. I, смѣсь, стр. 103—107. Сообщено Снегиревымъ.

гали они страшнымъ истязаніямъ священнослужителей и монашествующихъ и не задумывались обогрять кровью пороги монастырей и храмовъ. Въ Заиконоспаскій монастырь непріятели ворвались вскорѣ послѣ занятія Москвы. Они начали съ того, что ограбили и раздѣли до-гола монашествующихъ и заставили ихъ вслѣдъ затѣмъ таскать тяжелыя ноши. Иеромонахъ Викторъ былъ брошенъ ими въ Москву-рѣку, вѣроятно за то, что не въ состояніи былъ таскать тяжести. Несчастный успѣлъ, однако-же, переплыть черезъ рѣку, переночевалъ въ кустахъ, зарывшись въ песокъ, и на другое утро бѣжалъ изъ города. Другаго монаха Вонифатія, совершенно негоднаго къ работѣ по дряхлости лѣтъ, непріятели спускали нѣсколько разъ въ воду для потопленія, потомъ собирались отрубить голову, но наругавшись до-сыта, бросили его, наконецъ, полумертваго. Иеродіаконъ Владиміръ, человекъ болѣе сильный и здоровый, долгое время таскалъ, по приказанію непріятелей, ноши; но вдругъ французы, которымъ мерещились повсюду казаки, начали подозрѣвать, что и онъ казакъ, вѣроятно на томъ основаніи, что онъ носилъ бороду. Немедленно-же совершенно голаго, покрывъ св. покровомъ, повели его въ Кремль на допросъ къ Мюрату, грозили ему разстрѣляніемъ, но подъ конецъ отпустили. Въ монастырѣ происходило между тѣмъ самое возмутительное безчинство. Въ нижней церкви поставлены были лошади; вмѣсто ковровъ ихъ покрыли ризами; въ алтарѣ поставлены были кровати для солдатъ. Въ казначейской кельѣ устроена была военная швальня. Въ книжной лавкѣ помѣстилась французенка-маркитантка. Она торговала виномъ и съѣстнымъ; постель у нея была покрыта плащаницею. Сначала непріятели ни въ чемъ не нуждались, но потомъ питались однимъ картофелемъ, да стрѣляли галокъ и воропъ.

Въ Николаевскомъ греческомъ монастырѣ оставались архимандритъ Козьма и четверо монашествующихъ. 3-го сентября въ монастырь явился непріятельскіе солдаты. Они выломали двери церквей и кладовыхъ и расхитили все. Затѣмъ они раздѣли до-гола архимандрита и братію и приказали имъ тащить награбленную добычу въ Новодѣвичій монастырь. Несчастные исполняли этотъ приказъ, изнемогая подъ тяжестью, стараясь

прикрыть свою наготу рогожами. Игумень Богоявленскаго монастыря Гedeонъ принялъ заранѣе мѣры къ спасенію монастырскаго имущества. Большую часть ризницы онъ увезъ въ Вологду, остальное спряталъ подъ церковнымъ поломъ. Непріятели явились въ монастырь 3 сентября. Тотчасъ-же они начали допрашивать казначея съ угрозами о скрытыхъ сокровищахъ, таскали его за волосы и бороду, приставляли къ груди штыки. Другіе грабители разбивали между тѣмъ кладовыя и выгнали изъ нихъ все имущество. Спустя нѣсколько времени, непріятельскіе солдаты заставили тащить казначея и братію товаръ изъ горѣвшаго гостиннаго двора. Навьюченные тюками сукна и боченками вина, принуждены они были идти по Тверской среди плающихъ домовъ. По дорогѣ у заставы встрѣтились имъ другіе солдаты, они отняли у нихъ ихъ ноши, а самихъ отпустили на свободу. Черезъ нѣсколько времени бѣдняки попали, однакоже, въ руки другихъ мародеровъ. На этотъ разъ ихъ заставляли везти телѣгу съ винами, но уже не по улицѣ, а черезъ гряды и валъ. Измученный казначей воротился въ монастырь вечеромъ 4 сентября. Такъ какъ непріятели взяли уже изъ монастыря все имущество, то онъ полагалъ, что его оставить въ покоѣ. Не тутъ-то было. Уже на другой день грабители начали допрашивать его подлѣ церкви, гдѣ золотыя и серебряныя вещи? Его били двумя палками по спинѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не лишился чувствъ. О. Ааронъ остался однако же твердъ: не смотря на всѣ пытки, онъ не указалъ мѣста, гдѣ были скрыты церковныя сокровища. Мужественный инокъ успѣлъ даже скрыть отъ жадныхъ и голодныхъ непріятелей небольшой запасъ муки и кормить ею свою собравшуюся братію. Этого мало: онъ раздавалъ хлѣбъ бѣднымъ обывателямъ, приходившимъ въ монастырь, а съ 19 сентября началъ даже отправлять божественную службу, утреню, вечерню и часы. Непріятели заходили иногда въ церковь, но не нарушали служенія.

Монахи Златоустовскаго монастыря бѣжали изъ обители еще до появленія непріятелей; точно также поступили и монахи Андреевскаго монастыря. Непріятели, завявши оба монастыря, производили въ нихъ свои обычныя безчинства. Кололи обра-

за и употребляли ихъ вмѣсто дровъ, превратили церкви въ конюшни, завели повсюду страшную нечистоту, оставляли безъ погребенія мертвыя тѣла.

Изъ Покровскаго монастыря болѣе цѣнное имущество вывезено было заранѣе, но большая часть монашествующихъ остались. Непрiатели ворвались въ монастырь и ограбили до-чиста церкви еще 3 сентября утромъ. 4-го они явились вновь, схватили пятерыхъ монаховъ, поволокли за заставу и начали страшно истязать, домогаясь, гдѣ сокровища? Въ камилавкѣ одного iеромонаха они нашли нѣсколько зашитыхъ денегъ и били его смертельно. Того-же 4 числа въ монастырѣ помѣстился непрiательскiй генералъ съ многочисленною свитою. Солдаты продолжали творить на его глазахъ всевозможныя безобразiя. Въ церквахъ, по французскому обычаю, устроены были конюшни, св. образа шли на топливо, жертвенники и престолы употреблялись вмѣсто столовъ. Еще болѣе ужасныя сцены происходили въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Ворвавшись въ монастырь, непрiательскiе солдаты били смертельно казначея и братiю, допрашивая гдѣ утварь; затѣмъ они сорвали полы и нашли подъ ними все спрятанное. Въ нижней церкви поставлены были лошади, въ иконостасахъ вбили гвозди для вѣшанiя ковской сбруи, въ алтарѣ спали солдаты. Одѣвшись въ ризы, французы прогуливались по монастырю и совершали въ нихъ-же всевозможныя работы. Другiе стрѣляли голубей и галокъ, рѣзали лошадей и приготовляли изъ нихъ пищу. Неистовство непрiателей довело до отчаянiя монастырскихъ служителей; захвативъ однажды француза въ кладовой, они убили его и уснѣли скрыть трупъ.

Совершенно подобныя-же безчинства, за нѣкоторыми, впрочемъ, исключенiями, производили французы, эти наши всегдашнiе наставники по части элегантности и утопченныхъ манеръ, и въ жепскихъ монастыряхъ. Въ Воскресенскомъ монастырѣ, что въ Кремлѣ, они взяли не только все церковное имущество, но ограбили до-чиста монахинь и выгнали ихъ изъ монастыря. Тоже самое продѣлали они и въ бывшемъ Ивановскомъ монастырѣ. Рождественскiй монастырь грабили сначала мародеры, затѣмъ въ немъ поселился какой-то генералъ.

Грабежи прекратились, но продолжалось самое возмутительное святотатство. Въ трапезѣ церкви Божіей Матери устроена была, напримѣръ, генеральская конюшня. Въ Никитскомъ монастырѣ непріатели не только ограбили все имущество, но и ежедневно приходили къ монахинямъ, требовали хлѣба и денегъ и наносили имъ страшные побои. Въ церквахъ устраивали оргіи, напивались до безчувствія и творили невѣроятныя неблагопристойности. Въ Алексѣевскомъ монастырѣ, непріатели, не довольствуясь грабежомъ, выстрѣлами зажгли монастырь. Мѣста, которыя не загорались, посыпали порохомъ, и потомъ зажигали. Въ Страстномъ монастырѣ церкви были ограблены до чиста и обращены въ магазины, монахини выгнаны на паперть, а въ кельяхъ поставлены гвардейскіе солдаты. Передъ воротами монастыря французы устраивали эзекуціи, разстрѣливали поджигателей и оставляли трупы ихъ непогребенными.

Гораздо счастливѣе отдѣлались Зачатьевскій и Новодѣвичій монастыри: первый изъ нихъ былъ, правда, зажженъ и ограбленъ французами, но потомъ баронъ Таулетъ, одинъ изъ Наполеоновскихъ чиновниковъ, взялъ подъ свое покровительство монахинь и далъ имъ возможность отправлять вновь богослуженіе. Новодѣвичій монастырь спасся отъ грабежа благодаря двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, неподалеку отъ него въ домъ князя Щербатова, находилась квартира маршала Даву. Даву, человекъ крайне жестокій и безсердечный, не позволялъ однакоже беспорядочныхъ грабежей и поддерживалъ въ своемъ корпусѣ немалую дисциплину. Во-вторыхъ, хотя въ монастырѣ стояли поляки, но ихъ начальникъ, Задѣра, говоритъ очевидца, грѣха боялся. Маршалъ Даву прислалъ даже по просьбѣ священника въ монастырь муки и три бутылки вина для совершенія эвхаристіи. Но эти немногія исключенія были не болѣе какъ капли въ морѣ бѣдствій, невыносимыхъ страданій и неслыханнаго святотатства, обрушившагося тогда на Москву и ея святыни *).

*) Все свидѣнія о событіяхъ въ московскихъ монастыряхъ заимствованы изъ подлинныхъ донесеній настоятелей князю Голлицу отъ 5 декабря 1817 года. Извлеченія изъ нихъ помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1869 г. стр. 1387—1399. О Дѣвичьемъ монастырѣ на Дѣвичьемъ полѣ см. Толычевой „Разказы очевидецъ“, стр. 16—19.

Непستовства непріятельскихъ солдатъ вызывали иногда страшное возмездіе со стороны несчастныхъ московскихъ жителей, доведенныхъ до отчаянія. Одинъ прикащикъ заперъ въ погребъ семьнадцать непріятельскихъ солдатъ и сжегъ ихъ тамъ *). Нерѣдко одиночные грабители и даже небольшія партіи ихъ попадались въ руки рѣшительныхъ людей и платились жизнью **). Но эти частные случаи мести, особенно если не удавалось скрыть слѣды ихъ, вызывали въ свою очередь страшную месть непріятели. Рассказывали, что французы устраивали формальныя охоты на людей, что они не рѣдко вѣшали и разстрѣливали совершенно невинныхъ людей, обвиняя ихъ въ убійствахъ и поджогахъ.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

*) См. Правда о пожарѣ Москвы, стр. 215.

**) „Когда городъ превращенъ былъ въ пепель пожаромъ и, слѣдовательно, по утушеніи его не освѣщенъ фонарями, то въ осевнія, глубокія и темныя ночи, жители Москвы убивали французовъ великое множество: кидали ихъ въ колодези, подвалы, погреба, пруды и другія мѣста. Сіе доказывается и тѣмъ, что дѣйствительно, во всѣхъ церквахъ французы дѣлали даже подъ самыя высокія окна пары на подмосткахъ и, взобравшись на нихъ, спдѣли по цѣлымъ ночамъ приогнѣ, не смѣя показаться на улицу. отчего произошла скрытная война, такъ что французовъ били наши по ночамъ, а днемъ либо прятались въ подземелья, либо были убиваемы въ свою очередь французами. См. Двѣнадцатый годъ. „Русскій Архивъ.“ за 1876 г. кн. 8, стр. 392.

НАШИ НОВЫЕ „ФИЛОСОФЫ И БОГОСЛОВЫ“.

(Продолженіе *).

Возлагаемая г. Соловьевым на русское правительство обязанность позаботиться о союзѣ восточной Церкви съ западною.—Политическія мечтанія стать третьимъ Римомъ.—Упрекъ г. Соловьева восточной Церкви въ недостаточной полнотѣ совершенствъ и неосновательность этого упрека.—Забота о приобрѣтеніи политическаго вліянія и оцѣнка этого вліянія съ восточно-христіанской точки зрѣнія.—Русскія національныя задачи.—Ихъ полное согласіе съ христіанскими идеалами.—Национальность и папская идея.—Временное значеніе этой идеи въ исторической жизни западныхъ народовъ и современное отверженіе папства этими народами.—Коренное противорѣчіе папской идеи русскимъ національнымъ задачамъ.—Невозможность для русскихъ отказаться отъ своихъ народныхъ идеаловъ.—Гдѣ скрывается главная причина церковнаго разрыва.—Сужденія объ этомъ предметѣ позднѣйшихъ русскихъ православныхъ богослововъ.—Папская теорія о plenitudo potestatis.—Неизбѣжныя послѣдствія въ церковной жизни при осуществленіи этой теоріи.—Нашъ взглядъ на подчиненіе русскаго народа папству.

Такъ какъ восточная Церковь, вѣрная завѣту своего божественнаго Учителя: *воздадите Божія Богу и Кесарева Кесарю*, не можетъ да и никогда не захочетъ вмѣшиваться въ политику, то не обязана-ли, по крайней мѣрѣ, русская государственная власть уважить себѣ христіанскую политику г. Соловьева, не обязана-ли она позаботиться о всемірномъ спасеніи и объ основѣ этого спасенія, о союзѣ Церкви восточной съ западною? Г. Соловьевъ именно эту обязанность возлагаетъ на Россію. Онъ говоритъ: „не случайно однако второй Римъ папъ и власть Востока (?) перешла къ третьему. Долженъ-ли третій Римъ быть только повтореніемъ Византіи, чтобы пасть какъ она, или же долженъ онъ быть не

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 2.

но числу только, но и по значенію *третьимъ*, т. е. представлять собою третье, примиряющее двѣ враждебныя силы начало?" „Да, говоритъ г. Соловьевъ, Россія должна быть третьимъ Римомъ, а для этого она непременно должна примириться и съ первымъ Римомъ: безъ этого примиренія она не можетъ послужить дѣлу Божію на землѣ. Задача Россіи есть задача христіанская, и русская политика должна быть христіанской политикой" *). Мы не настолько свѣдущи въ политикѣ вообще, чтобы могли безошибочно судить о направленіи русской политики, но крайней мѣрѣ, за послѣднее время, т. е. чтобы могли безошибочно судить, насколько она въ настоящемъ своемъ видѣ можетъ, или должна быть названа христіанской политикой; мы не имѣемъ свѣдѣній и о томъ, совпадаетъ или не совпадаетъ русская политика съ христіанской политикой г. Соловьева; тѣмъ не менѣе о политикѣ г. Соловьева мы позволяемъ себѣ имѣть свое собственное сужденіе. Намъ несколько не прельщаетъ перспектива быть первымъ, вторымъ, или третьимъ Римомъ, и мы очень мало заботимся о томъ какъ смотрятъ или будутъ смотрѣть на насъ чужестранныя народы въ религіозномъ отношеніи. Отвергая „политику интереса“ мы не одобряемъ и „политику культуртрегерства“, мірскаго или религіознаго, это все равно. Если первая политика, политика интереса, явно безчеловѣчна, то вторая политика — культуртрегерства, задается цѣлью тайнаго уничтоженія народностей. Идея культурныхъ благодѣяній хороша только тогда, когда народы усваиваютъ себѣ эти благодѣянія охотно, добровольно, по одному лишь внутреннему убѣжденію. Но когда этого нѣтъ, тогда эти благодѣянія могутъ обзаться величайшимъ оскорбленіемъ челоуѣческой или народной свободы. *Beneficia non obtrudantur* (благодѣянія не навязываются), говорили еще древніе схоластикки. Но что особенно важно для насъ, такъ это глубокое недоумѣніе международныхъ отношеній въ наше время. „Въ наше время, говоритъ профессоръ Одесницкій, —уже невозможно такое преоблада-

*) „Русь“ 1883 г. № 1, стр. 28.

ніе одной націи или государства надъ другою націею или государствомъ, и такое исключительное владѣтельство на землѣ одного какого-нибудь народа, какія возможны были въ древнія времена, когда во главѣ государствъ стояли напр. греки или римляне. Тогда международныя отношенія были основаны на правѣ сильнаго, и потому мелкія, или ослабленныя государства быстро таяли предъ лицомъ сильнаго государства и беззащитно входили въ его составъ. Но съ эпохи Гуго Гроція, пзвѣстнаго знаменитымъ сочиненіемъ своимъ „De jure belli et pacis (1629), въ международное право начали вводить начало справедливости, а въ наше время оно растворено еще началомъ христіанской гуманности“ *). Тоже самое надобно сказать и о междуцерковныхъ отношеніяхъ. Въ наше время уже невозможно властвованіе одной Церкви надъ другою во имя какихъ-то особенныхъ національныхъ привилегій, или даже во имя того, что это властвованіе было необходимо для многихъ національныхъ церквей въ дни давно протекшіе. Съ этой точки зрѣнія для насъ русскихъ едва понятенъ споръ древняго Рима съ новымъ не только о первенствѣ власти, но и о первенствѣ чести. Мы, русскіе, сознательно можемъ сказать о себѣ съ Ап. Павломъ: „мы все почитаемъ тщетою ради превосходства познанія Христа Іисуса.... Говоримъ такъ не потому, чтобы уже достигли или усовершились; но стремимся, не достигнемъ-ли и мы такъ, какъ достигъ насъ Христосъ Іисусъ. Мы не почитаемъ себя достигшими; а только, забывая заднее и простираясь впередъ, стремимся къ цѣли, къ наградѣ вышняго званія Божія во Христѣ Іисусѣ. Все мы совершенные должны такъ мыслить; если-же вы о чемъ иначе мыслите, то и сіе Богъ вамъ откроетъ. Впрочемъ, какъ мы постигли, такъ и должны мыслить, и по тому правилу жить“ (Филип. III, 8—16). Покорные заповѣди Спасителя и ученію Его Апостоловъ. мы готовы творить другихъ честію больше себя, готовы воздавать первенство чести какою угодно Церкви, римской-ли то, или кон-

*) „Труды Кіевск. Д. Академіи 1884. Декабрь, стр. 461.

стантиннопольской; но это не значитъ того, чтобы мы хотѣли быть въ зависимости отъ этой Церкви; чтобы мы должны были отказаться отъ своего *пониманія истины*, отъ своего *правила жизни*. Подобно тому какъ Ап. Павелъ возсталъ противъ Ап. Петра, когда онъ нашелъ его *зазорнымъ*, и мы тоже готовы возстать противъ всякой Церкви, когда она представится намъ зазорной; и подобно тому какъ Ап. Павелъ защищалъ достоинство своего апостольства сравнительно съ передними апостолами, и мы готовы защищать достоинство нашей Церкви сравнительно съ какими угодно другими апостольскими церквами. Да, мы, русскіе, хотѣли бы быть и остаться только русскими, православными, восточными христианами; и думаемъ, что съ такими свойствами своими мы могли-бы послужить дѣлу Божию на землѣ гораздо больше, чѣмъ если-бы задавались широкими планами всемірнаго спасенія, и если-бы въ основу этого спасенія полагали какой-то искусственный и для насъ опасный союзъ съ первымъ Римомъ. Когда г. Соловьевъ говоритъ о какой-то недостаточности въ полнотѣ совершенствъ восточной и въ частности русской Церкви, и желалъ-бы поэтому восполненія этой недостаточности совершенствами западной церкви; когда рисуетъ предъ нами будущую, идеальную Церковь, которой, на его взглядъ, еще нѣтъ на землѣ, по крайней мѣрѣ, видимымъ образомъ, и осуществленіе которой онъ ищетъ посредствомъ союза съ римскою Церковію: тогда, на нашъ взглядъ, онъ высказываетъ сужденія крайне несправедливыя и крайне ложныя въ отношеніи къ восточной Церкви вообще и въ частности къ русской. Каждая помѣстная Церковь является вполне совершенною каждый разъ, когда вѣрно отражаетъ въ себѣ идеальную, т. е. вселенскую Церковь, когда остается вѣрна ученію, священнодѣйствию и основнымъ началамъ управленія этой послѣдней Церкви. Совершенства помѣстной Церкви должны опредѣляться только этимъ основнымъ критеріемъ, а не какимъ-то влияніемъ на всемірную политику, хотя-бы эта политика и была христіанскою. Кто можетъ укорить восточную и въ частности русскую Церковь въ томъ, что онѣ не остались вѣрны завѣтамъ

вселенской Церкви? Но намъ говорятъ о всемірномъ вліянніи, намъ ставятъ въ образецъ римскую церковь, столь страстную въ политикѣ и умѣющую вводить свои дальновидные планы (мы не говоримъ о ихъ достоинствахъ) во все политическія хитросплетенія. Но хорошо-ли это? По крайней мѣрѣ насъ не прельщаетъ примѣръ римской церкви. Политическое вліяніе, точно также какъ и всякое вліяніе хорошо только тогда, когда пріобрѣтается и утверждается на нравственныхъ основахъ, на нравственномъ достоинствѣ и совершенствѣ. Что-же мѣшаетъ русской политикѣ достигать этого вліянія виѣ союза съ Римомъ на основахъ нравственнаго достоинства? Союзъ съ Римомъ не помѣшаетъ-ли даже этому вліяннію, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ всехъ тѣхъ народовъ, которые знакомы съ задачами Ватиканской политики? Политическое вліяніе хорошо, далѣе, только тогда, когда оно усвоится народами добровольно, т. е. когда народы подчиняются ему свободно, сознательно, по внутреннему убѣжденію. Въ религіозной жизни народовъ, точно также какъ и въ нравственной ихъ жизни, нельзя идти въ разладъ съ историческими условіями развитія этихъ народовъ, нельзя по произволу передѣлывать природу этихъ народовъ въ другую, хотя-бы то и болѣе совершенную. Самъ Промыслъ шадитъ свободу народовъ и милостиво ждетъ ихъ нравственнаго развитія и нравственной зрѣлости. Отсюда открывается, что первую и существенною задачею мудрой политики должно быть личное религіозно-нравственное развитіе этихъ народовъ, національная подготовка ихъ къ сознательному подчиненію вліяніямъ высшей христіанской политики, если только такая политика существуетъ, или даже должна существовать въ наше время. Всегда надобно приступать къ дѣлу не съ конца, а съ начала. Наконецъ должно замѣтить, что политическое вліяніе, точно также какъ и всякое вліяніе, есть нѣчто неуправимое, и чаще всего пріобрѣтается тогда, когда всего менѣе хлопчуть о своемъ всемірномъ вліянніи, а остаются лишь послѣдовательными и вѣрными своей истинной національной политикѣ. За доказательствами не надобно ходить далеко. Не пріобрѣла-ли Пруссія

въ наши дни, можно сказать, всемірнаго вліянія именно потому, что оставалась и остается вѣрна своей національной политикѣ? Не лежитъ-ли Ватиканъ въ развалинахъ, не остается-ли онъ съ одними ультромонтанами, іезуитами и донкихотствующею польскою шляхтою именно потому, что такъ страстно стремился и стремится къ всемірному вліянію? Не отсюда-ли процстекаетъ и то, на нашъ взглядъ, поразительное явленіе, что въ наши дни на самомъ Западѣ люди наиболѣе честные и наиболѣе искренніе провозглашаютъ своимъ девизомъ: *ex Oriente lux* (свѣтъ съ Востока) и обращаютъ свой страдальческій взоръ къ восточной Церкви? А насъ наши „новые философы и богословы“ толкаютъ на Западъ....

Мы не усумнимся даже сказать, что только національныя задачи, охраняемыя, освящаемыя и развиваемыя національною Церковію, при общихъ условіяхъ христіанской жизни, составляютъ главныя, существенныя и, такъ сказать, насущныя задачи нашей т. е. русской жизни и русской политики, только онѣ выработаны всей нашей исторіею и вошли въ плоть и кровь русскаго народа. Эти задачи, которыя у насъ выражаются тремя заветными для насъ словами: православіе, самодержавіе и народность, по характеру своему вполне христіанскія, не противорѣчатъ никакой христіанской политикѣ и безусловно соотвѣтствуютъ нашему народному духу. Они служатъ нашими народными идеалами, и Церковь, являющаяся охранительницею и выразительницею этихъ идеаловъ или этихъ задачъ, передаетъ въ руки государственной политики реальную силу сколько могущественную, столько-же благородную, высокую и жизненную. Только голосъ такой Церкви совершенно понятенъ для нашего ума, для нашего сердца и для нашей совѣсти; поэтому только такая политика есть наша родная политика и для осуществленія ея задачъ мы съ радостію пойдемъ за нашимъ державнымъ Вождемъ повсюду, куда Онъ укажетъ намъ. Но не впадемъ-ли мы въ узкій націонализмъ? Не лучше-ли, не благоразумнѣе-ли было-бы съ нашей стороны, если-бы мы, по совѣту г. Соловьева, совершили надъ собою актъ на-

ціональнаго самоотреченія и усвоили себѣ его универсальную политику, основанную на добровольномъ подчиненіи папству, на добровольномъ признаніи Ватиканскаго узника верховнымъ вождемъ христіанства? Не была-ли бы тогда наша политика болѣе возвышенною, христіанскою и священною? Мы этого не думаемъ, да и стыдимся это думать. Нельзя сказать, чтобы идея папства, какова - бы ни была эта идея сама въ себѣ, могла быть названа идеей всеобщей, универсальной не только въ родѣ человѣческомъ вообще, но и въ значительной части христіанскаго міра. Современные намъ писатели моралисты замѣчаютъ, что „въ наше время все яснѣе и яснѣе становится сознаніе единства всѣхъ людей и всего рода человѣческаго и живѣе и живѣе пробуждается чувство потребности во взаимной связи и помощи. Весь родъ человѣческій хочетъ быть въ наше время единымъ великимъ обществомъ, совмѣстно раздѣляющимъ радости и страданія и взаимно пособляющимъ себѣ, начиная отъ человѣка одной и той же націи или расы и оканчивая жителямъ отдаленнѣйшей полосы земли. Въ этомъ идеалѣ усматриваютъ даже приближеніе къ христіанскому идеалу любви и видятъ характеристическій признакъ нашего времени, свидѣтельствующій о нравственномъ прогрессѣ человѣческаго рода вообще“ *). Конечно желательнo было-бы, чтобы это единеніе совершилось на началахъ христіанскихъ, чтобы Христосъ былъ средоточіемъ нашего всемірнаго единства. Это мы понимаемъ, это легко могутъ понять какъ восточные, такъ и западные народы, свергнушіе съ себя папское иго. Но когда говорятъ, что папа есть и долженъ быть средоточіемъ единства всѣхъ народовъ, что вокругъ его престола должны собраться всѣ народы, то повторяютъ средневѣковую сказку, средневѣковую басню, отъ которой современное человечество, по крайней мѣрѣ, наиболѣе разумное и передовое, давно уже отказалось. Идея папства, какова бы ни была сама по себѣ, есть идея мѣстная, временная, она развилась среди извѣстныхъ народностей и, можетъ быть, удовлетворяла нѣкоторымъ по-

*) „Труды Кіевс. Д. Академіи“. 1884 г. Декабрь стр. 459.

требностямъ этихъ народностей, — потребностямъ, которыя, какъ показываетъ современная западно-европейская исторія, уже пережиты Западомъ и его цивилизаціей, и должны быть сданы въ архивъ. По какому же праву этой временной и мѣстной идеѣ хотятъ усвоить абсолютное значеніе и хотятъ сообщить ей характеръ космополитическій? По какому праву, вмѣсто Христа, какъ средоточія нашего единства, поставляютъ папу и папскую идею этимъ средоточіемъ? Папская идея всеобщаго единенія есть средневѣковый продуктъ, и ей нѣтъ и не должно быть мѣста не только во всемірномъ движеніи общечеловѣческой жизни, но и въ современномъ движеніи европейской жизни, по крайней мѣрѣ, среди народовъ, любящихъ національнѣй прогрессъ. Отверженіе этой идеи начато Востокомъ, продолжено протестантскимъ міромъ, а въ наше время идетъ даже среди католическихъ народовъ, по крайней мѣрѣ, среди итальянцевъ и французовъ. Повторяемъ, по какому же праву мы должны усвоить этой въ существѣ ложной, ограниченной, чуждой и во всякомъ случаѣ средневѣковой идеѣ всемірное значеніе или даже преобладающее значеніе предъ нашими народными идеалами? Если христіанство, какъ выражается г. Соловьевъ, упраздняя узкій націонализмъ, спасаетъ народности, ибо *сверхнародное* не есть *безнародное*: то это справедливо въ отношеніи къ христіанству вообще, которое не уничтожаетъ возвышенныхъ народныхъ идеаловъ, которое очищаетъ и освѣщаетъ ихъ своимъ высшимъ свѣтомъ; и только такимъ образомъ дѣлаетъ различныя народности или національности положительными силами, по особому характеру своему назначенными для особаго служенія въ великомъ христіанскомъ семействѣ. Но можно-ли это-же самое утверждать объ идеѣ папства? Идея эта стоитъ въ коренномъ противорѣчій съ идеалами если не всѣхъ, то многихъ христіанскихъ народовъ; она поэтому не есть для нихъ *сверхнародная*, но положительно *противупродная*. Она въ особенности стоитъ въ коренномъ противорѣчій и съ нашими народными идеалами, съ историческими особенностями нашего народа. Въ самомъ дѣлѣ, наше православіе и пап-

ство—это два начала, или идеала, взаимно исключающіе другъ друга; ихъ примиреніе возможно только разрѣшеніемъ или уничтоженіемъ одного ради другаго. Тоже самое надобно сказать и о русскомъ самодержавіи, потому что какое-же самодержавіе возможно будетъ тогда, когда самодержавная власть подчинитъ себя напскому контролю, хотя-бы это подчиненіе было добровольное, и хотя-бы напскій контроль стоялъ на высотѣ своего идеальнаго призванія? Наконецъ тоже самое надобно сказать и о русской народности вообще. Русская народность и напство—это двѣ исторически сложившіяся различныя силы, которыхъ сравнительное достоинство для насъ непосредственно очевидно, а для западныхъ народовъ можетъ окончательно рѣшить только грядущая исторія. Таково наше послушаніе верховной власти безъ принужденія, по совѣсти, покорность царю, какъ природному и Богомъ помазанному государю, наша склонность къ самопожертвованію за соплеменниковъ и единовѣрцевъ, наша вѣротерпимость и пр. Словомъ русскіе народные идеалы и напство—это двѣ величины не соизмѣримыя. По какому-же праву мы должны подкладывать, или подставлять одну величину вмѣсто другой, когда самъ г. Соловьевъ не указалъ намъ формулы уравненія ихъ? Главное-же, народные идеалы—это жизнь народа. Можно убить жизнь народа, но влѣтъ въ него чужую жизнь нельзя; можно разрушить народные идеалы, но замѣнить ихъ чужими идеалами невозможно. Прекрасно недавно сказалъ г. Данилевскій, разсуждая о народныхъ идеалахъ. Они зарождаются и вырабатываются въ бессознательно-творческій періодъ жизни народовъ, вмѣстѣ съ языкомъ, народною поэзіею и прочими племенными особенностями. Въ послѣдствіи, въ историческій сознательный періодъ ихъ жизни, эти идеалы только развиваются и укрѣпляются, или-же разрушаются, но не восстанавливаются и не замѣняются иными органическими идеалами. Какъ не возможно при помощи таланта и искусства сочинить вторую Илиаду, также точно не возможно выработать народу, при помощи науки, новый политическій идеалъ, ибо это значило-бы замѣнить живое и органическое, всегда и во всемъ бессознательно

родящееся, мертвымъ и механическимъ, сознательно составляемымъ. Повторяемъ, развитіе и укрѣпленіе народныхъ идеаловъ есть жизнь народовъ; разрушеніе или замѣна этихъ идеаловъ другимъ есть смерть для этихъ народовъ. Но возвратимся къ мистическому „всеединству“ г. Соловьева, или къ союзу Церкви восточной съ западною.

Союзъ церквей, равно какъ и всякій союзъ, возможенъ только тамъ, гдѣ существуетъ свободное равенство между вступающими въ союзъ. Тамъ же, гдѣ этого равенства нѣтъ, тамъ мыслится или *подчиненіе*, или *внѣшнее насильственное объединеніе* заключившихъ союзъ. Но возможенъ-ли равноправный союзъ съ Римомъ? Мы, не задумываясь, отвѣчаемъ на этотъ вопросъ отрицательно. Когда г. Соловьевъ говоритъ, что такъ называемое раздѣленіе церквей, т. е. нарушеніе братскаго единенія между церковными людьми Востока и Запада будто бы вытекаетъ изъ того ложнаго взгляда, по которому каждая изъ этихъ главныхъ частей христіанства признаетъ лишь *себя въ отдѣльности* за цѣлое, приурочила къ себѣ *одной* всю полноту вселенской Церкви *): то онъ скрываетъ или, по крайней мѣрѣ, не указываетъ подлинную причину раздѣленія церквей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно лишь спросить, въ самомъ-ли дѣлѣ мы, восточные христіане, подобно западнымъ, впадаемъ въ ту узкую односторонность, по которой исключительно свою лишь восточную Церковь считаемъ вселенскою? Рѣшительно нѣтъ! Мы очень хорошо знаемъ, что въ этомъ отношеніи надобно различать два взгляда: взглядъ до-Петровскихъ временъ, и взглядъ послѣ Петра Великаго. Если первый взглядъ, основывавшійся на недостаточномъ знакомствѣ съ римскою церковію, считалъ ее еретическою, аріанскою, несторіанскою, савеліанскою и даже жидовскою, то кто-же въ наше время держится подобныхъ воззрѣній? Православные богословы говорятъ, что вселенская Церковь состоитъ изъ многихъ частныхъ или помѣстныхъ церквей, нечелюютъ признаки вселенской Церкви; но

*) „Русь“ 1883 года, № 23 стр. 29.

они не идутъ такъ далеко, чтобы не считать римскую церковь частною, или даже „самою частною“ и, слѣдовательно, чтобы совершенно исключать ее изъ состава вселенской Церкви. Приведемъ по этому поводу сужденія православныхъ богослововъ. „Латинская церковь, говоритъ, напр., Авдїй Востоковъ *), хотя и величаетъ себя вселенскою, дабы подчинить владычеству папы всѣ частныя церкви, есть самая частная“. Почему-же? Потому, что каждая частная церковь можетъ болѣе или менѣе отражать въ себѣ вселенскій характеръ Церкви, смотря по тому, остается-ли она вполнѣ вѣрна этому характеру, или болѣе или менѣе сильно уклоняется въ сторону своихъ частныхъ, мѣстныхъ особенностей. Съ этой точки зрѣнія каждую въ отдѣльности помѣстную восточную Церковь можно назвать „частною церковію“; между тѣмъ какъ церковь римскую, сильно уклонившуюся въ сторону мѣстныхъ или частныхъ особенностей, надобно назвать „самою частною“. Итакъ, что же? принадлежитъ-ли римская церковь къ составу Церкви вселенской? Авдїй Востоковъ не сомнѣвается въ этомъ; онъ только говоритъ, что римская церковь отражаетъ въ себѣ вселенскій характеръ меньше, чѣмъ православная; потому что эта церковь сильно уклонилась въ сторону мѣстныхъ особенностей, тѣмъ не менѣе и у ней „коренные догматы остались почти одни и тѣ-же, что и въ православной Церкви“ **). На этомъ-же основаніи покойный Муравьевъ признаетъ обѣ церкви, восточную и западную „сестрами“ и пишетъ свое извѣстное сочиненіе: „Слово католлическаго православія римскому католицизму“. Но для насъ особенно важенъ въ этомъ отношеніи взглядъ великаго богослова русской земли, митрополита Московскаго Филарета. Взглядъ его въ высшей степени разумный, благородный и чуждый всякой узбой исключительности. Филаретъ именно въ отношеніи къ римской церкви говоритъ: „Никакую Церковь, *върующую, яко Иисусъ есть Христосъ*, не дерзну я назвать ложною“. Почему-же? Потому что

*) Имя это принадлежитъ извѣстному іерарху въ русской Церкви.

***) „Записки объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквямъ“ Авдїя Востокова. Ч. I стр. 7, Ч. II стр. 316 и дал.

„всякая христіанская Церковь можетъ быть-либо *чисто истинная*, либо *нечисто-истинная*; сія послѣдняя примѣшиваетъ къ истинному и спасительному вѣры Христовой ученію ложныя и вредныя мнѣнія человѣческія“. Именно это послѣднее обстоятельство и случилось съ римско-католиками; они „къ истинному и спасительному ученію евангельскому примѣшиваютъ ложныя мнѣнія человѣческія“ *). Отсюда открывается, что римская церковь не можетъ быть исключена изъ состава вселенской Церкви; она только должна быть признаваема „нечисто-истинною“ церковію. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ она остается вѣрна вселенской Церкви, она есть истинная Церковь и должна быть признаваема частию вселенской Церкви; но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она свое мѣстное, особенное, частное выдаетъ за вселенское, общеобязательное, она не можетъ быть названа ни истинною, ни вселенскою. Итакъ, причина раздѣленія церквей скрывается не въ томъ, какъ полагаютъ г. Соловьевъ, что обѣ церкви исключительно себѣ порознь усвоятъ названіе Церкви вселенской, а въ чемъ-то другомъ. Православные богословы давно отказались отъ узкихъ, средневѣковыхъ возрѣній на римскую церковь, давно считаютъ ее частию вселенской Церкви въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и только римско-католики продолжаютъ утверждать свое средневѣковое недомысліе, продолжаютъ считать одну лишь исключительно свою церковь вселенскою, а насъ, восточныхъ христіанъ, обзываютъ схизматиками, отщепенцами и даже еретиками. Эта латинская исключительность до такой степени вѣлась въ плоть и кровь всѣхъ латинянъ, что даже позитивистъ Лотре въ своемъ лекціонѣ, говоря о Церкви восточной и западной, не задумывается усвоить вселенскій характеръ одной лишь церкви римской; но эта нелѣпность, извинительная въ устахъ позитивиста, никакъ невинительна въ устахъ ультрамонтана, или іезуита. Мы не забываемъ при этомъ римскую теорію о „непреодолимомъ невѣдѣніи“, по которой люди, *не знающіе римской церкви*, но живущіе благочестиво, могутъ стяжать вѣчную жизнь при особенномъ дѣй-

*) „Разговоръ о вѣрѣ между испыт. и ультра.“ стр. 18 и 26.

ствѣн Божественнаго милосердія. Эта теорія не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ о вселенскомъ характерѣ Церкви. Все-же и при этой теоріи мы, православные, во мнѣніи латинянъ, остаемся схизматиками и еретиками; все-же и при ней наше надлежащее мѣсто или въ аду, или, по крайней мѣрѣ, въ purgatorium-ѣ, т. е. чистилищѣ.

Въ чемъ-же состоитъ главное и существенное различіе Церкви восточной отъ церкви западной? Укажемъ, по нашему мнѣнію, самое главное. Соперничество наше съ византійскими патріархами, которыхъ поддерживали византійскіе императоры, побудило римскихъ епископовъ искать себѣ поддержки, защиты и покровительства среди государей новыхъ народовъ, успѣвшихъ образовывать на западѣ сильныя царства. Но этотъ союзъ Рима съ новыми народами наложилъ на нихъ обязанность освящать своимъ авторитетомъ множество германо-франкскихъ нововведеній, или, по крайней мѣрѣ, быть къ нимъ снисходительными. Разъ вступивши на ложный путь, наши, для поддержанія своего авторитета, должны были идти по этому пути дальше и дальше, и допустили въ своей церкви множество нововведеній, которымъ вынуждены были сообщить характеръ общеобязательный. Конечно, многія изъ этихъ нововведеній, касавшихся религіозной жизни новыхъ народовъ, были не важны, и съ точки зрѣнія наприм., славянскаго архіепископа Теофилакта Болгарскаго (онъ былъ уроженецъ константинопольскій, архіепископствовалъ въ Ахридѣ съ 1078 и умеръ не позже 1107 г.) представлялись болѣе смѣшными, чѣмъ достойными опроверженія, и никакимъ образомъ не должны были приводить къ раздѣленію церквей *). Но за то были и такія нововведенія, которыя смущали совѣсть восточныхъ христіанъ, отъ времени до времени возбуждали страстную полемику между представителями церквей, и окончились наконецъ церковнымъ разрывомъ. Слѣдя за постепеннымъ развитіемъ полемики по поводу римскихъ нововведеній, нельзя не замѣтить, что обличители латинства какъ греческіе, такъ и русскіе, какъ

*) Gergentröther. Geschich. d. Kirchentrennung B. III S. 784—787

древніе, такъ и новыя, расходятся между собою въ опредѣленіи религіозной важности этихъ нововведеній. Если одни преимущественно ударяютъ на обрядовыя отступленія, какъ напр., совершение евхаристіи на опрѣснобахъ; то другіе даютъ преимущественное значеніе догматическимъ нововведеніямъ, каковы напр. ученіе объ исхожденіи Духа Св. и отъ Сына, извѣстное, злополучное *Filioque*; наконецъ третьи, какъ напр. наши славянофилы, обличаютъ латинянъ въ общемъ направленіи ихъ религіознаго духа, въ рационализмѣ. Мы не говоримъ уже о томъ, что всѣ обличители латинства могутъ быть подѣлены на „крайнихъ и умѣренныхъ“. Но есть пунктъ, въ которомъ всѣ они какъ крайніе, такъ и умѣренные, какъ древніе, такъ и новѣйшіе, безусловно сходятся между собою. Этотъ пунктъ есть притязаніе папъ на *plenitudo potestatis* (полнота власти). Именно этотъ пунктъ составляетъ главный нервъ, душу церковнаго разрыва; именно въ немъ надобно искать коренную причину всѣхъ римскихъ нововведеній. Церковь Восточная, неизмѣнно пребывающая тождественной въ ученіи и церковномъ устройствѣ, осталась вѣрна началу соборному, союзному; напротивъ, церковь латинская, вопреки братскому союзу церквей, ввела у себя начало монархическое, захотѣла господствовать надъ всѣми церквами и усвоила себѣ неограниченную власть, *plenitudinem potestatis*. Папа Николай I, сколько намъ извѣстно, первый ясно формулировалъ права этой власти, создалъ новую теорію своихъ правъ и энергически старался осуществить ее на опытѣ. Призывая къ себѣ въ Римъ на судъ константинопольскихъ патріарховъ Игнатія и Фотія, онъ пишетъ письмо къ византійскому императору Михаилу III, разбиваетъ въ письмѣ основныя начала своей теоріи и заявляетъ притязанія, несмысленныя въ Церкви восточной. По смыслу новой теоріи, Ап. Петръ, а за нимъ его преемники, т. е. римскіе епископы, получили полную власть свою, а вмѣстѣ съ нею и всѣ юридическія права и преимущества свои непосредственно отъ Самого Иисуса Христа, а не отъ соборовъ, которые лишь засвидѣтельствовали объ этой власти и получили ее (*a Christo donata (id*

est plenitudo potestatis), a synodis non donata, sed jam solum modo celebrata et venerata); потому что соборы могли утверждать за папами только то, что вело свое начало отъ Иисуса Христа. Соборъ Никейскій, равно какъ и послѣдующіе соборы знали объ этой полнотѣ власти,—знали, что Ап. Петръ уполномоченъ всею полнотою этой власти и принялъ *царствованіе* надъ словеснымъ стадомъ Христовымъ (Nic. synodus in Petro noverat eum totius jura potestatis pleniter meruisse et cunctarum Christi ovium regimen acceperisse). Права и преимущества эти вѣчны, учреждены по божественному велѣнію, навсегда соединены съ римскимъ престоломъ и никакимъ образомъ не могутъ быть перенесены на какой либо другой престолъ; они могутъ быть отображены, но не перенесены, могутъ быть похищены, но не разрушены. (Privilegia istius sedis vel Ecclesiae perpetua, divinitus radicata atque plantata sunt; impigri possunt, transferri non possunt, trahi possunt, evelli non possunt). Вообще эти права основываются на ясныхъ словахъ Спасителя Ап. Петру: пасти овцы (Іоан. 21, 15—18), утверждать братію (Лук. 22, 31—32) и быть камнемъ Церкви (Мк. XVI, 13—19) *). Послѣдующіе папы не ограничиваются уже и этимъ. Папа Левъ IX въ своихъ письмахъ на Востоку не только держится этой теоріи, но и развиваетъ ее дальше. Ссылаясь на *donatio Constantini* (подложную дарственную грамоту Константина В. папѣ Сильверсту), онъ не только признаетъ себя верховнымъ владыкою всѣхъ церквей въ мірѣ, но и ставитъ свою власть выше всякой свѣтской власти, выше власти императорской. „Совѣтъ Божій, говоритъ онъ, восхотѣлъ, чтобы мое смиреніе воспріяло на себя все бремя великаго престола. Тяжело слабымъ раменамъ моимъ; но меня не мало ободряетъ святая надежда, что у меня съ обѣихъ боковъ стоятъ сыны (т. е. восточный и западный императоры), равно знаменитѣйшіе и благочестіемъ и могуществомъ“ **). Папа не забываетъ и римскій клиръ, старается выдѣлать его изъ общаго состава всѣхъ остальныхъ церковныхъ влрибовъ и рас-

*; Gergenröther ibid. B. 1. S. 571 и далѣе.

**.) Михаилъ Керуларій, патріархъ Константиноп. Кіевъ. 1858 г. стр. 74—86.

пространяетъ на него долю своихъ правъ и преимуществъ. „Самъ Господь, говорятъ онъ, поставилъ Петра первымъ въ числѣ апостоловъ на подобіе ручки въ дверяхъ *instar cardinis* (*cardo* собственно значить ручка въ дверяхъ, отсюда что-нибудь важнѣйшее въ дѣлѣ, на примѣръ, первенство въ спискѣ епископовъ). Какъ дверная ручка даетъ надлежащее направленіе всей двери, такъ Петромъ и его преемниками опредѣляется порядокъ и устройство всѣхъ интересовъ Церкви. И какъ дверная ручка водитъ и открываетъ дверь, сама оставаясь неподвижной, такъ Петръ и его преемники имѣютъ право свободно давать судъ о всякой церкви, сами не претерпѣвая никакого движенія или колебанія со стороны вишней. Отсюда и клирики папы называются *кардиналы* (первыя клирики), яко тѣснѣйшимъ образомъ прикрѣпленные къ той ручкѣ—*cardini*, на которой все прочее движется. „Вотъ истинно золотая мысль“—восклицали послѣдующіе кардиналы! (Baron Anna. II. 218. (См. Мих. Керул. *ibid* стр. 61—64). Вотъ истинно золотая мысль, скажемъ и мы, озолотившая многихъ и многихъ папскихъ клириковъ! Такова папская теорія о *plenitudo potestatis*. Именно она и служитъ главною причиною разрыва церквей, именно она служитъ яблокомъ раздора. Ни обрядовыя уклоненія, ни догматическія разногласія, ни рационалистическій характеръ римской церкви, какъ утверждаютъ наши славянофилы, не вызвали бы и не усилили бы той церковной розни, которая существуетъ въ наше время, если бы папы не развили своей немнѣрной теоріи о *plenitudo potestatis*. Прекрасно говоритъ г. Скабалановичъ, разсуждая о причинахъ разрыва церквей. „Преобладающее значеніе, утверждаетъ онъ, имѣетъ вопросъ по преимуществу практической—о власти и правахъ патріарховъ римскаго и константинопольскаго. Отъ постановки этого вопроса зависѣла постановка разногласій не только дисциплинарно-обрядовыхъ, но и догматической. Какъ скоро доходило до столкновенія между папами, увлеченными безмѣрностію притязаній, и константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ, охранявшимъ свою самостоятельность, тогда не только догмати-

ческая разность получала истинное свое освѣщеніе, но и разности церковно-обрядовыя и дисциплинарныя чуть не возводились въ догматы. Если же папы молчали о своемъ приматствѣ, не дѣлали покушеній подчинить себѣ Церковь восточную, то не только разности церковно-обрядовыя и дисциплинарныя трактовались въ духѣ снисхожденія и взаимнаго уваженія, но и разность въ догматѣ не дѣлалась источникомъ раздора. И такъ какъ несообразно было съ достоинствомъ догматической истины допускать сознательное и завѣдомое отъ нея уклоненіе, то при этомъ поступали такъ, что о догматической разности или совершенно умалчивали, или (по примѣру прендобнаго Максима) успокоивали совѣсть вѣрующихъ, давая отступленію такое толкованіе, при которомъ оно получало значеніе истины“ *).

Не трудно видѣть тѣ практическія послѣдствія, къ которымъ должно было приводить и дѣйствительно привело римское ученіе о plenitudo potestatis; не трудно видѣть, почему именно оно служило и служить яблокомъ раздора, душею, главнымъ нервомъ взаимнаго отчужденія. Чтобы принять папское ученіе о plenitudo potestatis, надобно прежде всего отказаться отъ церковной свободы; надобно отдать себя въ полную власть римскаго епископа и его клира. Пусть это самоотреченіе отъ свободы, какъ желаетъ того г. Соловьевъ, будетъ добровольное, невнуждаемое какими-либо сторонними мотивами, напр. политическими, а потому какъ будто не нарушающее нашей добровольной рѣшимости, но крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ; но добровольная, или произвольная кабала, все же есть кабала, все же есть лишеніе свободы церкви, призванныхъ хранить, развивать и укрѣплять разумную христіанскую свободу, какъ высшій божественный даръ человѣческому роду. Пусть римскій епископъ съ своимъ клиромъ не станетъ въ противорѣчіе съ нашей разумной свободой, не потребуетъ отъ насъ дѣяній, которыя возмущали бы нашу совѣсть, противорѣчили бы нашимъ народнымъ идеаламъ, или бы въ раз-

*) „Христіан. Чтеніе“. Раздѣленіе церквей при патриархѣ Михаилѣ Керуларіѣ. 1884. Стр. 728—9.

рѣзъ съ нашимъ разумнымъ пользованіемъ свободою; но зачѣмъ это внесеніе въ христіанское міросозерцаніе ламайской, или браминской идеи частичности, признаніе за однимъ римскимъ епископомъ и его клиромъ какихъ-то особенныхъ и чрезвычайныхъ привилегій? Зачѣмъ отрицаніе христіанской идеи равенства и братства всѣхъ во Христѣ Іисусѣ? Зачѣмъ это идолопоклонство однихъ предъ другими? Далѣе, чтобы принять римское ученіе о plenitudo potestatis, надобно отказаться отъ церковной автономіи, купленной восточными церквами и въ частности русскою Церковію дорогою цѣною. Ради этой автономіи христіанскія церкви пролили потоки крови, вытерѣли тысячи гоненій и языческихъ, и еретическихъ, и схизматическихъ. Ради этой автономіи мы, русскіе, не захотѣли быть въ зависмости не только отъ римскаго папы, во всякомъ случаѣ для насъ чужаго, но и отъ константинопольскаго патріарха, находящагося съ нами въ союзѣ христіанскаго единенія. Какъ ни наивнѣе взглядъ на русскую Церковь русскаго посла XVII вѣва, Арсенія Суханова, высказанной имъ въ спорѣ съ греками, тѣмъ не менѣе взглядъ этотъ есть нашъ народный взглядъ, и очень вѣрно выражаетъ наши народные идеалы. Сухановъ говорилъ: „У насъ на Москвѣ патріархъ вмѣсто константинопольскаго, не только якоже второй по римскомъ величается, но якоже и *первый епископъ римскій*, — сирѣчь, якоже древній папа благочестивый, церковною утварью украшенный, за-неже и клубокъ бѣлый перваго папы Сильвестра римскаго на себѣ носитъ“. Онъ говорилъ еще грекамъ: „Государь Царь устроитъ у себя вмѣсто папы — патріарха на царствующемъ градѣ Москвѣ, а вмѣсто вашихъ четырехъ патріарховъ — четырехъ митрополитовъ, и ему мощно безъ четырехъ патріарховъ вашихъ править законъ Божій“ *). Да, теперь мощно русскому патріарху или русскому св. Синоду править нашею Церковію, безъ всякаго вмѣшательства въ русскія церковныя дѣла со стороны римскаго епископа. Зачѣмъ намъ признавать своихъ іерарховъ и малосвѣдущими, и мало-

*) „Чтенія въ Общест. Любителей духовн. просвѣщенія“. Ноябрь. 1884. Характеръ отношеній Россіи къ православию Востоку въ XVI и XVII вв. стр. 528.

олытными, и маломощными безъ римской помощи? Зачѣмъ намъ губить самосознаніе русскаго народа и изрекать хулу на всю его прошлую исторію? Не было ли-бы это страшнымъ извращеніемъ всей нашей прошедшей жизни? Наконецъ, чтобы признать римское ученіе о plenitudo potestatis, надобно отказаться отъ взаимнаго братскаго контроля церквей. Прекрасно говорить о. Владиміръ Гетте объ этомъ контролѣ: „Различіе между національными церквами, какъ это само собою понятно, было самою вѣрною охраною церковнаго единства. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ эти церкви не были поручены приказанію центральной власти, онѣ сохраняли наибѣйшее право контролировать дѣйствія каждой частной церкви. Если бы какая-либо изъ нихъ захотѣла быть нововводительницею въ вѣрѣ, въ существенныхъ установленіяхъ и всеобщей дисциплинѣ, всѣ другія церкви возстали бы противъ ея притязаній, и церковь - нововводительница должна была-бы или отказаться отъ своихъ новшествъ, или должна была бы рѣшиться перестать быть частию Церкви вселенской. Это ученіе о единствѣ Церкви и различіи національныхъ церквей сохранилось до нашихъ дней на христіанскомъ Востокѣ. Съ IX вѣка церкви западныя усвоили себѣ ученіе противоположное и основали единство Церкви на подчиненіи епископу римскому, который сталъ для нихъ вождемъ и необходимымъ центромъ единства. И въ наши дни, болѣе чѣмъ когда-либо, мы видимъ печальные результаты этой системы. Епископъ римскій, впавши въ заблужденіе, наложилъ это заблужденіе на всѣ церкви западныя, подчиненныя его авторитету; такимъ образомъ онъ разрушилъ единство 1) между современными церквами и древними, сохранившими во всей чистотѣ ученіе апостольское; 2) между одними современными церквами и другими, которыя, какъ напр. на Востокѣ, остались вѣрны древнему ученію“ *). Но есть особенная, русская точка зрѣнія на римское ученіе о plenitudo potestatis. Наши народныя идеалы сложились, развились и обрѣли подѣйствіемъ православной Церкви, т. е. подѣйствіемъ ея собор-

*) L'union Chretienne. 1873, №. 5. p. 193—4.

наго начала. Мы по природѣ чужды западнаго феодализма; мы не знаемъ ни феодаловъ, ни вассаловъ, ни бароновъ, ипрямидально завершавшихся, хотя державною, но все же ограничеиною и часто выборною царскою властію. Мы имѣемъ государя наследственнаго, самодержавнаго, неограниченнаго; а въ тоже время нашъ народный идеаль—помѣстный, или вселенскій соборъ, земскій соборъ, община, міръ. „На міру и смерть красна“, говоритъ русскій человѣкъ; а въ глазахъ малоросса только „громада (мірской сходъ) великій человѣкъ“. Для чего же и по какому праву мы должны мѣнять наши народные идеалы на идеалы чужіе, западные, намъ не симпатичныя? Измѣня народнымъ идеаламъ, повторяемъ, не будетъ ли даже смертію нашего народа? Нашъ самодержавный государь въ своей частной жизни можетъ псвать христіанскаго наставленія, умиротворенія и освященія въ святой Церкви; но въ дѣлахъ политическихъ, въ дѣлахъ народныхъ онъ отвѣтственъ только предъ своею совѣстью и предъ Богомъ, для чего въ священномъ коронованіи и даруется ему особая благодать. Остался-ли бы онъ въ глазахъ русскаго человѣка великимъ, самодержавнымъ, августѣйшимъ государемъ, помазанникомъ Божиимъ, если-бы отказался отъ русской идеи Царя и добровольно пошелъ въ Каноссу? Думаемъ, что въ рѣшеніи этого вопроса ни минуты не будутъ колебаться люди хорошо знакомые съ возрѣніями русскаго человѣка. Не забудемъ при этомъ, что ложныя идеи, ложныя доктрины гораздо опаснѣе въ жизни общественной, чѣмъ въ жизни частной или индивидуальной, потому что общество, какъ справедливо говоритъ г. Тернеръ, „живетъ болѣе продолжительною и болѣе сложною жизнію, чѣмъ отдѣльныя индивидуумы, и поэтому логическая послѣдовательность дѣйствуетъ въ обществѣ сильнѣе, непудительнѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ личностяхъ. Въ средѣ общества всегда найдутся единицы, расположенныя, по той или другой причинѣ, довести извѣстное положеніе до его послѣднихъ границъ“.

Отсюда уже отрывается, на сколько правъ г. Соловьевъ, когда говоритъ, что разрывъ между Востокомъ и Западомъ происходитъ

отъ того, что и тотъ и другой только свою Церковь признаеть вселенскою, что поэтому „мы восточные, какъ говоритъ онъ, правы въ томъ, что стоимъ за святыню церковнаго преданія, а католики стоятъ за единство и самостоятельность церковной власти. Впновыше-же болѣе или менѣе и мы и они въ томъ, что не хотимъ признавать нераздѣльности этихъ началъ въ полнотѣ церковной жизни, ихъ одинаковой необходимости для совершенствованія Церкви“ *). Нѣтъ, г. Соловьевъ, мы, восточные, не исключаемъ церковь римскую отъ единства вселенской Церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда она остается вѣрна святынь преданія; мы свято хранимъ вселенское преданіе, твердо стоимъ за единство и самостоятельность церковной власти, за ихъ необходимость для совершенства Церкви. Напротивъ того, только римская церковь погрѣшаетъ въ этомъ отношеніи; только она считаетъ себя одну вселенскою и, стоя за единство и самостоятельность церковной власти, превращаетъ эту власть въ абсолютную, исключаящую всякое національное развитіе, и стремящуюся создать изъ своего мѣстнаго епископа какого-то епископа епископовъ, абсолютнаго, всемірнаго монарха. Только она, только римская церковь, выходя въ непомѣрную крайность, усволяетъ себѣ безусловное первенство, и этимъ разрушаетъ братскій, свободный и равноправный союзъ всѣхъ національныхъ церквей. Только она идетъ противъ братскаго единенія церквей; между тѣмъ какъ для насъ, восточныхъ, говоря словами Тертуліана, „всѣ церкви (одинаково) первыя и (одинаково) апостольскія, когда показываютъ одно и тоже единство, когда есть между ними общеніе мира и наименованіе братства и взаимное гостепрѣимство“ **). Но переходимъ къ поставленнымъ г. Соловьевымъ *гносеологическимъ* основамъ единенія нашей Церкви съ церковію латинскою.

М. Стояновъ.

(Продолженіе будетъ).

*) „Русь“ 1883 годъ, № 23 стр. 30.

**) De praeser. haeret. cap. XX.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ ФИЛОСОФСКАГО ПОЗНАНІЯ.

(Окончаніе *).

3. Поставивши вопросъ объ основныхъ истинахъ философскаго познанія, мы обратили вниманіе на два противоположныя направленія философской мысли въ рѣшеніи его: одно изъ нихъ, признавая необходимость для философіи такого рода истинъ, искало ихъ не въ самой философіи, но въ непосредственномъ сознаніи; другое отрицало самое существованіе какихъ-либо несомнѣнныхъ истинъ. Критическій анализъ того и другаго направленія показалъ ихъ несостоятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ намъ путь, какимъ мы должны идти въ отысканіи основныхъ истинъ философскаго познанія. Если, какъ мы видѣли, ни излишняя довѣрчивость, ни излишнее недоувѣріе одинаково неумѣстны въ философіи, если ни простое припятіе на вѣру извѣстныхъ истинъ, ни отрицаніе возможности найти ихъ одинаково не удовлетворяютъ идеѣ философскаго знанія, то остается одно — обратиться къ самому разуму и поискать, нѣтъ-ли въ немъ такихъ несомнѣнныхъ истинъ и положеній, которыя могли-бы служить основаніемъ для философіи и точкою опоры для дальнѣйшихъ ея изслѣдованій. Они должны быть найдены въ самомъ разумѣ, потому что, какъ мы видѣли, всякаго рода начала, основанныя на непосредственной увѣренности, будутъ началами анти-философскими; таковы,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, 1865 г. № 2.

напримѣръ, начала общаго смысла и вѣры. Они необходимо должны быть найдены, должны существовать въ разумѣ, потому что иначе, если мы въ немъ не будемъ имѣть ничего несомнѣннаго, то результатомъ будетъ абсолютный скептицизмъ, столь-же анти-философскій, какъ и непосредственное довѣріе большинству или личному субъективному чувству.

Но можемъ-ли мы и какимъ образомъ найти что-либо дѣйствительно несомнѣнное? Повидимому ища несомнѣннаго, мы предлагаемъ себѣ неразрѣшимую задачу. Исторія мышленія показываетъ, что нѣтъ ни одной истины, которая кѣмъ-нибудь и когда-нибудь не подвергалась сомнѣнію, полнѣйшимъ-же выраженіемъ этого сомнѣнія служитъ абсолютный скептицизмъ. Поэтому, если мы назовемъ что-либо несомнѣннымъ, то это во всякомъ случаѣ будетъ несомнѣннымъ только для насъ и для единомысленныхъ съ нами. Истинно-же несомнѣннымъ можетъ быть только то, въ чемъ никто никогда не сомнѣвался и не можетъ сомнѣваться.

Итакъ, чтобы найти дѣйствительно несомнѣнное, мы должны попытаться открыть такія положенія, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ, безъ противорѣчія себѣ, не можетъ усумниться никто, даже самый рѣшительный скептикъ, не смотря на свое увѣреніе, что онъ сомнѣвается во всемъ,—предполагаемое сомнѣніе въ которыхъ есть только мнимое и основанное на недоразумѣніи. Если такого рода положенія найдутся, если они выдержатъ напоръ самаго усиленнаго скептицизма, то существованіе въ нашемъ разумѣ несомнѣнныхъ истинъ будетъ обезпечено.

Для этой цѣли подвергнемъ анализу формулу самаго рѣшительнаго скептицизма: *я сомнѣваюсь во всемъ*. Не входя пока въ разсмотрѣніе каждаго изъ понятій, входящихъ въ составъ этой формулы, постараемся отвлечь отъ разнообразія этихъ понятій самое общее, содержащееся въ нихъ, понятіе. Самое общее между ними останется очевидно лишь то, что всѣ они существуютъ. имѣютъ *бытіе*; съ этимъ, конечно, согласится и скептикъ; ибо говоря: *я сомнѣваюсь*, онъ утверждаетъ уже тѣмъ самымъ бытіе чего-либо. Итакъ признаніе существованія или бытія чего-либо есть самая общая, самая несомнѣнная

истина, доказываемая *бытіемъ* самаго сомнѣнія. Можетъ быть подвергнуто сомнѣнію бытіе какихъ-либо отдѣльныхъ предметовъ, можетъ быть даже подвергнуто сомнѣнію существованіе всего реально-сущаго, но и тогда не исчезнетъ самое понятіе бытія, ибо подвергая *что-либо* сомнѣнію, мы очевидно имѣемъ въ нашей мысли представленіе о томъ, что подвергаемъ сомнѣнію или отрицаемъ. Итакъ, и самое подвергаемое сомнѣнію и отрицаемое должно существовать въ нашей мысли, имѣть по крайней мѣрѣ мысленное *бытіе*; мы можемъ отрицать только объективное существованіе чего-либо въ нашей мысли, но не *бытіе* его въ нашей мысли. Слѣдовательно, если и нѣтъ предметовъ существующихъ, во всякомъ случаѣ есть наши мысли о нихъ, есть что-либо имѣющее бытіе. Поэтому, если-бы даже мы замѣнили представленную нами формулу скептицизма еще болѣе рѣшительною, тою напримѣръ, которую выставилъ софистъ Горгій: *ничего не существуетъ*, то и въ такомъ случаѣ нисколько не отдѣлались-бы отъ понятія бытія чего-либо; ибо, чтобы отрицать все существующее, нужно имѣть понятіе или представленіе о существующемъ; иначе нечего было-бы и отрицать. Абсолютное отрицаніе бытія вообще также невозможно безъ предположенія мысленнаго бытія, какъ невозможно отрицаніе существованія какого-либо частнаго предмета безъ представленія его въ нашей мысли; когда мы говоримъ: нѣтъ или не было такого-то предмета, то этимъ самымъ предполагаемъ уже представленіе этого предмета, бытіе его въ нашей мысли, какъ нѣчто положительное.

Отсюда видно, что истина существованія чего-либо есть самая всеобщая, первоначальная и несомнѣнная истина, которую можно выразить въ формулѣ: *есть нечто или нечто существуетъ*. Но очевидно и то, что это самая неопредѣленная и самая скудная по содержанію формула; не смотря на свою несомнѣнность, она не можетъ служить принципомъ философіи. Съ одной стороны, изъ чистаго понятія бытія мы не можемъ вывести никакихъ понятій объ опредѣленныхъ формахъ или видахъ бытія. Чистое бытіе, какъ справедливо замѣтилъ Гегель, въ сущности равняется понятію чистаго ничто, такъ какъ въ немъ нѣтъ никакой опредѣленности, никакого кон-

кретнаго содержанія *). Съ другой стороны, понятіе бытія самаго по себѣ не даетъ никакого понятія объ истинѣ или не истинѣ чего-либо, изслѣдованіе о чемъ составляетъ задачу философіи, какъ и всякой науки; ибо какъ истинное, такъ и ложное одинаково существуетъ въ нашемъ умѣ; различія ихъ мы не опредѣлимъ на основаніи простаго факта существованія.

Итакъ искомымъ нами принципомъ философіи должно быть не простое и безсодержательное понятіе бытія чего-либо, но понятіе какого-либо опредѣленнаго бытія, признаніе котораго, будучи столь-же несомпѣннымъ, какъ представленіе бытія вообще, дало-бы намъ твердую опору и реальное содержаніе для дальнѣйшихъ философскихъ изслѣдованій. Чтобы найти такое понятіе, обратимся снова къ выставленной нами формулѣ абсолютнаго скептицизма и посмотримъ, нѣтъ-ли въ ней, кромѣ признанія бытія чего-либо, утвержденія еще другихъ какихъ-либо положеній и истинъ, которыя были-бы столь-же недоступны ни для какого скептицизма, какъ и общее понятіе бытія.

Анализируя эту формулу, прежде всего мы видимъ, что самый рѣшительный скептикъ, говоря: *я сомнѣваюсь во всемъ*, утверждаетъ бытіе не просто чего-либо, но собственнаго существованія. Истина собственнаго существованія дѣйствительно есть истина всеобщая, необходимая и не подлежащая сомнѣнію; какъ таковая, эта истина ни откуда не можетъ быть выведена, ничѣмъ не можетъ быть ни доказана, ни опровергнута. Она ничѣмъ не можетъ быть опровергнута, такъ какъ мы знаемъ, что самый рѣшительный скептикъ, для самаго существованія своего сомнѣнія, долженъ предположить ее, какъ

*) Не смотря на то, Гегель, какъ извѣстно, выводитъ изъ этого понятія, при помощи своего діалектическаго метода, всю совокупность категорическихъ опредѣленій сущаго. Но критика его діалектическаго выведенія категорій изъ понятія бытія требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, мѣсто которому въ метафизическомъ ученіи о категоріяхъ; въ настоящемъ случаѣ она была-бы преждевременна. Здѣсь достаточно замѣтить, что внимательная критика такъ называемой логики Гегеля, въ которой содержится его выведеніе категорическихъ понятій и идей изъ понятія чистаго бытія, несомнѣнно показала, что это выведеніе есть мнимое, а не дѣйствительное, что оно предполагаетъ многія понятія, отчасти предшествующія діалектическому выведенію ихъ у Гегеля, отчасти его сопровождающія, отчасти заимствованныя изъ опыта. Разборъ діалектики Гегеля см. у Тределенбургга, въ его *Log. Untersuchungen*. В. 1. 1840. p. 23—100.

нѣчто несомнѣнное; онъ увѣренъ, что его сомнѣніе принадлежитъ именно ему, а не кому другому. Она не можетъ быть ни откуда выведена, потому что заключалась-бы уже въ томъ самомъ понятіи, изъ котораго мы думали-бы ее выводить и въ томъ доказательствѣ, которымъ-бы думали ее доказывать. Выводъ и доказательство предполагали-бы впереди себя кого-либо выводящаго и доказывающаго, а такимъ оказался-бы тотъ же самый я, который доказываетъ свое существованіе. Поэтому, когда Декартъ выводитъ существованіе нашего я изъ понятія мышленія и какъ-бы доказываетъ имъ первое въ своей знаменитой формулѣ: *cogito, ergo sum*, поставляемой во главу философіи, то онъ безъ нужды потворяетъ только въ мнимо-мъ заключеніи то, что содержится уже въ посылаѣ. *Cogito* есть тоже, что *sum cogitans*; отбросивъ это опредѣляющее: *cogitans*, мы получимъ тождественную формулу: *sum, ergo sum*. Такимъ образомъ достаточно привести умозаключеніе Декарта въ простѣйшій видъ, чтобы убѣдиться, что понятіе собственнаго существованія вовсе не выводится изъ какого-либо другаго, болѣе достовѣрнаго понятія, а есть простой, первоначальный и несомнѣнный фактъ самосознанія. Что этотъ фактъ не выводится изъ понятія именно мышленія, видно и изъ того, что мы съ одинаковымъ правомъ можемъ сказать: чувствую, слѣдовательно существую, желаю, двигаюсь, надѣюсь, плачу и прочее, *ergo sum* *). Во всѣхъ этихъ случаяхъ вовсе не за-

*) Съ этимъ принужденъ былъ согласиться и Декартъ въ виду возраженій своихъ противниковъ. Для оправданія-же и удержанія своей формулы онъ разъяснилъ, что понятіе мышленія онъ понимаетъ не въ обычномъ, узкомъ, но въ самомъ широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ всю совокупность психическихъ сознательныхъ состояній. Я мыслю, т. е. я есмь *res cogitans, id est mens, sive animus, sive intellectus, sive ratio. Res cogitans est res dubitans, intelligens, negans, volens, nolens, imaginans quoque et sentiens*. Даже на чувственные ощущенія онъ смотритъ какъ на *cogitandi modos*. (Ueberweg, *Gesch. d. Phil.* III, 51). Но, повидному, въ такомъ расширеніи понятія мышленія для Декарта не было нужды. Если вспомнимъ, что критеріемъ истины и свидѣтельствомъ достовѣрности понятій у него служатъ ясность и раздѣльность, то естественно и закономерно, что выводить понятіе бытія нашего я (если такой выводъ признать возможнымъ) должно было именно изъ понятія о мышленія, а не изъ какого-либо другаго состоянія нашей души; ибо несомнѣнно, что съ наибольшою ясностію и раздѣльностію самосознанія нашъ духъ выступаетъ именно въ состояніи мышленія.

ключеніе выводится о бытіи нашего я изъ опредѣленныхъ и частныхъ его обнаруженій, но непосредственно утверждается простой фактъ самосознанія; приложеніе той или другой особенноти или опредѣленности его здѣсь не имѣетъ доказательнаго значенія. Изъ абстракціи можно представить себѣ состояніе нашего сознающаго себя я безъ всякихъ опредѣленностей, представить себя не думающимъ, не чувствующимъ, не желающимъ, но просто сознающимъ свое существованіе и утверждающимъ свое бытіе; между тѣмъ нельзя абстрактно представить чувствованія, мысли, желанія, не принадлежащихъ никому и ничему. Это ясно показываетъ, что истина собственнаго существованія есть первоначальная, коренная и не выводимая ни изъ какихъ другихъ фактовъ или положеній истина.

Далѣе, въ скептической формулѣ: *я сомнѣваюсь*, кромѣ признанія бытія нашего я, заключается признаніе, какъ несомнѣнной истины, собственнаго *сомнѣнія*. Что заключается въ этомъ признаніи? Прежде всего, конечно, признаніе реальности опредѣленнаго психическаго состоянія нашего я,—сомнѣнія или что то же,—мышленія, ибо сомнѣніе есть извѣстная форма или состояніе нашего мышленія; самый рѣшительный скептикъ не станетъ отвергать того, что, сомнѣваясь, онъ мыслить. Но утверждая одно извѣстное состояніе нашего я, онъ, конечно, не можетъ отвергнуть и другихъ состояній, такъ какъ о нихъ онъ по крайней мѣрѣ мыслить или сомнѣвается. Дѣйствительно, ни одинъ скептикъ не станетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ видитъ, слышитъ, чувствуетъ, желаетъ. Его сомнѣнія могутъ простираться только на то, дѣйствительно-ли, на примѣръ, его ощущеніямъ и представленіямъ о вещахъ соотвѣтствуютъ реальныя вещи, его понятіямъ и мнѣніямъ о нихъ—истина бытія; но существованіе своихъ представленій, мыслей, психическихъ состояній, какъ субъективныхъ состояній своего я, онъ оспаривать не станетъ. Отсюда видно, что мы должны несомнѣнно признавать не только истину существованія нашего я, но также бытіе всѣхъ психическихъ феноменовъ, поддающихся сознанію нашего я,—существованіе того, что мы называемъ субъективнымъ міромъ. Дѣйствительно, съ признаніемъ нашего я, необходимо и неразрывно соединяется признаніе су-

ществованія всѣхъ тѣхъ состояній, въ которыхъ выражаетъ себя наше я. Наше я въ дѣйствительной жизни никогда не является отрѣшеннымъ отъ какихъ-либо опредѣленныхъ, психическихъ состояній его: они съ нимъ необходимо и неразрывно связаны; поэтому, сознавая и признавая свое существованіе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо признаемъ и существованіе всѣхъ сознаваемыхъ обнаруженій нашего я. Говоря: я чувствую, думаю, желаю, я съ одинаковою силою увѣренности утверждаю какъ первый, такъ и второй терминъ, одинаково сознаю и признаю и свое чувство, мысль, желаніе, — и то, что именно я чувствую, думаю, желаю.

Но признаніемъ самодостовѣрности бытія нашего я и его субъективныхъ состояній не ограничивается кругъ первоначальныхъ и несомнѣнныхъ для самаго скептика истинъ. Въ самомъ дѣлѣ, самый рѣшительный скептикъ не можетъ отрпцать и не отрицаетъ, что онъ подвергаетъ сомнѣнію, оспариваетъ, отрицаетъ истину *чужихъ* мнѣній о различныхъ предметахъ знанія и что эти мнѣнія *не его*, потому что его собственное мнѣніе есть именно утвержденіе сомнительности или не истинны этихъ мнѣній. Точно также утверждая, что наши понятія о вещахъ, наши чувственные представленія о нихъ не истинны, потому что не соотвѣтствуютъ дѣйствительному бытію вещей, скептикъ тѣмъ самымъ опять показываетъ, что признаетъ дѣйствительность чего-то внѣ его находящагося, отъ чего отличаетъ различныя мнѣнія, свои и чужія, будто-бы не соотвѣтствующія дѣйствительности. Отсюда очевидно, что абсолютный скептицизмъ для самой возможности своего сомнѣнія необходимо предполагаетъ несомнѣнное существованіе не только бытія своего я, но и бытія *не я*, отличнаго отъ него въ формѣ: 1) мнѣній и убѣжденій, принадлежащихъ не ему, а другимъ, реально-существующимъ лицамъ; 2) предметовъ, отличныхъ отъ субъективныхъ представленій ихъ въ нашемъ духѣ, которыя по его мнѣнію не соотвѣтствуютъ имъ. Дѣйствительно, самаго простаго самонаблюденія достаточно, чтобы видѣть, что наше сознаніе съ тою-же необходимостію и несомнѣнностію, съ какою утверждаетъ бытіе собственнаго я и его состояній, утверждаетъ и бытіе *не я*, или предметовъ внѣ ме-

ня находящихся. Самое признаніе извѣстнаго психическаго состоянія, извѣстныхъ мыслей, чувствованій, представленій *моими* уже предполагаетъ представленіе о *не моемъ*, чужомъ, *иномъ* бытіи; иначе, я не имѣлъ-бы понятія о моемъ, о самомъ нашемъ я.

Наконецъ, рассматривая абсолютный скептицизмъ, мы нашли въ немъ, кромѣ признанія бытія *я* и *не я*, еще одно положеніе или признаніе, которое, не смотря на его увѣреніе въ абсолютности своего сомнѣнія, и для него на дѣлѣ оказалось не сомнѣннымъ,—такимъ, безъ чего и самъ онъ существовать-бы не могъ. Это—признаніе идеи истиннаго знанія и бытія, безъ отчетно сравнивая съ которою всѣ существующія познанія и вещи, онъ считаетъ ихъ сомнительными или не истинно существующими. Дѣйствительно, безъ такого признанія не возможенъ-бы былъ и самый скептицизмъ, точно также какъ и всякая другая, хотя бы то самая односторонняя критика человѣческаго познанія. Чтобы имѣть право быть скептикомъ, или говорить о недостаточности и ограниченности познанія, нужно имѣть представленіе или предположеніе какого-то совершеннаго и идеальнаго знанія, съ которымъ каждое данное знаніе не сходится, такъ какъ въ каждомъ есть нѣчто несовершенное, т. е. сомнительное. Точно также, чтобы говорить о сомнительности какой-либо стороны бытія или вообще о его ограниченности и несовершенствахъ, нужно имѣть представленіе или идею бытія совершеннаго и свободнаго отъ недостатковъ. Что предположеніе такого бытія также существуетъ въ умѣ самаго абсолютнаго скептика, какъ и предположеніе свободнаго отъ недостатковъ знанія или истины, видно уже изъ самаго характера критики, направленной, на примѣръ, къ отрицанію реального существованія и истины извѣстныхъ предметовъ, на примѣръ вѣшняго міра, даже нашего собственнаго я, какъ начала самостоятельнаго. Въ чемъ состоитъ эта критика? Очевидно, въ доказательствѣ того, что эти, подвергаемые сомнѣнію въ ихъ самостоятельномъ бытіи, предметы по своей натурѣ не удовлетворяютъ признакамъ истиннаго бытія, которое должно быть постояннымъ, неизмѣннымъ, самобытнымъ въ смыслѣ невыводимости ихъ изъ какого-либо другаго бы-

тія, какъ его феноменъ или преходящій моментъ въ его развитіи и пр. Значить, идея истиннаго или идеальнаго бытія, болѣе совершеннаго и реальнаго, чѣмъ наличная дѣйствительность, составляетъ для самаго строгаго скептика необходимое предположеніе и оправданіе его скептицизма.

Отсюда видно, что кромѣ предположенія бытія собственнаго *я* и *не я*, самый рѣшительный скептикъ не можетъ, не опасаясь противорѣчія себѣ и уничтоженія собственнаго скептицизма, обойтись безъ предположенія *знанія* болѣе совершеннаго, чѣмъ его ограниченное и потому сомнительное для него знаніе, и *бытія* болѣе совершеннаго, чѣмъ каждое данное условное и ограниченное и потому могущее быть подвергнутымъ сомнѣнію въ своемъ истинномъ существованіи бытіе. Такое знаніе и бытіе, какъ свободное отъ недостатковъ всякаго даннаго бытія и всякаго знанія человѣческаго, есть абсолютное или идеальное знаніе и бытіе,—нѣчто такое, что несомнѣнно должно быть (ибо если его нѣтъ, то мы не могли-бы имѣть и никакого понятія объ ограниченности нашего знанія и бытія), но что вмѣстѣ съ тѣмъ и не есть наше *я* или, противоположаемое имъ себѣ, ограниченное *не я*. Но абсолютное знаніе и бытіе не составляютъ въ сущности двухъ какихъ-либо различныхъ и отдѣльныхъ моментовъ или предположеній нашего знанія. Съ одной стороны абсолютное знаніе должно быть чьимъ-либо знаніемъ, принадлежать кому-нибудь; съ другой—абсолютно совершенное или идеальное бытіе должно быть мыслимо съ предикатомъ знанія, и при томъ абсолютнаго знанія; иначе, оно не было-бы бытіемъ абсолютно-совершеннымъ. Итакъ идея абсолютнаго, совершеннаго бытія, въ которой включается и моментъ абсолютнаго знанія, оказывается третьимъ, по своей несомнѣнности равноправнымъ, основнымъ началомъ нашего познанія, наравнѣ съ признаніемъ истины бытія субъективнаго (ваше *я* и его состоянія) и объективнаго (*не я*).

Какимъ образомъ мы должны болѣе опредѣленнымъ и конкретнымъ образомъ понимать эти три основныя истины философскаго познанія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ должна дать философія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ только объ установленіи всеобщихъ и несом-

нѣнныхъ ся *началъ* или основоположеній. Но въ самомъ понятіи начала уже заключается то, что оно есть только начало изслѣдованія, подлежащее дальнѣйшему процессу раскрытія и опредѣленія, и это раскрытіе путемъ синтетическаго или дедуктивнаго метода (при содѣйствіи, конечно, анализа) и должно составлять дальнѣйшую задачу философской системы. Имѣя въ виду эти дальнѣйшія результаты философскаго развитія указанныхъ выше началъ, мы можемъ въ настоящемъ случаѣ лишь коротко формулировать, выражаемыя ими, первоначальныя и коренныя истины въ видѣ трехъ несомнѣнныхъ положеній: существуетъ міръ духовный, существуетъ міръ физическій, существуетъ абсолютно совершенное Существо, совмѣщающее въ себѣ полную истину бытія и знанія,—Богъ *).

Но установленіемъ трехъ основныхъ истинъ философскаго познанія мы еще не удовлетворили всѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены наукою относительно истинъ философскаго начала. Мы имѣли случай замѣтить, что логика не безъ основапія требуетъ, чтобы число основныхъ и первоначальныхъ истинъ (такъ называемыхъ аксіомъ) въ каждой на-

*) Чтобы доказать несомнѣнность этихъ основоположеній философіи, мы избрали самый краткій и, по нашему мнѣнію, вполне надежный путь,—анализъ абсолютнаго скептицизма, и старались показать, что даже это принципиально враждебное всему несомнѣнному направленіе, въ противорѣчіе себѣ и для самой возможности своего существованія, должно признать указанныя нами истины, потому что самый рѣшительный скептикъ стоитъ на томъ, что мыслить именно опъ, а не другой, и его мнѣнія суть именно его, а не другаго, что противоположныя его мнѣніямъ мысли суть не его, что слѣдовательно существуетъ нѣчто внѣ его, и что, наконецъ, есть нѣкоторая высшая норма бытія и знанія, по отношенію къ которой его и чужое бытіе и знаніе есть нѣчто ограниченное. Но къ тому-же самому результату приведетъ насъ въ свое время и критическій анализъ каждаго односторонняго направленія, отрицающаго кабую-либо одну изъ этихъ истинъ. Онъ покажетъ намъ, что каждое одностороннее направленіе философіи, подобно абсолютному скептицизму, зацѣпывается въ противорѣчіяхъ самому себѣ, петляя къ которымъ заключается именно въ отрицаніи какой-либо изъ указанныхъ нами основныхъ истинъ знанія и въ невозможности объяснить все существующее и познаваемое изъ одного какаго-либо односторонняго начала. Отрицаемыя односторонними направленіями начала остаются также самостоятельными и истинными, какъ и въ абсолютномъ скептицизмѣ; не смотря на отрицаніе ихъ достовѣрности, они незамѣтнымъ и безотчетнымъ процессомъ мышленія входятъ въ самыя отрицающія ихъ системы, заставляя ихъ противорѣчить самимъ себѣ. Такъ напримѣръ материализмъ, не смотря на всѣ свои усилія, никогда не въ состояніи вывести

укѣ было ограничиваемо возможно меньшимъ числомъ; идеальное-же требованіе отъ научнаго принципа есть его единство. Философія, особенно въ идеалистическихъ системахъ, всегда старалась удовлетворить этому требованію и вывести все содержаніе философскаго знанія изъ одного начала. Хотя требованіе единства принципа касается болѣе формальнаго совершенства системы, чѣмъ ея содержанія, но въ виду того, что знаніе философское есть знаніе систематическое по преимуществу, мы должны попытаться свести указанные нами начала къ одному общему и первоначальному.

Общее связующее и объединяющее эти указанные нами начала понятіе есть, конечно, понятіе *бытія*; въ нихъ мы признаемъ бытіе міра чувственнаго, духовнаго, бытіе абсолютнаго. Но мы уже видѣли, что само по себѣ понятіе чистаго бытія не можетъ служить началомъ къ выведенію изъ него какихъ-либо видовъ опредѣленнаго бытія; никакая Гегелевская діалектика не въ состояніи произвести изъ чистаго понятія бытія того, чего въ немъ не заключается. Если же общимъ и единымъ принципомъ не можетъ быть абстрактное

изъ своего принципа бытія, называемаго нами духовнымъ, точно также какъ абсолютный идеализмъ не въ состояніи объяснить факта существованія предметовъ внѣшнихъ изъ своего понятія объ абсолютномъ. Вся критика одностороннихъ философскихъ направленій, какъ показываетъ исторія философіи, сводится въ сущности къ тому, чтобы показать ихъ *односторонность*, т. е. что отрицая известную сторону бытія или знанія, неправильно выводи ее изъ одного какого-либо принципа, признаваемаго ими за истинный, они отрицаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ или ведутъ къ отрицанію какой-либо изъ указанныхъ намъ коренныхъ истинъ знанія. Такой критическій приемъ, одинаково употребляемый всѣми философскими направленіями въ отношеніи къ противоположнымъ изъ, ясно показываетъ одинаковую необходимость для разума каждой изъ этихъ истинъ. Если идеализмъ, напримѣръ, указываетъ недостатки матеріализма въ томъ, что онъ не можетъ съ своей точки зрѣнія вывести духовнаго бытія; если матеріальность или эмпиризмъ въ свою очередь доказываютъ идеалисту, что онъ не можетъ объяснить изъ своего начала существованія бытія вещественнаго, и если взаимные упреки того и другаго справедливы, то очевидно въ результатѣ мы получаемъ необходимость для мышленія одинаково признавать реальность какъ духа, такъ и матеріи. Точно также получаетъ необходимое значеніе для мышленія и признаніе существа абсолютнаго, такъ какъ оно не можетъ быть выведено изъ понятій бытія условнаго и ограниченаго, будетъ-ли это бытіе духовнымъ или матеріальнымъ. Такимъ образомъ, критика каждаго односторонняго направленія въ сущности будетъ косвеннымъ доказательствомъ истинны той или другой первоначальной истины нашего разума.

понятіе бытія, то мы должны обратиться къ каждому изъ трехъ опредѣленныхъ видовъ бытія и посмотрѣть, не можетъ ли какой-либо изъ нихъ служить производящимъ началомъ для другихъ и объединять ихъ. Но если мы взглянемъ на указанныя нами формы бытія съ этой точки зрѣнія, то легко замѣтимъ, что ни бытіе субъективное (наше я), ни бытіе объективное (*не я* или міръ внѣшній) не могутъ быть въ нашемъ сознаніи производящею причиною бытія абсолютнаго, потому что какъ то, такъ и другое ограничено и условно, а безусловное и неограниченное, по самому понятію своему, не можетъ происходить отъ началъ условныхъ и несовершенныхъ.

„Ибо, какъ справедливо замѣтилъ еще Декартъ, — очевидно и для здраваго смысла, что то, что болѣе совершенно, т. е. содержитъ въ себѣ болѣе реальности, не можетъ быть слѣдствіемъ и быть въ зависимости отъ менѣе совершеннаго... Ясно также видно и то, что въ субстанціи безконечной находится больше реальности, чѣмъ въ субстанціи конечной и что я нѣкоторымъ образомъ имѣю въ себѣ понятіе о безконечномъ прежде, чѣмъ о конечномъ, т. е. о Богѣ прежде, чѣмъ о самомъ себѣ; ибо какимъ образомъ я могъ бы знать, что я сомнѣвался, что я желаю, вообще что мнѣ недостаетъ чего-либо и что я не всесовершенство, если-бы не было во мнѣ идеи Существа болѣе совершеннаго, чѣмъ мое, по сравненію съ которымъ я познаю недостатки своей природы?“ *) Если же наше субъективное бытіе не можетъ быть производящею причиною бытія абсолютнаго, то тѣмъ менѣе такою причиною можетъ быть міръ внѣшній, объективный, потому что ограниченность и условность его бытія выступаетъ для нашего сознанія еще съ болѣею отчетливостію, чѣмъ ограниченность нашего я. Отсюда видно, что изъ трехъ видовъ опредѣленнаго бытія, одинаково несомнѣнно признаваемыхъ нашимъ сознаніемъ первоначальнымъ и основнымъ, должно служить бытіе абсолютное, какъ такое, которое заключаетъ въ себѣ возможность, именно въ силу своей абсолютности, быть началомъ бытія условнаго и ограниченнаго. И какъ сравнивая три вида бытія съ цѣлью объединенія ихъ въ одномъ первоначальномъ, мы

*) Descartes, Medit. III. p. 85—86.

нашли это объединеніе въ идеѣ абсолютнаго, такъ точно, сравнивая три основныя истины нашего познанія съ цѣлью открыть первоначальную и основную, мы можемъ признать такую истинною бытіе Существа абсолютнаго, или что то же, — истину бытія Божія, которую и можно назвать поэтому основною истинною философіи, такъ какъ рационально объяснить существованіе міра физическаго и духовнаго и самую достовѣрность познанія о немъ, какъ увидимъ, возможно не иначе, какъ при предположеніи этой истины.

Къ тому же самому заключенію, къ которому мы пришли посредствомъ анализа трехъ видовъ бытія нами познаваемаго, мы можемъ придти и путемъ анализа понятія о нашемъ познаніи, путемъ субъективнымъ. Что такое наше познаніе, независимо отъ предметовъ, нами познаваемыхъ? Познаніе, какъ спеціальная особенность разумной природы человѣка, отличающая его отъ неразумныхъ животныхъ, есть прежде всего неудовлетворенность его данными отъ внѣшнихъ впечатлѣніями и тѣмъ непосредственнымъ знаніемъ вещей, какое даютъ намъ внѣшнія чувства и даже наше простое самосознаніе. Въ актѣ познанія, нашъ разумъ, недовольный видимостію вещей, старается проникнуть въ ихъ внутреннее существо, угадать законы, по которымъ совершаются явленія, причины ихъ происхожденія и, наконецъ, первоначальную, высочайшую причину ихъ бытія; въ познаніи философскомъ эта неудовлетворенность ничѣмъ даннымъ, эта потребность проникновенія въ существо вещей высказывается, конечно, сильнѣе и живѣе, чѣмъ во всякой другой области познанія. Но неудовлетворенность сначала непосредственными впечатлѣніями внѣшнихъ и внутренняго чувствъ, затѣмъ неудовлетворенность никакимъ даннымъ познаніемъ, какъ-бы оно ни возвышалось надъ этими впечатлѣніями, чѣмъ можетъ быть объяснена, какъ не существованіемъ въ нашемъ умѣ первоначальнаго, непосредственнаго, хотя не ясно сознаваемаго убѣжденія, что есть нѣчто болѣе совершенное, болѣе реальное и истинное, чѣмъ окружающая насъ дѣйствительность, — что есть знаніе болѣе совершенное, чѣмъ каждое данное знаніе, какъ бы относительно оно ни было совершенно? Безъ этого первоначальнаго убѣжденія былъ-бы

невозможенъ и первый шагъ на пути познанія истины,—недовольство даннымъ, непосредственнымъ знаніемъ. Но если мы внимательно всмотримся въ это первоначальное убѣжденіе, то легко замѣтимъ, что въ основѣ его лежитъ таже самая идея абсолютнаго, которая служила для насъ основаніемъ и началомъ бытія ограниченнаго. Ибо и о нашемъ знаніи можно сказать тоже, что сказалъ Декартъ о бытіи: какимъ образомъ я могъ-бы знать, что мое знаніе несовершенно, если-бы во мнѣ не было идеи знанія болѣе совершеннаго, чѣмъ мое, въ сравненіи съ которымъ я чувствую недостатки моего знанія и стремлюсь къ знанію болѣе и болѣе совершенному, точнѣе,—къ знанію абсолютно совершенному, такъ какъ никакое данное знаніе удовлетворить вполнѣ не можетъ моего стремленія къ истинѣ?

Итакъ, остановимъ-ли наше вниманіе на содержаніи основныхъ истинъ нашего познанія или на самомъ существѣ нашего познанія, одинаково приходимъ къ убѣжденію, что идея абсолютнаго или точнѣе,—идея Существа абсолютно совершеннаго должна быть признана началомъ философскаго познанія, и истина бытія Божія—основною философскою истиною.

Но будучи основнымъ и исходнымъ началомъ философскаго познанія, идея Божества въ то-же время составляетъ и послѣднюю, высшую цѣль этого познанія; въ ней, такъ сказать, совмѣщается его дѣйствующая и конечная причина. Въ самомъ понятіи философскаго начала, какъ мы замѣтили, уже заключается понятіе его общности и неопредѣленности; что начинается, то, какъ замѣтилъ Гегель, еще не есть, но только начинаетъ быть, стремится къ осуществленію полноты своего существованія. Философское начало есть только первоначальная точка опоры и почва для дальнѣйшаго изслѣдованія. Она есть зерно, изъ котораго должно развиться роскошное дерево науки съ его цвѣтами и плодами; но плодъ этого развитія есть тоже самое зерно или сѣмя, изъ котораго оно первоначально возникло. Какъ растеніе въ своей жизни представляетъ органической циклъ развитія и возвращенія къ тому, изъ чего оно вышло, такъ и философія, исходя изъ идеи Божества, процессомъ своего развитія, стремится къ той-же идеѣ Божества, какъ

высшей и послѣдней цѣли познаніемъ. Дѣйствительно, если высшая задача философіи есть познаніе сущности вещей, а послѣднее основаніе существованія вещей есть Существо абсолютное—Богъ, Которому одному принадлежатъ во всей полнотѣ предикатъ истинно сущаго, то можно сказать, что высшая цѣль, къ которой стремится философія, есть познаніе Божества,—познаніе, въ которомъ заключается ключъ къ уразумѣнію міра физическаго и духовнаго, и въ этомъ отношеніи можно согласиться съ словами Гегеля, что содержаніе философіи есть Богъ и уразумѣніе Бога. Такимъ образомъ идея Божества, будучи исходнымъ началомъ философіи, въ то-же время служитъ ея цѣлью или идеальнымъ ея началомъ.

Мы установили основное начало философіи, которое можемъ назвать *реальнымъ*, такъ какъ имъ обезпечивается для нашей науки несомнѣнность самыхъ предметовъ ея изслѣдованія: Бога, міра физическаго и духовнаго. Но въ то-же время мы замѣтили, что признаніе этого начала даетъ только первую точку опоры для философскаго изслѣдованія, что задача философіи должна состоять въ дальнѣйшемъ раскрытіи этого начала, въ раціональномъ познаніи его содержанія во всей его пиротѣ. Но какимъ путемъ или способомъ мы можемъ достигнуть этого познанія? Такъ какъ философія въ своемъ историческомъ движеніи представляетъ, повидимому, много способовъ или методовъ познанія, то и здѣсь возникаетъ тотъ-же вопросъ, какой возникалъ для насъ и относительно основныхъ истинъ нашего познанія: можно-ли найти такой способъ познанія, который былъ-бы столько-же основнымъ и столько-же несомнѣннымъ, какъ тѣ коренныя истины знанія, къ раскрытію которыхъ онъ долженъ быть приложенъ?

Отсюда видно, что кромѣ установленія принципа реальнаго, мы должны попытаться открыть и установить несомнѣнный принципъ философскаго познанія, который, въ противоположность первому, мы можемъ назвать *формальнымъ*, такъ какъ имъ опредѣляется не содержаніе, а только способъ познанія.

Для открытія этого принципа мы пойдёмъ тѣмъ-же самымъ путемъ, какимъ шли для открытія принциповъ реальныхъ. Мы

спросимъ: нѣтъ-ли такого способа познанія, который остается непоколебимымъ при самомъ абсолютномъ сомнѣніи касательно достовѣрности нашего познанія, безъ котораго невозможно было-бы и самое сомнѣніе,—который одинаково считали для себя обязательнымъ самыя разнообразныя и расходящіяся даже въ взглядахъ на значеніе самаго этого способа философскія направленія? На эти вопросы исторія мышленія даетъ положительный отвѣтъ. Разсматривая ходъ мышленія во всевозможныхъ системахъ, не исключая и скептическихъ, мы замѣчаемъ, что всѣ онѣ считаютъ для себя обязательными и несомнѣнными тѣ приемы правильного мышленія, которые указываетъ намъ логика и которые составляетъ самую природу нашего разума. Ни одинъ папр. философъ не скажетъ, что противорѣча самъ себѣ онъ можетъ познавать истину,—что то, что говорится объ общемъ понятіи, не можетъ быть сказано о содержащихся подъ нимъ частныхъ,—что въ заключеніи можетъ быть выведено больше, чѣмъ дано въ посылкахъ и пр. Каждый философъ считаетъ состоятельными тѣ доказательства, которыя удовлетворяютъ логической теоріи доказательства, и опровергаетъ своихъ противниковъ указаніемъ на логическіе промахи и противорѣчія въ ихъ системахъ. Самый рѣшительный скептикъ при своемъ опроверженіи достовѣрности знанія, даже при опроверженіи состоятельности логическихъ законовъ, будетъ однако-же, въ противорѣчіе себѣ, располагать свои доказательства по тѣмъ-же самымъ законамъ мышленія, какъ и всякій другой, и будетъ мыслить не по другой какой логикѣ, какъ по общечеловѣческой; даже отвергая возможность доказательства, онъ для этого отверженія будетъ употреблять доказательство и тѣмъ, самъ того не замѣчая, доказывать возможность логическаго удостовѣренія истины. Иначе, гдѣ-бы онъ нашелъ опору для своего сомнѣнія? Чтобы сомнѣніе не было дѣломъ произвольнымъ, безсмысленнымъ отрицаніемъ, мысль должна имѣть право ссылаться на то, что при своемъ сомнѣніи она дѣйствуетъ совершенно правильно, законно, основательно. Но дѣйствовать правильно, законно, основательно, — что можетъ значить для мысли иное, какъ не дѣйствовать такъ, какъ требуютъ законы мысли? Такимъ образомъ самое науч-

ное сомнѣніе, какъ результатъ процесса, совершающагося по законамъ мысли, необходимо предполагаетъ увѣренность въ истинности этихъ законовъ. Всякое разсужденіе объ истинности законовъ мысли необходимо было-бы подчинено имъ-же самимъ и потому мы не могли-бы признать его правильнымъ, не предположивъ истинности законовъ, которымъ оно необходимо должно было подчиниться. Никакая критика разума, будетъ-ли она скептическая или другая какая, была-бы невозможною; невозможно было-бы и результаты ея признать истинными, если-бы мы заподозрили вѣрность законовъ мысли, которымъ необходимо должно подчиняться критическое изслѣдованіе, если оно желаетъ быть научнымъ изслѣдованіемъ *).

Такимъ образомъ мы вправѣ признать логическіе законы мышленія, или что то же—самодостовѣрность нашего разума безспорнымъ формальнымъ принципомъ философіи. Что касается до возраженій противъ несомнѣнности этого принципа, то ихъ не трудно устранить указаніемъ заключающагося въ нихъ противорѣчія, именно того, что самая (предполагаемая) состоятельность этихъ возраженій, независимо отъ ихъ собственной силы или слабости, возможна только при скрытомъ признаніи истины того, противъ чего возражаютъ.

Такъ Декартъ, подвергая сомнѣнію всѣ основоположенія нашего знанія, исключая своего знаменитаго: *cogito, ergo sum*, не считаетъ свободными отъ этой сомнительности и законы нашего мышленія. Гдѣ, спрашиваетъ онъ, ручательство истины этихъ законовъ? Скажемъ ли, что Богъ, Творецъ міра и меня, не могъ дать мнѣ такихъ законовъ познанія, которые вмѣсто истины вводили-бы меня въ заблужденіе? Но если, какъ показываетъ опытъ, я часто заблуждаюсь, и если мои частныя заблужденія не противорѣчатъ понятію о благодѣи Божіей, то почему нельзя допустить, что я и всегда могу заблуждаться, также не противорѣча этому понятію? Если бы заблужденіе противорѣчило благодѣи Божіей, то Богъ долженъ бы создать меня такимъ, чтобы я никогда не могъ заблуждаться: а если разъ допущена возможность и согласіе съ волею Божіей частныхъ заблужденій, то нѣтъ никакого основанія не допустить

*) Каривскій. „Крит. обзоръ посл. періода герм. философіи“. 1873. стр. 255—258.

подобной же возможности и заблужденія всеобщаго. Если, такимъ образомъ, возможность всеобщаго заблужденія не обеспечена даже при признаніи существованія Бога, то само собою разумѣется, она еще менѣе обеспечена, если мы станемъ отрицать это существованіе. Если заблужденіе есть несовершенство, то чѣмъ менѣе совершенною мы станемъ представлять первую причину міра (а такого рода причиною, очевидно, будетъ всякая другая, какъ скоро мы отвергнемъ причину всесовершенную—Бога), тѣмъ болѣе будетъ вѣроятности, что и самъ я буду несовершеннымъ и буду постоянно заблуждаться. Отъ несовершенной причины, напр., рока, случая, матеріи, одинаково возможно происхожденіе и истины и заблужденія, и ничто не обезпечиваетъ меня, что мои законы познанія должны быть непременно истинными. Напротивъ, самое несовершенство этихъ причинъ заставляеть съ болѣею вѣроятностью предполагать, что законы моего познанія будутъ скорѣе несовершенными, чѣмъ совершенными, скорѣе ложными, чѣмъ истинными. Наконецъ, я могу предположить и то, что не Богъ, Который есть благо и есть верховный источникъ истины, а какой-нибудь злой духъ, столько же хитрый и ложный, сколько и могучій, употребилъ все свое искусство, чтобы меня обмануть, что всѣ представленія и образы міра внѣшняго суть только иллюзіи и мечты, которыми онъ воспользовался, какъ ловушками для моей довѣрчивости *).

Изъ этихъ скептическихъ тенетъ Декартъ выпутывается, какъ извѣстно, тѣмъ, что въ выводимой имъ изъ вполне несомнѣваго принципа: *cogito. ergo sum*, посредствомъ дальнѣйшихъ умозаключеній, идея Бога, какъ существа абсолютно совершеннаго, находитъ некую гарантію человѣческаго познанія. Эта гарантія состоитъ въ томъ, что Богъ, какъ существо абсолютно истинное и благое, не могъ дать намъ обманчивыхъ законовъ познанія, вводящихъ насъ въ заблужденіе. Не говоримъ о томъ, что этою мыслию далеко не разсѣваются его собственныя возраженія. Замѣтимъ лишь то, что такой окольный и кружный путь совершенно ненуженъ для удостовѣренія истины нашего познанія и самъ по себѣ несостоятеленъ.

*) Descartes, Oeuvres, ed. J. Simon, 1869. Medit. 1. p. 68—71.

Декартъ забываетъ, что то самое понятіе о Богѣ, которое онъ выводитъ изъ своего философскаго принципа и, исходя затѣмъ изъ котораго, доказываетъ достовѣрность познанія, само приобрѣтено или выведено путемъ того же самаго логическаго мышленія и того же познанія, которое въ началѣ онъ призналъ несвободнымъ отъ сомнительности, даже при предположеніи бытія Божія. Но если наше мышленіе и законность его сомнительны, то какъ при помощи его мы можемъ придти къ несомнѣнному понятію о Богѣ, которое въ свою очередь должно доказать истину нашего познанія? Если онъ хочетъ доказывать достовѣрность нашего мышленія изъ понятія о Богѣ, то сперва долженъ доказать, что тотъ самый процессъ мышленія, какимъ онъ дошелъ до этого понятія, достовѣренъ, а слѣдовательно и самое понятіе о Богѣ также достовѣрно. Онъ долженъ не выводить истину нашего познанія изъ идеи о Богѣ, а напротивъ выводить истину самой этой идеи изъ предположенія достовѣрности нашего мышленія. Иначе, вся его аргументація представляетъ такъ называемый въ логикѣ *circulus in demonstrando*; истина познанія доказывается истиною бытія Божія, а истина бытія Божія основывается на предварительномъ предположеніи истины того познанія и тѣхъ пріемовъ мысли, посредствомъ которыхъ она выведена и утверждена какъ истина.

Дѣйствительно, это предположеніе несомнѣнности нашего мышленія само собою сказывается какъ въ самыхъ сомнѣніяхъ Декарта касательно его достовѣрности, такъ и въ выводимыхъ затѣмъ основныхъ положеніяхъ его философіи. Его сомнѣнія, независимо отъ ихъ содержанія, очевидно суть аргументы противъ непосредственнаго убѣжденія въ истинѣ тѣхъ или другихъ нашихъ мнѣній. Если же Декартъ считаетъ ихъ такими и придаетъ имъ какую-либо цѣнность, то очевидно потому, что признаетъ вполне состоятельными и истинными тѣ сочетанія мыслей, въ которыхъ они выражены, — слѣдовательно признаетъ достовѣрность мышленія и его логическихъ пріемовъ. Точно также выводя положенія своей философіи изъ своего начала: *cogito, ergo sum*, онъ очевидно признаетъ такой выводъ правильнымъ и достовѣрность ихъ основываетъ на ло-

гической достовѣрности этого вывода; самая идея Бога, высшее, по его мнѣнію, ручательство достовѣрности нашего мышленія, можетъ получить такое значеніе не иначе, какъ при предварительномъ признаніи такой достовѣрности.

Также мало, какъ и сомнѣвія Декарта, могутъ говорить противъ самодостовѣрности мышленія, какъ формальнаго принципа философскаго познанія, и тѣ опыты критики нашего разсудочнаго познанія, какимъ оно не разъ подвергалось, и тѣ попытки, какія мы встрѣчаемъ въ философін, дополнить или замѣнить недостаточность логическаго мышленія или новыми методами познанія (какова напр. діалектика Гегеля), или новыми источниками его (каковы напр. созерцаніе мистиковъ, чувство Якоби, чистое интеллектуальное воззрѣніе Шеллинга). Что касается до всевозможныхъ критикъ нашего разума, то ограничимся сдѣланнымъ уже замѣчаніемъ, что каждая такая критика совершается не иначе, какъ по законамъ того-же разума и для своей состоятельности предполагаетъ состоятельность этихъ законовъ. Если-бы даже результатомъ этой критики оказалась невозможность для разума знать объективную истину, то и въ такомъ случаѣ мы должны признать несомнѣннымъ, что разумъ можетъ достовѣрно знать эту невозможность, слѣдовательно можетъ имѣть достовѣрное знаніе о всемъ томъ, о чемъ только онъ можетъ знать, хотя-бы кругъ этого знанія сводился къ ничтожному и неутѣшительному результату, — сознанію своей несостоятельности. Что касается до попытокъ помочь этой неудовлетворительности разума открытіемъ или новыхъ пріемовъ познанія, высшихъ, чѣмъ указываемые логикою, или новыхъ источниковъ его, то и здѣсь опять укажемъ на тотъ фактъ, что доказательство истины или преимущества этихъ пріемовъ, или этихъ источниковъ происходитъ однако-же при помощи тѣхъ же логическихъ пріемовъ, которые считаются недостаточными для знанія и подлежащими замѣнѣ новыми. Не говоримъ о томъ, что повось этихъ способовъ познанія, независимость отъ логическаго мышленія и превосходство надъ нимъ, оказываются на дѣлѣ очень сомнительными. Такъ наприм. философская критика діалектическаго метода Гегеля, столь рѣзко противопоставляемаго имъ разсудочному мышленію, ясно показала, что

этотъ методъ въ существѣ своемъ не только не есть что-либо новое, но только своеобразное и на дѣлѣ неудачное видоизмѣненіе обыкновеннаго синтетическаго метода *). Еще менѣе можетъ служить замѣною раціональнаго мышленія въ философіи непосредственное, мистическое созерцаніе, какъ источникъ познанія высочайшаго объекта философскаго знанія—Существа абсолютнаго. Мы не отвергаемъ теоретической возможности непосредственнаго созерцанія Существа высочайшаго, т. е. познанія Его не посредствомъ умозаключеній разсудка, но путемъ живаго ощущенія Его воздѣйствій на нашъ духъ; такая возможность условливается богоподобіемъ человѣка и высшимъ совершенствомъ его духовной природы **). Но съ одной стороны, мы не должны забывать и того, что эта теоретическая возможность находитъ значительное ограниченіе и препятствіе къ своему осуществленію въ дознанномъ на опытѣ фактѣ ненормальнаго состоянія человѣческой природы, слѣдствіемъ чего является отчужденность естественнаго человѣка отъ живаго общенія съ Богомъ, а отсюда невозможность для него съ полною безопасностію пользоваться способностію непосредственнаго созерцанія въ дѣлѣ богопознанія. Для мистика всегда предстоитъ опасность самообольщенія,—опасность принять за непосредственное откровеніе созданія собственной мысли, чувства, даже воображенія. Съ другой стороны, если-бы мы и предположили нормальную чистоту и неповрежденность способности созерцанія, то и въ такомъ случаѣ примѣненіе ея въ области философіи должны-бы ограничить областію міра сверхчувственнаго и религіи. Для познанія міра чувственнаго и ограниченно-духовнаго, человѣческаго, по самому строю нашей природы, должно служить не созерцаніе и откровеніе, а разумъ и его законы. Но и самое познаніе сверхчувственнаго, которое могло-бы быть пріобрѣтено путемъ созерцанія, могло-бы быть названо знаніемъ только въ смыслѣ несобственномъ; его точнѣе должно назвать вѣрою. Какъ скоро оно желаетъ быть дѣйствительнымъ знаніемъ, оно неизбѣжно должно стать знаніемъ раціональнымъ, осу-

*) Trendelenburg, Log. Unters. p. 82 et sq.

***) Подробнѣе объ этомъ см. „Религію, ея сущность и происхожденіе“ 1871 стр. 214—233.

ществляемымъ при помощи обычныхъ приемовъ разсудочнаго мышленія. Отъ этой неизбежности не могутъ уклониться и философы, думающіе въ познаніи „вещей божественныхъ“ замѣнить разумъ созерцаніемъ или чувствомъ; въ противорѣчіе себѣ они допускаютъ разъясненіе своихъ понятій и доказательство ихъ истины приемами того-же самаго мышленія, состоятельность котораго въ принципѣ отвергаютъ,—что мы и замѣтили, въ частности говоря о философіи Якоби.

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что всеобщимъ, несомнѣннымъ, гносеологическимъ или формальнымъ принципомъ философіи должна быть мысль о самодостовѣрности разума, т. е. тѣхъ законовъ мышленія, которые служатъ выраженіемъ его разумной природы и раскрытіемъ которыхъ занимается логика. Мы должны считать истинною, что съ ними согласно, и ложью, что имъ противорѣчатъ. Выше и дальше этихъ законовъ для удостовѣренія истины нашихъ познаній намъ идти некуда; отрицая обязательность этихъ законовъ или сомнѣваясь въ ней, мы отрицали-бы самое мышленіе и достовѣрность самаго сомнѣнія, такъ какъ и самое сомнѣніе, чтобы быть убѣдительнымъ для насъ, должно, какъ мы говорили, основываться на тѣхъ-же законахъ и признавать истину тѣхъ приемовъ мысли, въ которыхъ оно сомнѣвается.

Такая самодостовѣрность и безспорность мышленія, какъ формальнаго начала философіи, дѣлаетъ его надежнымъ критеріемъ философской истины. Говоря о методѣ философіи, мы сказали, что матеріальнымъ критеріемъ истины въ ней должна служить самая дѣйствительность *). Тѣ положенія и выводы философіи, которые явно противорѣчатъ дѣйствительности, не смотря на ихъ кажущуюся стройность, должны быть отвергнуты, какъ несоотвѣтствующіе истинѣ. Но приложеніе этого критерія къ повѣркѣ итоговъ философской дедукціи вообще довольно трудно, а иногда и невозможно. Оно трудно, потому что требуетъ обширнаго знанія всѣхъ положительныхъ наукъ и притомъ не только въ общихъ выводахъ ихъ, но и въ самыхъ частностяхъ, чтобы мы, не полагаясь на вѣру въ истину этихъ выводовъ и на авторитетъ спеціалистовъ, могли

*) „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. Ноябрь. Методъ философіи. стр. 383—384.

съ достовѣрностію знать, что самые эти выводы сдѣланы правильно. Но не говоря о томъ, что подобное универсальное знаніе, требуемое идеаломъ философскаго критерія, не осуществимо для отдѣльнаго лица, если-бы оно и было возможно, не всегда можетъ быть такимъ надежнымъ критеріемъ истины, на который можно-бы вполне положиться. Это оттого, что сами положительныя науки не представляютъ собою законченнаго цикла развитія, сами онѣ находятся въ процессѣ развитія и усовершенствованія. Во многихъ отдѣлахъ естествознанія, исторической и общественной науки еще господствуетъ темнота; многія теоріи и гипотезы составляютъ предметъ споровъ и недоразумѣній. И что всего важнѣе, эти темныя области и спорныя пункты находятся именно тамъ, гдѣ положительныя науки всего ближе соприкасаются съ философіею; таковы наприм. вопросы о происхожденіи вселенной, человѣка. Поэтому-то строгому мыслителю никакъ нельзя довѣряться во многихъ случаяхъ послѣднимъ и даже общепринятымъ въ данное время выводамъ положительныхъ наукъ. Нужна крайняя осмотрительность въ употребленіи ихъ для сравненія съ выводами философскими и для повѣрки послѣднихъ. Такъ называемое последнее слово науки въ области положительнаго знанія можетъ быть далеко не послѣднимъ, и полагаться на это слово далеко не безопасно. Кромѣ того, какъ мы замѣтили, приложеніе этого матеріальнаго критерія истины къ философіи бываетъ не только трудно, но иногда невозможно. Дѣйствительно, въ философіи есть области и самыя высшія, гдѣ совершенно оставляетъ насъ опытъ, гдѣ положительныя науки сохраняютъ полное молчаніе; такова напр. вся область нашихъ познаній о Богѣ.

Эта затруднительность пользованія въ философіи матеріальнымъ критеріемъ истины показываетъ всю важность и значеніе другаго, который мы назвали формальнымъ и который состоитъ въ сличеніи философскихъ выводовъ съ законами мышленія и повѣркѣ правильности и состоятельности ихъ въ этомъ отношеніи. Дѣйствительно, повѣрка философскихъ ученій передъ судомъ логики есть самая лучшая и самая строгая ихъ критика. Она тѣмъ болѣе удобна и безпристрастна, что логика составляетъ нейтральное поле, на которомъ мирно сходят-

ся мыслители самыхъ враждебныхъ другъ другу направленій; всѣ философы, не исключая, какъ мы видѣли, и скептиковъ, въ сущности согласны въ обязательности законовъ мышленія и поэтому логика представляетъ въ философіи такое судебное мѣсто (*κρίτηριον*), авторитетъ котораго признають и уважають всѣ.

В. Жудравцевъ.

ВѢРА И ЗНАНІЕ, ВѢРА И ЖИЗНЬ.

(Продолженіе *).

Нельзя не согласиться съ объясненіемъ, которое предлагаетъ Штеуде относительно того, какимъ образомъ въ число противниковъ матеріализма стали и, при строго логической послѣдовательности мышленія, неминуемо должны были стать и всѣ тѣ естествоиспытатели, которые, основываясь на Кантовой теоріи познанія, вполне подтвержденной результатами фізіологій, примкнули къ послѣдователямъ болѣе или менѣе *идеалистическаго* міровоззрѣнія. По Канту, говоритъ онъ **), человѣческое познаніе есть результатъ съ одной стороны даннаго чувствами опыта, а въ другой—такихъ элементовъ, которые находятся въ нашемъ сознаніи прежде всякаго опыта и которые всякому опыту даютъ извѣстную форму и вводятъ его въ извѣстный порядокъ,—слѣдовательно, въ сущности, наше познаніе имѣетъ *субъективный* характеръ, такъ какъ никогда и нигдѣ оно не можетъ быть достигнуто безъ содѣйствія познающаго субъекта. Это положеніе, справедливость котораго сама по себѣ очевидна и которое съ самаго своего появленія стало господствовать въ наукѣ, имѣетъ весьма важное, неизмѣримое значеніе. Весь внѣшній міръ, который насъ окружаетъ, оно признаетъ только феноменомъ, т. е. міромъ, который существуетъ только для человѣческаго сознанія, для разсудка и

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 2.

**) Стр. 12

чувствъ чловѣка, въ своемъ существованіи признается лишь такимъ, какимъ онъ *кажется* чловѣку, и бытіе его внѣ чловѣческаго сознанія можетъ быть едва только доказываемо. Это положеніе, кажущееся столь парадоксальнымъ само по себѣ, вполнѣ подтверждается, однако-же, точнымъ изслѣдованіемъ. „Каждый астрономъ, какъ и физикъ, каждый фізіологъ, какъ и химикъ, знаетъ и утверждаетъ слѣдующее: все то, что я воспринимаю, анализирую, наблюдаю невооруженнымъ глазомъ или при посредствѣ телескопа и микроскопа, описываю, классифицирую, стараюсь объяснить и подвести подъ общіе законы,—суть явленія природы, феномены“. Вотъ почему и всѣ вышеупомянутые нами естествоиспытатели съ особенною настойчивостію стали защищать безусловную правильность Кантовой теоріи познанія и вмѣстѣ съ этимъ, само собою разумѣется, стали на почву идеализма, совершенно отвергающаго всякаго рода матеріалистическое міровоззрѣніе.—Нельзя не пожалѣть, что въ своемъ сочиненіи Штеуде приводитъ лишь немногія выдержки изъ сочиненій и притомъ только нѣкоторыхъ естествоиспытателей указаннаго направленія. Вотъ эти выдержки.

Адольфъ Фиккъ въ своемъ академическомъ чтеніи „Міръ какъ представленіе“ (Würzburg. 1870, S. 11. 12. 13.) говоритъ: „мнѣ кажется, что къ тому же самому признанію (правильности Кантовой теоріи) можно также придти и другимъ путемъ, который, можетъ быть, будетъ еще удобнѣе, такъ какъ на первыхъ порахъ онъ не требуетъ уничтоженія твердо укоренившихся ложныхъ понятій. Дѣйствительно, мы стоимъ на *наивной* точкѣ зрѣнія матеріализма, который принимаетъ, такъ сказать, за чистую монету конструированный разсудкомъ чувственный міръ; но подойдемъ съ нашимъ разсудкомъ къ этому чувственному міру поближе, съ тѣмъ, чтобы разсѣчь его на части анатомически, какъ это дѣлаютъ естественныя науки. II вотъ насъ учитъ уже физика, что цвѣтамъ вовсе не принадлежитъ то существенное, устойчивое значеніе, какое мы готовы приписать имъ, что тѣло представляется намъ въ томъ или другомъ цвѣтѣ лишь смотря потому, какого рода колебанія среды оно лучше отражаетъ... Такимъ образомъ, если мы, исходя отъ матеріалистической точки зрѣнія, прослѣдимъ

путь естествоиспытанія до его послѣдняго вывода, то мы увидимъ, какъ уже на первый взглядъ улетучивается предъ нами столь массивный матеріальный міръ... Вполнѣ ясно, что этотъ матеріальный міръ, познанный такимъ образомъ, уже болѣе не можетъ быть принимаемъ за то, чѣмъ признаютъ его вначалѣ, т. е. вѣрнымъ отобразомъ всего дѣйствительно существующаго, которое продолжало бы существовать даже и послѣ того, когда прекратится сознаніе, въ которомъ созерцается этотъ образъ“. Съ такимъ признаніемъ у матеріализма, разумѣется, ускользаетъ изъ-подъ ногъ всякая почва.

Рокитянский (Rokitansky), умершій въ 1878 г., настаивавшій на необходимости строго механической постановки медицинскаго, естественно-научнаго изслѣдованія, пришелъ однако-же къ такому результату: „какъ говорили уже во времена Канта, что съ идеализмомъ спорить нельзя, такъ онъ будетъ продолжать свое существованіе и впредь и чѣмъ больше и дальше будутъ достигать своего развитія физика и фізіологія, тѣмъ болѣе твердыя основанія онъ будетъ имѣть для себя, и притомъ въ тѣхъ именно кругахъ, въ которыхъ производятся матеріалистическія изслѣдованія и которые, повидимому, стремятся подчинить себѣ даже и тѣ области, которыя только насильственно и съ постороннею помощію соединяются до сихъ поръ съ матеріею“ *).

Къ числу такихъ же ученыхъ естествоиспытателей можно, конечно, присоединить и *Вильгельма Вундта*, профессора Лейпцигскаго университета, который въ своемъ сочиненіи „Основныя черты фізіологической психологіи“ (Leipzig, 1880, Band II S. 442—444) представилъ замѣчательную критику матеріализма, изъ которой Штеуде позаимствовалъ, впрочемъ, лишь слѣдующія положенія: „связь духовной жизни съ тѣлесными отправленіями могла бы быть истолковываема матеріалистически только тогда, когда въ этомъ случаѣ психическія явленія могли бы имѣть значеніе тѣлесныхъ, въ смыслѣ причинныхъ отношеній, столь важныхъ для явленій природы. А это было бы только тогда, когда психологическія явленія были бы вещественны по самой своей природѣ.

*] Der selbständige Werth des Wissens. Vortrag. Wien 1869. S. 36. Stende, S. 13

Желая удержатъ свои тезисы, матеріализмъ дѣйствительно утверждаетъ, что эти явленія суть движенія, и для подтвержденія этого положенія ссылается на фізіологическіе процессы въ нервной системѣ, которые слѣдуетъ разсматривать какъ явленія движенія. Тѣмъ не менѣе самыя эти процессы суть все-таки еще не психическія явленія. Поэтому остается только или просто отрицать существованіе послѣднихъ, или признать какой-нибудь основной психическій феноменъ, именно ощущеніе, первоначальнымъ свойствомъ матеріи вообще или по крайней мѣрѣ—организованной матеріи, чтобы потомъ всѣ остальные психическія явленія толковать какъ осложненныя обнаруженія такого основнаго феномена. *Однако этимъ признаніемъ матеріализмъ уже уничтожаетъ свое собственное метафизическое предположеніе...* Въстѣ съ неизбежною для него необходимостію—перемѣнить свою точку зрѣнія обнаруживается теоретическая безсодержательность матеріализма въ совершенной неспособности къ объясненію связи внутренняго опыта, который для него сталъ очевиднымъ... Эта неудача (для матеріализма) происходитъ отъ *непоправимой ошибки въ самой теоріи познанія,—ошибки, которую матеріализмъ допускаетъ уже на первыхъ порахъ при построеніи своей системы.* Онъ не знаетъ, что объекты внѣшняго міра суть представленія, развившіяся въ насъ по психологическимъ законамъ, и что понятіе матеріи прежде всего есть понятіе совершенно гипотетическое, подъ которое мы подводимъ явленія внѣшняго міра, чтобы уяснить себѣ ихъ измѣнчивость“.

Рядомъ съ этимъ философствующимъ естествоиспытателемъ Штеуде ставитъ извѣстнаго естественнаго философа, которому въ исторіи развитія философіи должно принадлежать, пожалуй, мѣсто далеко не послѣднее. Мы говоримъ о недавно умершемъ *Герминъ Лотце*. Какъ извѣстно, этотъ ученый много трудился надъ тѣмъ, чтобы основоположеніямъ *механическаго* міровоззрѣнія проложить путь въ область органической жизни, и работалъ надъ своею задачею съ такимъ усиліемъ и такою энергіею, что матеріалисты долгое время смотрѣли на него даже какъ на своего союзника. Но это было только первое „дѣйствіе“ его жизни; за нимъ скоро послѣдовало дру-

гое, къ которому оно было только подготовленіемъ, именно— посредничество между реализмомъ и идеализмомъ. Въ знаменитомъ своемъ *Микрокосмъ* онъ провель это посредничество съ такою убѣдительною основательностію и съ такою стройностію формы и мышленія, что слѣдуетъ только желать,—говоритъ Штеуде,—чтобы эта книга могла быть тщательно прочитана каждымъ образованнымъ человѣкомъ прежде его рѣшенія въ пользу того или другаго міровоззрѣнія. Что касается въ частности матеріализма и его положеній, то взятое въ цѣломъ все сочиненіе есть не что иное, какъ постепенное, спокойное его опроверженіе. Между прочимъ, Лотце пришелъ къ слѣдующему результату, уничтожающему въ принципѣ все матеріалистическое міровоззрѣніе: „Какъ-бы далеко ни прослѣдили мы проходящаго чрезъ нервы чувственнаго раздраженія, какъ-бы часто мы ни давали ему повода измѣнять свою форму и переходить въ болѣе и болѣе чистыя и тонкія движенія, мы никогда не будемъ въ силахъ доказать, что въ природѣ являющагося такимъ образомъ какого-либо движенія само собою заключается уже то, что движеніе это прекращается, а вмѣсто него появляется ясный свѣтъ, звукъ, сладость вкуса. Между послѣднимъ состояніемъ матеріальныхъ элементовъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло, и между первымъ появленіемъ ощущенія скачокъ всегда остается равно великъ и едвали кто-нибудь будетъ питать суетную надежду, что усовершенствованная наука найдетъ таинственный переходъ тамъ, гдѣ съ очевиднѣйшею ясностію представляется намъ невозможность какого-бы то ни было прочнаго перехода“. Въ другомъ мѣстѣ „Микрокосма“, которое цитруется у Штеуде, Лотце говоритъ: „изъ всѣхъ погрѣшностей человѣческаго духа самую странною мнѣ всегда кажется та, вслѣдствіе которой онъ могъ придти къ сомнѣнію относительно своего собственнаго существа, которымъ онъ одинъ только живетъ непосредственно, или къ представленію себя продуктомъ внѣшней природы, которую мы знаемъ только изъ вторыхъ рукъ, только чрезъ посредствующее знаніе того-же самаго духа, который мы отрицаемъ“ *).

Наконецъ, Штеуде приводитъ нѣсколько выдержекъ и изъ

*; Band 1, S. 165 и 296; у Steude, S. 16.

сочиненій трехъ представителей философствующаго критицизма, не признающихъ за матеріализмомъ никакого положительнаго, научнаго значенія. Такъ *Оттонъ Либманъ* въ своемъ трактатѣ „Объ объективномъ взглядѣ“ (Stuttgart, 1869, S. 142 и слѣд.) разсуждаетъ о матеріализмѣ слѣдующимъ образомъ: „Итакъ, „философія“ новѣйшаго химическаго матеріализма, господъ Фохта и его товарищей, которая, въ сравненіи съ механическимъ, автоматически созданнымъ матеріализмомъ прошлаго столѣтія, вновь много думаетъ о себѣ,—есть крайне дѣтское міровоззрѣніе. Здѣсь мы быстро порѣшили-бы съ тою великою загадкою, о которую поломали себѣ зубы лучшія силы всѣхъ столѣтій! Что такое эти частію ничего не говорящія, частію безсмысленныя, частію выкраденныя у древнихъ писателей фразы, какъ— „безъ фосфора нѣтъ мысли“ (что значитъ почти тоже, какъ— „безъ сѣрпой спички нѣтъ свѣта“), или „дѣятельность мозга есть дѣятельность духа“ (что въ частности было-бы тоже, что формула „А=не—А“)... Болтовнею такого рода опеломляютъ игнорантовъ и людей способныхъ къ мысленію, конфузятъ благомыслящихъ обскурантовъ, а пристрастныхъ фанатиковъ всегда доводятъ до бѣшеной и пенстовой полемики.... Эта новенькая мудрость, предложенная намъ указанными господами, есть *химическій* матеріализмъ, а философія болѣе способныхъ энциклопедистовъ—*механический*. Галилеемъ, Ньютономъ, Эйлеромъ, Д'Аламбертомъ создапа была тогда механика,—и вотъ все также должно было стать *механическою* работою: *Plus vite machine*. Затѣмъ Лавуазье, Берцеліусъ и др. создали химию,—и вотъ жизнь является *процессомъ окисленія*, а разсудокъ и мысленіе не что иное, какъ оборотъ матеріи въ мозговой субстанціи. Такого рода *материалистическіе осадки* будутъ повторяться еще много разъ. Но со всѣми ими уже напередъ покончено „Критикою чистаго разума“: они стоятъ ниже критики“.

Ф. А. Ланге въ своей „Исторіи матеріализма“ основательно указываетъ слабыя стороны матеріализма также, въ сущности, на основаніи философіи Канта. Такъ онъ говоритъ въ ней: „Вещь сама въ себѣ не есть вещь для меня; но я могу, быть можетъ, даже съ намѣреніемъ эту послѣднюю поставить

на ся мѣсто, какъ, напримѣръ, свое понятіе холода и тепла я ставлю на мѣсто состоянія температуры тѣлъ. Оба эти явленія старый матеріализмъ съ полною наивностію признавалъ тождественными. Но это совершенно невозможнымъ сдѣлала теперь Кантовская философія“. Въ другомъ мѣстѣ: „теперь, конечно, болѣе уже нельзя защищать матеріализма какого-бы то ни было рода; ибо если наше изслѣдованіе, основывающееся на чувственномъ возрѣніи, неизбѣжно должно придти къ тому, чтобы для каждаго духовнаго возбужденія указывать соотвѣтствующее явленіе въ матеріи, то самая эта матерія вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что изъ нея образовано, есть все-таки только абстрація нашихъ образныхъ представленій. Споръ между тѣломъ и духомъ рѣшается въ пользу послѣдняго и этимъ обезпечивается истинное разумѣніе существующаго“ *).

Наконецъ, *Фрицъ Шулице*, профессоръ высшей Дрезденской технической школы, въ своемъ трудѣ „Философія естественныхъ наукъ“ поставившій своею цѣлію вполне соотвѣтствующую времени задачу—„привести къ мирному соглашенію великія противоположности нашего времени: религію, естествознаніе и философію—на критическихъ основоположеніяхъ“, въ другой своей статьѣ—„Основныя мысли матеріализма и ихъ критика“ (Leipzig, 1881 г.), также представилъ основательный критическій разборъ матеріализма, интересный въ особенности тѣмъ, что онъ приходитъ къ необходимости—разъединить *дарвинизмъ* и матеріализмъ и у представителей послѣдняго отыскаетъ удобное средство—прикрывать свои гипотезы этою естественно-научною теоріею. Изъ указанной статьи Штеуде приводитъ слѣдующее мѣсто: „Гдѣ-же послѣ этого заключеніе матеріализма отъ воспринимаемыхъ и познаваемыхъ матеріально-недуховныхъ вещей къ матеріально-недуховному основному принципу? Ни одинъ матеріалистъ не познаетъ вещей самихъ въ себѣ, въ своемъ опытѣ онъ имѣетъ только духовныя представленія. Такимъ образомъ въ его выводѣ посылки пѣтъ, а вмѣстѣ съ этимъ матеріализмъ въ смыслъ самаго строгаго эмпиризма является только ослабленнымъ догматизмомъ“.

Этимъ у Штеуде оканчиваются выдержки изъ сочиненій по-

*) S. 310 в 499; Steude. S. 17.

вѣйшихъ ученыхъ естествоиспытателей и критическихъ философовъ, такъ презрительно отвернувшись отъ матеріалистической „премудрости“. Выдержки эти представляютъ очевидный интересъ, и мы можемъ отвести къ Штеуде только съ благодарностію за трудъ, употребленный на собраніе ихъ. Едва-ли кто можетъ отвергать справедливость сказаннаго М. Мюллеромъ: „въ наше время вѣра у людей не есть вѣра въ Бога и истину, но есть вѣра въ вѣру другихъ“. Впрочемъ выдержки, приведенныя у Штеуде, для насъ имѣютъ болѣе чѣмъ значеніе вѣйнаго авторитета. Опѣ 1) подтверждаютъ фактъ новаго, болѣе отраднаго поворота философствующей мысли на Западѣ, а 2) имѣютъ важное значеніе въ дѣлѣ болѣе вѣрвой, безпристрастной и всесторонней оцѣнки какого-бы то ни было матеріалистическаго міровоззрѣнія. Мы вполне согласны съ Штеуде во взглядѣ на то значеніе, которое принадлежитъ сдѣланнымъ имъ выдержкамъ изъ сочиненій авторитетовъ научнаго естествознанія. Дѣйствительно, если сами защитники матеріализма любятъ ссылаться и постоянно ссылаются на авторитетъ науки, если вслѣдствіе этого между образованными и даже массою полубразованныхъ людей широко распространилось мнѣніе, что догматы матеріализма находятъ для себя въ наукѣ полное оправданіе, и если именно это мнѣніе многихъ и приводитъ къ вѣрѣ въ матеріалистическіе догматы, то не только позволительно, но даже и совершенно необходимо спросить, съ другой стороны, и представителей той науки, на которую матеріалисты думаютъ опереться, —какого-то они мнѣнія о самомъ матеріализмѣ?

Содержаніе полученнаго отвѣта мы знаемъ. Но даже и всеобщимъ осужденіемъ матеріализма еще не достигается заключеніе мира между знаніемъ и вѣрою; имъ лишь начинается проясняться путь къ нему. Противники матеріализма изъ числа представителей естествознанія и философіи еще не могутъ быть непремѣнно и въ тоже время друзьями вѣры, хотя иногда дѣйствительно бываетъ, что вражда къ матеріализму приводитъ къ дружбѣ съ христіанскою вѣрою. Путь къ примиренію между знаніемъ и вѣрою проложенъ здѣсь собственно уничтоженіемъ главнаго противника, съ которымъ для

религіозной вѣры миръ былъ просто невозможенъ. Пока положительная наука была матеріалистическою, а матеріализмъ пользовался научнымъ значеніемъ, до тѣхъ поръ должна была существовать и вражда между знаніемъ и вѣрою. Но роковая необходимость эта исчезла съ тѣхъ поръ, какъ наука отеклась отъ матеріализма и уничтожила область натурфилософскаго догматизма; явилась возможность мирнаго соглашенія, а чрезъ это долженъ уже непремѣнно рушиться и тотъ предразсудокъ многихъ людей вѣрующихъ, по которому положительная наука, какъ таковая, должна быть непремѣнно иррелигіозною и атеистическою.

Но кромѣ этого необходимо разрушить, какъ мы сказали уже въ свое время, еще два общественныхъ предразсудка, изъ которыхъ первый состоитъ въ томъ ложномъ убѣжденіи, что знаніе возможно безъ вѣры и что знаніе, приобрѣтенное безъ вѣры, стоитъ выше вѣры и знанія, соединеннаго съ вѣрою. Для разрушенія этого предразсудка Штеуде исходитъ изъ самаго понятія вѣры вообще. *Вѣровать*, говоритъ онъ, значитъ— *быть увѣреннымъ въ невидимомъ*. Такое опредѣленіе вѣры должно быть признано совершенно правильнымъ; такъ опредѣлялъ вѣру Ап. Павелъ (Евр. XI, 1), такое-же опредѣленіе вѣры дано и митрополитомъ Филаретомъ, по которому вѣра есть „увѣренность въ невидимомъ, какъ-бы въ видимомъ, въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ-бы въ настоящемъ“. Сущность вѣры и ея характеръ, какъ и самое ея опредѣленіе, всегда остаются одни и тѣ-же. Будетъ-ли предметомъ вѣры или „невидимымъ“, къ которому относится вѣра и съ которымъ только она и имѣетъ дѣло, нѣчто матеріальное или духовное; будетъ-ли оно такимъ, которое еще не подлежитъ нашему познанію, но въ будущемъ можетъ быть объектомъ человѣческаго знанія, или-же такимъ, которое по своей природѣ навсегда останется для людей только предметомъ вѣры,—это рѣшительно все равно: вѣра остается вѣрой. Но признаніе невидимаго непремѣнно должно находиться въ неразрывной связи съ увѣренностію, вслѣдствіе чего увѣренность не можетъ быть отдѣляема отъ вѣры,—въ противномъ случаѣ вѣра должна перейти только въ простое *мнѣніе*. Отсюда истинная вѣра не

можетъ быть мыслима безъ истиннаго *убѣжденія*. Такое убѣжденіе можетъ быть непосредственнымъ или посредственнымъ; оно можетъ быть даннымъ въ духѣ человѣка и притомъ вмѣстѣ съ его бытіемъ, или-же совершающимся въ извѣстный моментъ его существованія, но съ другой стороны оно можетъ быть обусловливаемо и постепенно развиваемо чрезъ внѣшнее вліяніе (примѣръ, увѣщаніе) или чрезъ размышленіе (умозаключеніе). Будь намъ предоставленъ выборъ, говоритъ Штеуде, и говоритъ совершенно справедливо,—мы съ особенною любовію выскажемся всегда за непосредственное убѣжденіе. Впрочемъ, какъ-бы то ни было, дѣлается-ли это произвольно или непроизвольно, по большею частію обыкновенно бываетъ такъ, что мы вѣруемъ только въ то данное отъ насъ, что согласно съ нашимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, или по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ ему. И если мы достигаемъ до увѣренности въ невидимомъ чрезъ рядъ умозаключеній, то эта послѣдняя увѣренность вовсе не имѣетъ права на преимущество предъ непосредственною вѣрою, хотя съ другой стороны человѣкъ поступаетъ совершенно благоразумно, когда содержаніе своей вѣры сравниваетъ съ вѣрою другихъ людей и чрезъ то гарантируетъ свою вѣру отъ субъективнаго произвола. Этимъ, впрочемъ, вовсе не требуется, чтобы вѣра стремилась къ переходу въ знаніе, или чтобы наше убѣжденіе находилось въ полной зависимости отъ мнѣнія другихъ людей...

Съ такимъ понятіемъ о вѣрѣ Штеуде приступаетъ къ раскрытію ея значенія для науки и самой жизни человѣческой. Въ чемъ-же состоитъ это значеніе?

Вѣру въ смыслѣ увѣренности въ невидимомъ имѣетъ и долженъ имѣть каждый человѣкъ; такую вѣру непременно должно предполагать и знаніе и притомъ—въ размѣрахъ довольно обширныхъ. Каждый человѣкъ долженъ имѣть вѣру въ другаго человѣка, потому что безъ этого онъ никогда не будетъ въ состояніи вполне познать настроеніе и кругъ мыслей другихъ людей. Неизвѣстный, невидимый остатокъ никогда не будетъ исчерпанъ и всегда будетъ существовать и всегда дѣйствительно существуетъ. Даже тѣ, которыхъ мы знаемъ за самыхъ лучшихъ людей, часто требуютъ отъ насъ наибольшей вѣры,

большаго и безусловнаго довѣрія. Достоувѣрность этой вѣры, безъ которой совершенно не мыслима социальная жизнь, сколько-нибудь удовлетворительное и мирное сожителство людей въ семействѣ, обществѣ и государствѣ, въ дружествѣ и служебныхъ отношеніяхъ,—гдѣ она имѣетъ свою основу, откуда она заимствуетъ свое питаніе? Не всегда изъ пережитаго уже опыта, но, какъ извѣстно каждому, часто изъ непосредственнаго впечатлѣнія, производимаго однимъ лицомъ на другое при первой встрѣчѣ. И если это довѣріе *приобрѣтается* даже продолжительнымъ опытомъ, то чрезъ то оно все-таки не становится болѣе *точнымъ*, ибо оно можетъ основываться на опытѣ лишь настолько, насколько съ нимъ соединяется увѣренная *надежда*, что человекъ, ставшій такимъ довѣреннымъ лицомъ и другомъ, не перемѣнится въ будущемъ, что и будущій опытъ будетъ сходенъ въ этомъ отношеніи съ прошедшимъ и настоящимъ.

Нельзя не согласиться съ Штеуде, что въ такой вѣрѣ не можетъ не нуждаться даже и самая точная наука. Вотъ основанія, которыя приводитъ Штеуде для подтвержденія своего мнѣнія. Естественна-научный изслѣдователь производитъ эксперименты и наблюдаетъ происходящее въ природѣ. На этомъ наблюденіи и экспериментахъ онъ основываетъ всеобщіе законы природы, которые онъ долженъ считать и дѣйствительно считаетъ постоянными и неизмѣнными; иначе это, конечно, не были бы тѣ законы, которые должны имѣть постоянное значеніе и примѣненіе ко всякому будущему. Нѣтъ никакой надобности здѣсь доказывать, что даже по существу самаго дѣла число такихъ экспериментовъ и наблюденій въ сравненіи со всѣмъ происходящимъ въ природѣ можетъ быть только весьма *ограниченнымъ*, но необходимо поставить вопросъ: на чемъ въ сущности изслѣдователь основываетъ свой законъ, претендующій на исключительное безусловное значеніе?—Нельзя сказать, что только на значительномъ сравнительно числѣ своихъ и чужихъ, скоропреходящихъ наблюденій,—ибо иначе онъ не могъ бы никогда указать ни одного закона, но могъ бы сказать только: въ этихъ и другихъ, въ столь многихъ или не многихъ случаяхъ я наблюдалъ такъ-то и нашелъ то или дру-

рое явленіе; тотъ или другой законъ естествоиспытатель основываетъ *прежде всего и всецѣло въ особенностяхъ на своемъ убѣжденіи, что жизнь природы и на будущее время останется точно тою же самою, какою она была въ прошедшемъ, которое было подвергнуто наблюденію, и настоящимъ.* Это называется вѣрою въ постоянство теченія природы, и вѣрою должно быть называемо, такъ какъ оно не есть знаніе и такъ какъ убѣжденіе въ постоянствѣ природы основывается здѣсь на томъ, чего не видѣлъ и не испыталъ ни одинъ человѣкъ. Отымите эту вѣру у изслѣдователя, вырвите ее изъ науки,— что случилось бы съ изслѣдованіемъ, къ чему пришла бы наука? Она не можетъ быть безъ законовъ и потому должна приписывать весьма важное значеніе неизмѣняемости и законосообразному порядку теченія природы. Ея упорная борьба съ тѣми, которые допускаютъ возможность измѣненія и произвольнаго нарушенія этого порядка и которые вообще оспариваютъ этотъ порядокъ, есть борьба за существованіе ея, какъ науки. Безъ вѣры, соединенной съ величайшею увѣренностію, наука обратилась бы въ простое описаніе природы и повѣствованіе о жизни природы въ прошедшемъ.

Такимъ образомъ, если даже та наука, которая вращается въ самыхъ узкихъ предѣлахъ и подчиняетъ своему изслѣдованію только ту область, которая существуетъ лишь въ данный моментъ и можетъ быть воспринимаема чувствами, не можетъ обойтись безъ вѣры, то тѣмъ болѣе будетъ нуждаться въ такой вѣрѣ или будетъ идти по пути еще непознанному та наука, которая переступаетъ эти предѣлы. „Теперешній естествоиспытатель даетъ объясненія, отыскивая причины, предшествовавшія явленію; чувственно воспринимаемыя причины онъ называетъ условіями, причины же, не воспринимаемыя посредствомъ чувствъ, онъ называетъ силами“. „Если причины явленія неизвѣстны или неизслѣдованы, то естествоиспытатель оставляетъ вопросъ *открытымъ*. Когда онъ находитъ желѣзо въ крови, известъ въ костяхъ животныхъ, не зная, какъ они здѣсь явились, то онъ не говоритъ, что они произведены процессомъ жизни; когда онъ не можетъ доказать первоисточника микроскопическихъ животныхъ, изъ котораго они

происходятъ, то онъ не говоритъ, что они произошли сами собою; если въ запертой комнатѣ онъ находитъ какія-нибудь личности мертвыми и сожженными и не можетъ доказать, какъ случилось это, то онъ не говоритъ, что они сожглись сами собою. Такого рода умозаключенія или объясненія онъ считаетъ самообманомъ или укрывательствомъ невѣдѣнія, такъ какъ *объяснять* значитъ *дѣлать яснымъ*, для чего нужны свѣтъ и разумѣніе, и такъ какъ на полнѣйшемъ незнакомствѣ съ событіемъ не можетъ быть основано объясненіе этого событія". Такъ говоритъ общепризнанный авторитетъ въ области естествознанія, *Ю. фонъ-Либихъ* (S. 17 и 18, у Steude, S. 23). Но отъ такого самоограничивающагося пониманія существенно отличны приемы натурфилософіи матеріализма и другихъ направленій. Они не знаютъ такого самоограниченія, а потому оставляютъ обыкновенно твердую почву науки и возвращаются только въ области вѣры, часто даже въ такихъ размѣрахъ, въ которыхъ нѣтъ мѣста ни для познанія, ни для науки и въ которыхъ господствуетъ лишь спекуляція и измышленіе, вѣра и требованіе вѣры въ то, во что вѣруетъ эта вѣра.

Намъ расхваливаютъ *дарвинизмъ*, говоритъ Штеуде, называютъ его единственно возможнымъ объясненіемъ общаго развитія растений и животныхъ; говорятъ, что лучше этого объясненія и быть не можетъ и что данныя, подтверждающія его истинность, увеличиваются ежедневно. Штеуде не беретъ на себя задачи провѣрять эти данныя; онъ предоставляетъ ученымъ специалистамъ-естествоиспытателямъ произвести эту провѣрку, предлагая вниманію своихъ читателей только достигнутые уже ими результаты. Что же обазывается?—Оказывается, что многіе изъ такихъ специалистовъ-естествоиспытателей энергически протестуютъ противъ дальнѣйшихъ выводовъ, какіе дѣлаются на основаніи этой естественно-научной гипотезы и какіе уже сдѣланы, напр., *Геккелемъ* относительно происхожденія человѣка отъ обезьяны и другихъ пунктовъ. Къ такимъ ученымъ специалистамъ слѣдуетъ причислить *Гиса*, *Гётте*, *Землера*, *Клауса*, *Морина Вагнера* и др. Даже Карлъ *Фогтъ* въ своей статьѣ о „состояніи и задачахъ теперешней палеонтологіи“ (въ *Unsere Zeit*, 1880, 1) работу Геккеля назы-

ваетъ „воздушнымъ замкомъ, фантастическимъ, преждевременнымъ, скопированнымъ съ древней натурофилософiи“, — которыми Геккель положительно затмилъ свою великую заслугу для науки. На *собранiи нѣмецкихъ антропологовъ*, бывшемъ въ Берлинѣ въ августѣ 1880 года, единодушно было поддерживаемо мировоззрѣнiе, совершенно неблагопрiятное для грубаго материализма, а особенно, для Геккелевской фантази о происхожденiи челоуѣка отъ обезьяны. *Вирховъ* настоятельно указывалъ на то, что въ такихъ вопросахъ, какъ „обезьяничiй вопросъ“ („*Affenfrage*“), антропология должна занимать *нейтральное* положенiе. Профессоръ *Ранке* подвергъ рѣзкому порицанiю „поспѣшную популяризацию естественно-научныхъ результатовъ, которая, въ угоду одностороннимъ цѣлямъ партiи и чрезъ злоупотребленiе уважаемымъ всѣми серьезными изслѣдователями именемъ (Дарвина) стремится обратить объективную истину въ догматическую каррикатуру“, при чемъ имѣлъ въ виду столько же ученiе о происхожденiи челоуѣка отъ обезьяны, сколько и благопрiятствовавшiе ему результаты анатомическихъ изслѣдованiй *Бишофа*, патологическихъ *Вирхова*, филологическихъ и этнографическихъ *Нахтигала* и другихъ. Когда англiйскiй изслѣдователь *Гексли* въ одной своей популярной лекцiи дерзнулъ высказать смѣлое предположенiе, что „развитiе организмовъ въ Дарвиновскомъ смыслѣ уже не есть болѣе простая гипотеза, по фактъ доказанный“, — онъ тотчасъ встрѣтилъ самый энергическiй протестъ и опроверженiе со стороны не менѣе его извѣстныхъ ученыхъ спеціалистовъ-естествоиспытателей, которые указали ему частiю на общепризнанную уже въ Англiи негодность и научную несостоятельность основной мысли Дарвиновской теорiи, принципа естественнаго подбора, частiю на несогласiе съ ея положенiями палеонтологическихъ фактовъ *). — Понятно послѣ этого то чувство благороднаго негодованiя, съ которыми Штеуде говоритъ о „поспѣшной популяризаци“ естественнонаучныхъ выводовъ. Дѣйствительно, трудно воздержаться отъ негодованiя, когда на основанiи такихъ скороспѣлыхъ, непризнанныхъ и недоказанныхъ гипотезъ уже предлагаютъ народу въ популярномъ изложении естественную „исторiю творенiя“, — когда въ

*) Ср. „*Beweis des Glaubens*“, июль и октябрь 1880; у Steude, стр. 24.

журналахъ, наполняемыхъ статьями по естествознанію и убѣждающихъ пародную массу смотрѣть на матеріализмъ и дарвинизмъ какъ на знанія, не подлежащія опроверженію, противниковъ этихъ воззрѣній съ насмѣшкою и поруганіемъ называютъ людьми тупоголовыми, когда въ народѣ распространяютъ мнѣніе, что вѣра въ Творца признана ложною естественнонаучнымъ изслѣдованіемъ, или когда происхожденіе человѣка отъ обезьяны выдаютъ за неотрицаемую истину. Въ противоположность этому грязному теченію, говоритъ Штеуде *), каждый, любящій истину, науку и свой народъ, обязанъ указывать на совершенную *гипотетичность* всей этой теоріи и съ настойчивостію объяснять, что если ложно выдавать эти гипотезы за доказанный фактъ, то вдвойнѣ ложно, на основаніи этихъ-же самыхъ гипотезъ, стремиться къ замѣнѣ христіанской вѣры другою, естественно-научною вѣрою. Даже еслибы противъ всей этой теоріи о развитіи міра не было дѣлаемо столь энергическаго протеста со стороны всѣхъ лучшихъ представителей естествознанія, то и тогда она не могла бы имѣть значенія *положительной* науки во всемъ своемъ объемѣ, такъ какъ весьма многое невидимое и неизвѣстное она принимаетъ только на вѣру. Она охватываетъ столь громадный періодъ времени, что для него никогда не возможно указать научнаго предѣла и ограниченія; она должна признавать, что какъ-то и когда-то органическое произошло изъ неорганическаго,—положеніе, которое до сихъ поръ еще не можетъ быть научно доказано, а совершенно противное ему, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, стало въ высшей степени вѣроятнымъ; она должна *вѣрвать* въ существовавшее нѣкогда количество различныхъ посредствующихъ членовъ, отъ которыхъ однако же до сихъ поръ нельзя было отыскать положительно никакихъ слѣдовъ...

Ни чуть не лучшею представляется также и *атомистическая теорія*, т. е. взглядъ, по которому весь міръ, какимъ онъ является предъ нами, вокругъ, выше и ниже насъ, во всемъ своемъ величественномъ разнообразіи,—солнце, согрѣвающее и освѣщающее насъ, снѣжные цвѣты, покрывающіе зем-

*) Стр. 25.

лю, каждое животное и даже тѣло человѣка состоитъ изъ маленькихъ, недѣлимыхъ частицъ, называемыхъ физическими атомами. Само собою разумѣется, говоритъ Штеуде, что противъ такого ученія, когда оно не выходитъ изъ указанныхъ предѣловъ, христіанская вѣра также мало высказываетъ сомнѣнія, какъ и противъ *естественно-научнаго* дарвинизма, когда онъ, не касаясь другихъ метафизическихъ проблемъ, старается разрѣшить только одну проблему, — отъ вѣчности-ли, или — точнѣе сказать — отъ начала-ли творенія была такою, какъ теперь, полнота различныхъ видовъ и формъ растительнаго и животнаго царства, или же она стала такою только постепенно. Ни доказанная правильность атомистическаго ученія, ни рѣшеніе только-что упомянутой проблемы еще не могутъ непосредственно и безповоротно служить опорой для атеизма. Но всякій мыслящій человѣкъ необходимо долженъ согласиться съ тѣмъ, что для атомистики, такъ тѣсно ограниченной, необходимъ и всегда свойственъ моментъ вѣры, потому что еще никто никогда собственнымъ чувствомъ не *воспринималъ* ни одного такого атома. Мы образуемъ понятіе о сущности атома только изъ нашего субъективнаго опыта, т. е. изъ того, какъ сообразно съ своею человѣческою организаціею мы воспринимаемъ, раздѣляемъ и т. д. внѣшнія вещи. Судя по теперешнему состоянію естественно-научнаго изслѣдованія, можно думать, что атомистическое ученіе испытаетъ ту же участь, что и гипотеза, по которой все органическое постепенно развилось изъ неорганическаго. Въ настоящее время, какъ признается уже болѣе вѣроятнымъ и съ полною рѣшительностію поддерживается различными изслѣдователями мнѣніе, что не только органическое не есть продуктъ неорганическаго, но само неорганическое есть эсорганическое, т. е. превращеніе органическаго вещества въ неорганическую матерію, такъ становится весьма замѣтнымъ уже и движеніе отъ атомистики къ такъ называемому *динамизму*, принимающему свою исходную точку не отъ атомовъ, которые, по своему понятію, несвободны отъ логическихъ противорѣчій, какъ ни чувственно не воспринимаемыя, ни умственно не представляемыя величины, но отъ единства силъ, — съ чѣмъ опытъ сходится уже нѣсколько ближе.

Такимъ образомъ, ни естественныя науки въ тѣспомъ смыслѣ, ни естественно-научныя теоріи и гипотезы не чужды такихъ данныхъ, которыхъ не знаетъ опытъ, которыя не могутъ быть воспринимаемы нашими чувствами и которыя всецѣло принадлежатъ только къ области вѣры, какъ увѣренности въ непознаваемомъ внѣшними чувствами, или невидимомъ. Поэтому Штеуде былъ совершенно правъ, дѣлая изъ сказаннаго выводъ, по которому, при безпристрастномъ изслѣдованіи, мы непремѣнно должны придти къ заключенію, что вѣра съ своимъ увѣреннымъ признаніемъ невидимаго является самымъ существеннымъ факторомъ какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни. Совершенно устранить ее, или даже только не пользоваться ею — невозможно; невозможно по крайней мѣрѣ для *человѣка*. Чтобы обойтись безъ вѣры, чтобы все только *знать* въ строгомъ смыслѣ этого слова, для этого человѣку необходимо быть вѣчнымъ, вездѣсущимъ, всевѣдущимъ.

Противъ такого вывода, конечно, всегда возможны возраженія. Могутъ сказать прежде всего, что такого званія, о какомъ говоритъ Штеуде, никто никогда и не искалъ, такъ какъ такое абсолютное знаніе для человѣка невозможно, но что, не смотря на это, и относительное человѣческое знаніе, основывающееся на опытѣ или достигаемое при посредствѣ логическихъ умозаключеній относительно истинъ, находящихся внѣ чувственнаго опыта, все-таки довольно удовлетворительно и оказывается достаточнымъ для того, чтобы поставить человѣка на собственныя ноги и чтобы вѣра была для него ненужною, чтобы онъ могъ обойтись безъ спекулятивной и религіозной вѣры, безъ Бога; чтобы онъ довольствовался міромъ, каковъ онъ для него есть, и насколько онъ могъ его изслѣдовать и познать путемъ опыта, а не путемъ религіозной вѣры.

Самъ Штеуде предвидѣлъ возможность такого возраженія и потому предупредилъ его слѣдующими соображеніями. По его мнѣнію, съ которымъ долженъ согласиться всякій, подобная скромность и самоотреченіе не всегда возможны. Знаніе человѣческое здѣсь ограничивается въ высшей степени, если только не уничтожается совсѣмъ. Нужно имѣть въ виду, что уже не только флософами, но въ послѣднее время даже и есте-

ствонспытателями признапо и вполне ясно, до очевидности, доказано, что все то, что человекъ воспринимаетъ, представляетъ, мыслить на основаніи воспринятаго, само по себѣ имѣеть *субъективный* характеръ и почти нѣтъ возможности доказать, что ему вполне соответствуетъ внѣшній міръ. Изученіе области нашего опыта съ помощію физиологій, физики и критической философіи показываетъ, что все содержаніе его составляютъ только *представленія* нашего духа. Да и самаго простаго соображенія достаточно для того, чтобы видѣть, что внѣшняя вещь не можетъ входить въ нашъ духъ вмѣстѣ со всею своею сущностію и содержаніемъ, но, насколько мы познаемъ ее, въ насъ самихъ она можетъ быть только духовнымъ представленіемъ. Трудно доказать, что эти духовныя представленія объ окружающихъ насъ вещахъ вполне совпадаютъ съ этими вещами и соответствуютъ имъ, какъ не возможно доказать, что дерево, которое я воспринимаю, дѣйствительно таково и само по себѣ, какимъ я его воспринимаю и представляю себѣ. Все это воспріятіе и представленіе въ весьма значительной степени находится въ связи съ многими такими, или иными человѣческими свойствами, и потому нѣтъ никакого сомнѣнія, что существо, одаренное иными свойствами, чѣмъ я, будетъ воспринимать и представлять это дерево и инымъ образомъ. Только вслѣдствіе того, что абсолютное большинство людей имѣеть одинаковую организацію, становится яснымъ, какимъ образомъ они имѣють согласныя представленія о внѣшнихъ вещахъ, ихъ окружающихъ, включительно до собственного тѣла. Это, конечно, еще не можетъ служить основательнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы становиться въ ряды послѣдователей идеализма, который понимаетъ весь внѣшній міръ только какъ произведеніе или субъективное представленіе одного духа человеческого и подвергаетъ полному сомнѣнію его объективную реальность. Результатъ, достигнутый Штеуде, состоитъ только въ слѣдующемъ: утверждать, какъ дѣлаетъ это матеріализмъ, что міръ, какимъ мы его воспринимаемъ и представляемъ, какимъ онъ намъ *является* въ силу нашей человѣческой организаціи, вполне и всецѣло совпадаетъ съ міромъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ и самъ въ себѣ,—утверждать это

сдѣлаво совершенно невозможнымъ изслѣдованіями фізіологіи и фізики, потому что всякое наше воспріятіе, всякое наше представленіе носитъ *субъективный* характеръ. Каждому понятно, какъ сильно суживается этимъ *область человеческого знанія* и какому сомнѣнію подвергается вмѣстѣ самое *содержаніе* нашего знанія. Ибо, что мы можемъ послѣ этого знать, а тѣмъ болѣе еще утверждать, выдавать за несомнѣнную истину? *О вещахъ въ самихъ себѣ*, о мірѣ, каковъ онъ есть самъ по себѣ, мы имѣемъ не знаніе, а только субъективныя представленія и извѣстныя воздѣйствія этихъ вещей на нашъ духъ, которыя даютъ ему поводъ къ измѣненію своего состоянія. *Чувства*, которыми мы такъ гордимся и которымъ однимъ мы хотѣли-бы довѣрять, не только часто обманываютъ насъ, но и никогда вообще не доставляютъ намъ объективной истины. Бессильнымъ оказывается въ этомъ и разумъ; самъ по себѣ онъ совѣтникъ и путеводитель не надежный. Послѣ этого можно-ли довольствоваться тѣмъ, что сообщаютъ намъ чувства и разумъ? Каждый можетъ поступать, говорить Штеуде, какъ ему угодно и какъ онъ можетъ; только пусть не утверждаетъ онъ, что обладаетъ объективною, неопровержимою истиною; пусть онъ не превозносится высокимъ пониманіемъ и вѣрнымъ, вполне точнымъ познаніемъ вещей и жизни природы; наконецъ, пусть онъ, если угодно, дѣлаетъ и это, но пусть не соблазняетъ другихъ, когда они не хотятъ вращаться въ столь узкихъ границахъ, но слѣдуя свойственному человѣку побужденію, заявившему себя могучею движущею силою въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій какъ въ жизни народовъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, слѣдуя побужденію возвыситься надъ тѣмъ, что даютъ намъ чувства, и спросить о началѣ, цѣляхъ и пониманіи вещей,—обращаются къ умозрѣнію, и когда они, не получая удовлетворительнаго отвѣта отъ науки, охотнѣе обращаются къ *откровенію* религіи, чѣмъ къ догматамъ невѣрія.

Теорія естественнаго развитія вселенной, опираясь на законы, открытыя въ жизни природы, и однообразіе, замѣчаемое до сихъ поръ въ этой жизни, какъ къ послѣднему основанію сводитъ все къ *туманному хаосу*. Все должно было произойти изъ этого *первотумана*. На этомъ наука и останавливается.

Но откуда взялся самый этотъ первотуманъ? чрезъ что? чрезъ кого?—На эти вопросы она не отвѣчаетъ, да и не можетъ отвѣчать. Но вопросы эти всегда будутъ занимать мыслящаго человѣка, они никогда не будутъ давать ему покоя. Механически-атомистическое міровоззрѣніе всѣ измѣненія въ физическомъ мірѣ сводитъ къ постоянно остающейся равной себѣ суммѣ силъ и матеріи. Но здѣсь также не дается никакого отвѣта на вопросъ: откуда эта сумма? Мы прекрасно знаемъ безъ науки, что все происходящее должно относить къ поводу и силѣ и что въ безконечномъ теченіи природы все безъ исключенія совершается въ строгой, необходимой и непрерывной послѣдовательности. Но предъ *первымъ* поводомъ къ смѣшенію матеріи и силы мы все-таки будемъ стоять съ неразрѣшимымъ вопросомъ: откуда явился этотъ первый поводъ? Данъ ли онъ случаемъ или высочайшею мудростію? Если *первый* поводъ, т. е. самый важнѣйшій, обуславливающий все позднѣйшее, данъ простымъ случаемъ, то какъ это нужно представлять себѣ? откуда вышло первое движеніе, первоначальный толчекъ? Какъ понимать разумность обнаруженія жизни природы, къ которой, даже и по этому воззрѣнію, принадлежитъ мышленіе и дѣятельность человѣка? Вся необходимая связь происходящаго въ природѣ не существовала-ли уже съ самаго начала? А если такъ, то вся эта непрерывная связь явленій природы не вполне-ли похожа на зданіе, которое бы стояло безъ всякаго фундамента?

Эти и подобные вопросы, говоритъ Штеуде, не можетъ пройти молчаніемъ та наука, которая при помощи логическихъ выводовъ и умозаключеній стремится дойти до самаго отдаленнаго, первоначальнаго времени; и она должна сознаться, что ей не по силамъ всему дать объясненіе. На какомъ-же основаніи она можетъ считать себя въ правѣ враждебно относиться къ вѣрѣ, предлагающей на эти вопросы послѣдній отвѣтъ? Можетъ-ли она быть враждебною къ той вѣрѣ, которая, не касаясь или не подчиняя себѣ великой области самой науки, господствуетъ только тамъ, гдѣ наука оказывается бессильною? Она не можетъ и не будетъ враждовать съ вѣрою, когда она сама будетъ вращаться только въ своихъ собствен-

ныхъ предѣлахъ и не станеть браться за рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые выходятъ за границы ея компетентности.

Итакъ, вѣрность вывода или заключенія, къ которому пришелъ Штеуде, не подлежитъ никакому сомнѣнію: знаніе человѣка никогда и нигдѣ не можетъ обойтись, и никогда дѣйствительно не обходится безъ помощи вѣры; на вѣрѣ оно основывается, отъ вѣры же оно получаетъ существенную поддержку и при дальнѣйшемъ, постоянномъ развитіи или усовершенствованіи. Вѣра эта проявляется въ трехъ видахъ: 1) вѣра въ будущую законосообразность жизни природы, 2) вѣра въ законообразное и разумное дальнѣйшее развитіе человѣческаго познанія и 3) вѣра въ согласіе человѣческаго познанія съ дѣйствительною жизнію. Эти виды вѣры въ сущности принадлежатъ уже къ непосредственнымъ моментамъ и вѣры *религіозной*. Такъ, первый видъ вѣры—въ законосообразность теченія природы—для человѣка разумнаго и безпристрастнаго уже самъ по себѣ можетъ образовать самый естественный переходъ къ религіозной вѣрѣ въ Бога, Который все устроилъ мудро и законообразно и Который Самъ есть Богъ порядка; второй видъ указанной—вѣры въ законообразное дальнѣйшее развитіе человѣческаго познанія, которое однакоже никогда не въ силахъ переступить извѣстные предѣлы, также можетъ вести къ вѣрѣ религіозной, къ вѣрѣ въ то, что въ другомъ мірѣ для людей иначе организованныхъ возможно будетъ и полное познаніе, созерцаніе истины лицомъ къ лицу; наконецъ, и третій видъ вѣры—въ согласіе человѣческаго познанія съ дѣйствительнымъ состояніемъ природы также легко, при нашемъ безпристрастіи, можетъ пролагать намъ путь къ религіозной вѣрѣ въ Бога, создавшаго и духъ и внѣшнюю природу и поставившаго ихъ въ извѣстную связь между собою. Сознаніе же, къ которому не можетъ не присоединиться истинная и честная наука,—что человѣческое знаніе отрывочно и неполно и таковымъ должно оставаться навсегда,—носить на себѣ уже всецѣло характеръ *религіозный*, такъ какъ чувство и сознаніе собственнаго безсилія въ физическомъ, духовномъ и нравственномъ отношеніяхъ есть отрицательный корень религіи. Нагорная проповѣдь начинается словами: „бла-

женны нищѣ духомъ, ибо ихъ есть царство небесное“. И дѣйствительно, только чувство и сознаніе нищеты духовной, при всемъ нашемъ знаніи и при постоянно продолжающемся образованіи, располагаетъ человѣка къ религіозному чувству, къ евангелію и царству небесному. Гдѣ это чувство стало живымъ и господствующимъ надъ всеми другими чувствованіями и гдѣ это познаніе перешло въ убѣжденіе, тамъ уже вполне обезпеченъ и путь къ религіозной вѣрѣ. Такимъ образомъ, дѣлаетъ заключеніе Штеуде, правильное познаніе и обыкновенная вѣра вмѣстѣ и при посредствѣ истиннаго знанія несомнѣнно ведутъ только къ религіозной вѣрѣ и нѣтъ ничего ошибочнѣе мнѣнія, что знаніе и вѣра суть непримиримыя и другъ друга исключаютія противоположности. Не положительное знаніе относится враждебно къ религіозной вѣрѣ, но только воображаемое, мнимое знаніе и матеріалистическая вѣра ставятъ себя въ противорѣчіе съ религіозною вѣрою. Но воображеніе и матеріализмъ являются врагами не только религіи и христіанства, но одинаково также и врагами науки, дальнѣйшему развитію которой первое причиняетъ серьезное затрудненіе, а послѣдній сообщаетъ совершенно ложное направленіе. Поэтому наука и религія должны идти только рука объ руку въ борьбѣ съ этими общими своими врагами.

Свящ. М. Буткевичъ.

(Окончаніе будетъ.)

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

2. Солонъ Аѳинянинъ.

Солонъ былъ сынъ Эксиkestиды и происходилъ изъ знатнаго рода. Онъ былъ отъ природы одаренъ выдающимися способностями ума и воображенія, такъ что былъ настолько-же великимъ мыслителемъ, насколько и далеко недюжиннымъ поэтомъ. Его лирическія произведенія издавна занимали почетное мѣсто среди однородныхъ произведеній греческой поэзіи. вмѣстѣ съ тѣмъ Солонъ былъ и краснорѣчивымъ ораторомъ и тонкимъ политикомъ. Свою политическую дѣятельность онъ запечатлѣлъ законами, обезсмертившими его имя. На такое разнообразіе дѣятельности Солонъ уже издавна указывали греческіе писатели. Геродотъ посвящаетъ ему болѣе страницъ своей исторіи, нежели кому-либо изъ семи мудрецовъ ¹⁾. Платонъ и Эсхинъ говорятъ о немъ, какъ о мужѣ, прославившемся и въ поэзіи, и въ философіи, и въ законодательствѣ ²⁾. Плутархъ въ своихъ „Сравнительныхъ жизнеописаніяхъ“ даетъ ему особое мѣсто, чего не дѣлаетъ относительно другихъ изъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 1.

¹⁾ См. Геродотову Исторію I, 29—33, 86 и др.

²⁾ У Платона см. въ Тимей, стр. 21 изд. Стефани; также Эскина противъ Ктезифона и др.

семи мудрецовъ и въ біографіи его сообщаетъ много подробностей объ участіи его въ политическихъ событіяхъ того времени. Законы свои Солонъ издалъ въ бытность свою архонтомъ (въ 594 г. до Р. Х.). Послѣ того какъ аѣнныя съ торжественною клятвою обѣщали исполнять эти законы въ теченіи 10 лѣтъ, Солонъ спокойно отправился въ путешествіе по чужимъ странамъ. Онъ посѣтилъ Лидію въ царствованіе Крезъ, извѣстнаго своимъ богатствомъ и роскошью, затѣмъ былъ въ Египтѣ и на островѣ Кипрѣ, при чемъ самъ, обогащаясь познаніями и опытомъ, въ тоже время повсюду оставлялъ тѣ или другіе слѣды своей мудрости. Между тѣмъ, по возвращеніи въ отечество, Солонъ нашелъ аѣннѣ не сдержавшими данной предъ нимъ клятвы и обуреваемыми междоусобною войною. Не смотря на уваженіе, какимъ Солонъ пользовался среди аѣннѣ, онъ уже ничего не могъ сдѣлать въ пользу введеннаго имъ порядка. Къ тому-же кормиломъ правленія завладѣлъ Пизистратъ, который не желалъ давать мѣста участію Солона въ дѣлахъ правленія, такъ что онъ даже сосланъ былъ въ ссылку. Остатокъ дней своихъ Солонъ провелъ на островѣ Кипрѣ ¹⁾. Слава Солона, какъ поэта, мудреца и законодателя, выходила далеко за предѣлы его отечества. Извѣстны, напримѣръ, его отношенія къ Крезу по исторіи Геродота. Тѣмъ поучительнѣе будетъ поэтому внять изреченіямъ мудрости его, которыя частію записаны были еще Геродотомъ. Вотъ эти изреченія:

Когда Крезъ, царь Лидійскій, спрашивалъ Солона о томъ, кто счастливъ такъ, какъ онъ, Крезъ, то Солонъ сказалъ ему: „я полагаю предѣломъ жизни человѣка семьдесятъ лѣтъ ²⁾. Изъ всѣхъ дней, которыхъ въ семидесяти годахъ заключается 26,250, ни одинъ не приноситъ совершенно того-же, что и другой. Такимъ образомъ человѣкъ есть игрушка судьбы. Я вижу, что ты богатъ и царствуешь надъ многими народами, но о томъ, что ты спрашиваешь, я могу сказать те прежде, какъ узнаю, что жизнь твоя окончилась хорошо. Ибо богачъ не счастливѣе

¹⁾ См. у Діогена Лаэртія I, 45 и дал.; у Плутарха въ біографіи Солона и др.

²⁾ Срав. подобное-же опредѣленіе числа лѣтъ жизни человѣческой въ Псал. 89, 10.

того, кто имѣетъ средства къ жизни на одинъ день, если судьба не споспѣшествуетъ ему окончить жизнь хорошо, въ обладаніи всѣмъ своимъ добромъ. Многіе и богатые люди несчастны, а многіе и съ умѣреннымъ достаткомъ счастливы. Богачъ, но несчастный, имѣетъ только два преимущества предъ счастливымъ, но бѣднымъ; а этотъ послѣдній имѣетъ ихъ много въ сравненіи съ богатымъ, но несчастнымъ: первый скорѣе можетъ исполнить свои желанія и вынести великое несчастіе, обрушившееся на него: а второй имѣетъ, въ сравненіи съ первымъ, слѣдующія преимущества: онъ не въ состояніи переносить бѣдствія и исполнять желанія, какъ тотъ, но счастье избавляетъ его отъ нужды въ этомъ; онъ не увѣченъ, не боленъ, не испытываетъ несчастій, имѣетъ хорошихъ дѣтей, хорошъ собою; если-же, сверхъ того, онъ еще кончитъ жизнь благополучно, то вотъ тотъ, кого ты ищешь: онъ достоинъ быть названъ счастливымъ. Но пока онъ не умеръ, удержиись, и не говори: онъ счастливъ, но: его удѣлъ хорошъ ¹⁾.

Когда Крезъ, надѣвъ на себя наилучшія одежды и всевозможныя украшенія и сѣвъ на престолъ, спрашивалъ Солона, кого онъ видалъ красивѣе его, Креза, Солонъ отвѣтилъ: пѣтуховъ, фазановъ и павлиновъ; ибо они украшены естественнымъ и притомъ несравнимо высшимъ по красотѣ цвѣтомъ.

А вотъ нѣкоторые изъ прекраснѣйшихъ законовъ Солона:

Кто не доставляетъ пропитанія родителямъ своимъ, тотъ долженъ быть подвергнутъ безчестію: подобно тому и растратившій родовое наслѣдство.

Проводящаго жизнь въ праздности всякій имѣетъ право обвинять предъ судомъ.

Слишкомъ большія почести оказывать отличившимся на публичныхъ играхъ онъ считалъ безразсуднымъ; умершимъ-же на войнѣ постановилъ оказывать всевозможныя почести и даже дѣтей ихъ содержать и воспитывать на общественный счетъ.

Повиннаго въ нарушеніи женской чести не должно допускать къ занятію высшихъ должностей въ государствѣ.

Попечитель сиротъ не долженъ сожительствовать съ матерію

¹⁾ Герод. I. 32.

ихъ, и не долженъ быть болѣе попечителемъ, коль скоро къ нему переходить имущество умершихъ сиротъ.

Рѣзчику печатей не должно позволять хранить печать того, кто ее продалъ ему.

Если кто выколеть единственный глазъ у какого-либо чело-вѣка, то у того должно выколоть оба глаза.

Чего ты не положилъ, того и не поднимай; иначе долженъ подлежать наказанію смертію.

Начальника, замѣченнаго въ пьянствѣ, должно наказывать смертію ¹⁾.

Не должно принуждать сына доставлять пропитаніе такому отцу, который не научилъ его никакому ремеслу.

Кто во время междоусобія не пристаесть ни къ какой сто-ропѣ, тотъ долженъ быть безчестенъ.

Захватившему прелюбодѣя на мѣстѣ преступленія дозволи-тельно убить послѣдняго; если-же кто похититъ свободную женщину и совершитъ надъ нею насиліе, за того долженъ быть наложенъ штрафъ во сто драхмъ ²⁾, а если растлѣть ее по согласію съ нею, то — двадцать драхмъ.

Всякому позволительно возбуждать судебное дѣло изъ-за по-терпѣвнаго обиду.

Объ умершемъ никто не долженъ говорить худо.

Злословящій живаго въ храмѣ, въ судилищѣ, въ присут-ственномъ мѣстѣ и на общественныхъ зрѣлищахъ долженъ уплатить три драхмы злословимому и сверхъ того двѣ драхмы въ общественную казну.

Подъ самого челоуѣка дѣлать ссуду не должно.

Ни мужу отъ жены, ни женѣ отъ мужа не должно прини-мать даровъ.

Отдаваемое умирающими по завѣщанію должно имѣть пол-ную силу для исполнителей завѣщанія ³⁾.

Очень молодой не долженъ ни быть начальникомъ, ни уча-

¹⁾ Diog. L. I, 51. 55—57.

²⁾ Аггическая драхма, на каковую здѣсь имѣется въ виду счетъ, равнялась на-шимъ 20—25 коп., слѣдовательно 100 драхмъ составляло на наши деньги около 25 рублей.

³⁾ Plutarchi, Vita Solonis, cap. 15, 18, 20—21, 23; conf. Quaest. cap. 7.

ствовать въ совѣтѣ, хотя-бы онъ казался имѣющимъ и превосходныя мысли ¹⁾).

Солонъ говорилъ, что слово есть образъ дѣль, но по силѣ своей есть могущественнѣйшій царь.

Законы, говорилъ онъ также, подобны паутинѣ: ибо и эта послѣдняя, если упадетъ въ нее что-либо легкое и слабое, опутываетъ его, а если болѣе тяжелое, прорывается, и тяжесть проваливается изъ нея.

Онъ-же говорилъ, что слово запечатлѣвается молчаніемъ, а молчаніе временемъ.

Люди, имѣющіе силу при тираннахъ, весьма сходны съ косточками на счетахъ: ибо какъ эти послѣднія въ одно время значатъ большую цифру, а въ другое меньшую, такъ и каждый изъ тѣхъ, благодаря тираннамъ, то является великимъ и славнымъ, а то обезчещеннымъ.

Спрошенный о томъ, почему не постановилъ закона объ отцеубійцѣ, Солонъ отвѣтилъ, что не предполагалъ и возможности такого преступленія.

Спрошенный о томъ, при какомъ условіи люди менѣе всего будутъ нарушать справедливость, онъ сказалъ: если и не потерпѣвшіе несправедливость будутъ также скорбѣть о ней, какъ потерпѣвшіе.

Отъ богатства, говорилъ онъ, рождается пресыщеніе, а отъ пресыщенія наглость.

Онъ предложилъ аѳинянамъ вести счетъ дней по лунному теченію.

Θεσπису ²⁾ онъ запретилъ давать уроки трагическаго искусства, такъ какъ трагедіи суть бесполезное лжесловесіе.

Людямъ онъ давалъ слѣдующіе совѣты, какъ говоритъ Аполлodorъ въ сочиненіи о философскихъ школахъ:

Честность почитай болѣе вѣрною, нежели клятву.

Не лги.

Старайся о доброхвальномъ.

Друзей приобрѣтай безъ поспѣшности, а приобрѣтенныхъ не отвергай.

1) Anthol. Patav. V. apud. Mullach. Fragm. philosoph. graec. pag. 223.

2) Θεσπισъ—современникъ Солона, былъ первооснователемъ школы драматическихъ писателей и драматическаго искусства, какъ поэтъ и артистъ—трагикъ.

Тогда только принимай въ руки власть, когда научишься повиноваться.

Совѣтуй не то, что всего пріятнѣе, а то, что всего лучше.
Умъ дѣлай вождемъ своимъ.

Не веди бесѣды съ злыми ¹⁾.

Боговъ почитай, родителей уважай ²⁾.

Говорятъ также, что когда Мимнермъ ³⁾ написалъ стихами слова: „о если-бы судьба дозволила мнѣ достигнуть шестидесяти лѣтъ безъ болѣзней и тягостныхъ заботъ, а потомъ и умереть“, — Солопъ, укоряя его, сказалъ: если ты довѣряешь мнѣ, то выброшь нѣкоторыя слова изъ этихъ стиховъ и замѣни ихъ слѣдующими: „о если-бы судьба дозволила мнѣ достигнуть осмидесяти лѣтъ“ и пр. Самъ Солопъ оставилъ въ стихахъ слѣдующее правило:

„Остерегайся каждаго человѣка и смотри,

„Чтобы онъ, имѣя сокрытую въ сердцѣ ненависть,

„Не говорилъ съ тобой лишь съ видомъ добродушія;

„Языкъ у него говоритъ на двое:

„Говоритъ хорошо, а въ душѣ мрачныя замыслы“.

Приписываютъ ему также изреченіе: ничего въ излишнѣе. О немъ-же передаетъ Діоскуридъ въ „Памятныхъ Записяхъ“ и то, что когда онъ оплакивалъ своего умершаго сына, о которомъ, впрочемъ, мы ничего не знаемъ, то на замѣчаніе кого-то: „ты этимъ не поможешь нисколько“ — онъ сказалъ: поэтому-то я и плачу, что нисколько не могу помочь.

Ни Божество, ни законодатели, писалъ Солопъ Эпимениду, — не могутъ сами по себѣ принести пользы государствамъ; народныя-же вожди ведутъ толпу, куда хотятъ: такимъ образомъ и Божество и законы тогда только приносятъ пользу, когда эти вожди хорошо руководятъ ею (толпою); а когда худо, то нисколько не приносятъ пользы ⁴⁾.

Солопу приписываются и слѣдующія изреченія:

Тираниія подобна прекрасной мѣстности, не имѣющей выхода.

¹⁾ Срав. 1 Кор. 15, 33: *тлѣять обычаи благи бесѣды зли.*

²⁾ Срав. заповѣди закона христіанскаго о богопочитаніи и почитаніи родителей.

³⁾ Мимнермъ — иприческій поэтъ, современный Солопу.

⁴⁾ Diog. L. I, 58—61, 63—64. Conf. St o b. Floril. serm. CXXI.

Въ великихъ дѣлахъ всѣмъ правиться трудно.

Я и въ старости всегда многому научаюсь.

Когда Солонъ спросили о томъ, наилучшіе-ли написалъ онъ законы для аѳинянъ, онъ сказалъ: наилучшіе изъ тѣхъ, какіе они могли принять.

Спрошенный о томъ, при какомъ условіи государства могли-бы лучше всего быть управляемы, отвѣтилъ: если граждане будутъ повиноваться правителямъ, а правители—законамъ.

Забота объ излишнемъ, говорилъ онъ, перѣдко соединяется съ желаніемъ необходимаго ¹⁾.

То государство наилучшимъ образомъ управляется, въ которомъ добрые люди бываютъ почитаемы, а напротивъ злые бываютъ наказываемы.

Какую силу на войнѣ имѣетъ желѣзо, такую-же и въ гражданской жизни—слово.

Когда Періандръ за столомъ спросилъ Солонъ, почему онъ молчитъ, по причинѣ-ли недостатка предмета для разговора или чтобы не выдать глупости своей, онъ отвѣтилъ: никакой глупецъ не могъ-бы молчать на пиру.

Когда племянникъ Солонъ за столомъ запѣлъ одну пѣснь изъ Сафо, онъ услажденъ былъ этою пѣснію и приказалъ юношѣ научить его этой пѣснѣ; а когда кто-то спросилъ, для какой цѣли онъ озаботился этимъ, то мудрецъ сказалъ: чтобы сперва научиться ей, а потомъ и умереть.

Когда кто-то спрашивалъ его, за что онъ почитаетъ старость, онъ отвѣтилъ: за зиму жизни ²⁾.

Онъ-же говорилъ, что пренебесное пространство никто изъ земныхъ поэтовъ ни воспѣлъ, ни можетъ воспѣть ³⁾.

Ему-же приписываются слѣдующія изреченія:

Благоразуміе настолько-же отличается отъ другихъ добродѣтелей, насколько зрѣніе отъ другихъ чувствъ.

Кто для многихъ страшенъ, тотъ долженъ многихъ бояться.

Старость есть пристань золь, въ которую все сходится.

¹⁾ Plutarchi, Vita Solonis; — Convivium VII sapientum. Conf. Platon. Amatores, pag. 133 ed. Steph.; Schol. in Sophocl. Antig. v. 711 et all.

²⁾ Stobei Floril. serm. XLIII; LXXXI; XXXIV; XXIX; CXVII.

³⁾ Aristides, Sophist. Apud. Mullach. pag. 223.

Принимать совѣтъ отъ благоразумнаго друга есть тоже самое, что пить лекарство изъ золотой чаши.

Богомъ данный намъ другъ въ истинныхъ словахъ источаетъ медь и молоко.

Къ другу не учащай ходить, дабы, пресыщенный тобою, онъ не возненавидѣлъ тебя.

Никогда не стремись пріобрѣтать себѣ такого друга, который не можетъ сдѣлать тебѣ добра въ отношеніи къ душѣ или тѣлу.

Когда кто-то оплевалъ его, онъ стерпѣлъ; а когда кто-то другой сталъ укорять его за такое равнодушіе къ своей чести, то сказалъ: рыбаки терпятъ-же, когда летятъ на нихъ съ моря брызги, чтобы поймать гольца; мнѣ-ли не вытерпѣть подобнаго, чтобы уловить человѣка?

Онъ-же говорилъ еще слѣдующее:

Будучи поставленъ во власть, не употребляй на должности при себѣ лукавыхъ людей; ибо въ чемъ они погрѣшатъ, за то обвинять тебя, какъ начальника.

Нашедшій хорошаго зятя, нашелъ себѣ въ немъ сына, а нашедшій дурнаго, потерялъ и дочь.

Надъ сыномъ и дочерью не подсмѣивайся, чтобы послѣ не заплакать.

Когда его укоряли за то, что, имѣя въ судѣ одно дѣло, онъ заплатилъ деньги защищавшему его ритору, то онъ сказалъ: я и за приготовленіе обѣда плачу повару ¹⁾.

Димитрій Фалерейскій записалъ еще слѣдующія изреченія Солона:

Въ судьи не садись, иначе будешь ненавистенъ обвиненному.

Избѣгай удовольствія, которое рождаетъ печаль.

Сохраняй честность права, какъ то, что вѣрнѣе клятвы.

Запечатлѣвай слова молчаніемъ, а молчаніе благовременностію.

Не лги, но говори правду.

¹⁾ Anton. Meliss. serm. περί σοφίας;—περί βασιλείας;—περί γερόντων;—περί φίλων και φιλίας;—περί ἀρχῆς και ἐξουσίας;—περί εὐτυχίας και δυστυχίας;—περί γονέων χρηστών;—περί παιδείας.

Не говори болѣе справедливое, нежели родители.
 Только научившись повиноваться, узнаешь, какъ властвовать.
 Требуя отчета отъ другихъ, и самъ давай его.
 Обращайся къ богамъ.
 Друзей почитай.
 Чтѣ ты видишь, о томъ не говори.
 Зная что-либо—молчи.
 Съ своими будь кротокъ.
 Неясное провѣрай очевиднымъ ¹⁾.
 Друзьямъ помогай.
 Никому не завидуй.
 Держись истины.
 Клятвы не употребляй вслѣдъ.
 Законамъ повинуйся.
 Помышляй о справедливомъ.
 Гнѣвъ обуздавай.
 Добродѣтель восхваляй.
 Злыхъ людей отвращайся ²⁾.

3. Хилонъ Лакедемонянинъ.

Хилонъ, сынъ Дамагета, подобно Солону, былъ не только политическимъ дѣятелемъ, но и блестящимъ лирическимъ поэтомъ, будучи въ то-же время и мудрецомъ. Онъ занималъ важную должность эфора въ Спартѣ въ 55-ю или 56-ю Олимпіады (т. е. въ 560—556 гг. до Р. Хр.). Между прочимъ ему приписывается установленіе обычая, по которому царей на войну сопровождали эфоры ³⁾. Извѣстный историкъ I в. до Р. Хр. Діодоръ Сицилійскій поставяетъ Хилону, какъ человѣку вообще и мудрецу въ особенности, въ преимущественную заслугу то, что у него слово всегда согласовалось съ дѣломъ, съ жизнію, чего историкъ не замѣчалъ въ средѣ большей части современныхъ ему философовъ, „говорящихъ весьма крас-

1) Stobei Floril. sermo III, pag. 45 ed. cit.

2) Изъ Альдинскаго изданія Теокрита и др. См. у Муллаха въ цит. соч. стр. 216.

3) Diog. L. I, 68.

во, а поступающихъ весьма дурно“ ¹⁾). Кроме того Хилонъ, какъ спартаецъ, отличался краткостію рѣчи, лаконизмами, такъ что извѣстный тираннъ Милетскій Аристагоръ, по свидѣтельству Діогена Лаэртія, и вообще краткость рѣчи стала называть Хилоновскимъ образомъ рѣчи. Хилонъ былъ уже старцемъ, когда баснописецъ Эзопъ былъ на вершинѣ своей славы, что относится приблизительно къ 572 г. до Р. Хр. Смерть мудреца послѣдовала отъ излишней радости при видѣ сына, стяжавшаго побѣду на Олимпійскихъ играхъ въ кулачномъ бою, и такъ какъ это было близъ мѣста Олимпійскихъ игръ (въ Элидѣ, на Пелопонезскомъ полуостровѣ), то всѣ греки, прибывшіе на игры, сопровождали прахъ его въ торжественной похоронной процессіи ²⁾). Слава Хилона, какъ мудреца, была такъ велика, что его изреченіе: „познай самого себя“ (*Γνωθὶ σαυτόν*), вмѣстѣ съ двумя другими изреченіями: Солоновымъ: „ничего въ излишествѣ“ (*μηδὲν ἄγαν*) и Фалесовымъ: „отдавай деньги въ вѣрныя руки, иначе понесешь убытокъ“, — было начертано надъ входомъ въ Дельфійскій храмъ ³⁾).

Хилонъ называлъ добродѣтелию человѣка предъусматриваніе будущаго, возможное для разума.

Когда братъ его тяготился тѣмъ, что Хилонъ былъ эфоромъ, а онъ — нѣтъ, то Хилонъ сказалъ ему: я умѣю переносить обиды, а ты — нѣтъ.

Онъ-же, какъ говоритъ Геродотъ въ первой книгѣ своей Исторіи ⁴⁾, далъ совѣтъ Иппократу, приносившему жертву на Олимпійскихъ играхъ, въ то время, когда въ котлахъ съ мясомъ жертвенныхъ животныхъ вода закипѣла сама собою: — или не женться, или, если онъ уже имѣетъ жену, отпустить ее и отъказаться отъ дѣтей, прижитыхъ съ нею ⁵⁾).

¹⁾ Diod. Epit. h. IX, 13.

²⁾ Diog. L. I, 72.

³⁾ P l i n i i, Hist. natur. VII, 32.

⁴⁾ См. гл. 59.

⁵⁾ Смыслъ такого совѣта былъ тотъ, что Хилонъ въ этомъ знаменіи увидѣлъ предъуказаніе несчастія, вмѣшавшаго постигнуть Иппократа (тиранна Аѣннскаго) со стороны сына сего послѣдняго Пизистрата, также тиранна Аѣннскаго, лишившаго отца тиранніи. Въ этомъ виднo приложеніе къ дѣлу того предъусматриванія будущаго, которое, какъ мы уже знаемъ, Хилонъ называлъ добродѣтелию.

Спрошенный о томъ, чѣмъ отличаются образованные отъ необразованныхъ, Хилонъ сказалъ: добрыми надеждами. А когда спросили его о томъ, что трудно, онъ сказалъ: умолчать о тайнѣ, хорошо располагать временемъ досуга и быть въ состояніи переносить обиды.

Онъ же внушалъ слѣдующія правила:

Обуздывай языкъ, особенно на пиру.

Не злословь ближнихъ, иначе услышишь то, чѣмъ будешь огорченъ.

Не угрожай никому: ибо это свойственно женщинамъ.

Скорѣе иди на несчастія друзей, нежели на ихъ счастье.

Бракъ устрояй съ возможно меньшими издержками.

Умершаго не злословь.

Старость чти.

Береги самого себя.

Лучше избирай наказаніе, нежели гнусную корысть: ибо то огорчитъ на одинъ разъ, а эта навсегда.

Надъ несчастнымъ не насмѣхайся.

Будучи сильнымъ, будь кротокъ, дабы ближніе болѣе уважали тебя, нежели боялись.

Учись хорошо управлять своимъ домомъ.

Не допускай, чтобы языкъ забѣгалъ впередъ ума.

Гнѣвъ обуздывай.

Даръ прорицанія не презирай.

Не желай невозможнаго.

Находясь въ пути, не спиши ¹⁾.

Когда говоришь, не двигай рукою: ибо это свойство безумнаго.

Законамъ повинуйся.

Старайся быть спокойнымъ.

Особенно-же славилось его изреченіе: золото испытывается на каменныхъ оселкахъ, и здѣсь обнаруживается его достоинство; а для золота добрыхъ и злыхъ людей обличителемъ служитъ умъ.

¹⁾ Срав. русскія пословицы: тпше ѣдешь, дальше будешь; поспѣшишь—людей насмѣшишь и под. А пословицы суть слѣды мудрости народной.

Говорятъ также, что когда Хилонъ былъ уже старцемъ, то сказалъ, что не сознаетъ за собою никакого беззаконія въ жизни; но что сомнѣвается только объ одномъ, а именно: производя нѣкогда судъ надъ другомъ своимъ по закону, онъ убѣждалъ другаго своего друга защитить его, чтобы соблюсти и законъ друга.

Весьма прославился онъ также предъ всѣми греками своимъ предсказаніемъ о принадлежавшемъ Спартѣ островѣ Киѳирахъ. Узнавъ о природныхъ особенностяхъ этого острова, онъ сказалъ: о если-бы онъ не былъ вовсе, или погрузился въ море! И онъ вѣрно предъусматривалъ. Ибо Димарать, бѣжавшій изъ Лакедемона, совѣтовалъ Ксерксу содержать на этомъ островѣ корабли; и если бы Ксерксъ послушалъ его совѣта, то Греція была-бы во власти непріятелей; а послѣ того Никій, во время войны Пелопонезской, опустошивъ островъ, поставилъ въ немъ аѳинскій гарнизонъ и очень много бѣдствій причинилъ лакедемонянамъ !).

Приглашенный къ Періандру въ гости, Хилонъ не прежде согласился на приглашеніе, какъ узналъ о каждомъ изъ приглашенныхъ. Ибо, говорилъ онъ, съ кѣмъ нужно бываетъ плыть на кораблѣ или воевать, съ тѣми по необходимости приходится, не зная ихъ, плыть и жить вмѣстѣ; но быть на обѣдѣ съ кѣмъ придется, этого не допустить человѣкъ, имѣющій здравый разумъ.

Услышавъ бого-то, говорящаго, что онъ не имѣетъ ни одного врага, Хилонъ спросилъ: быть можетъ, ты не имѣешь и ни одного друга?—такъ какъ онъ считалъ неизбѣжнымъ, чтобы дружбу сопровождала и съ нею соединялась и непріязнь.

Правитель, говорилъ онъ, не долженъ помышлять ни о чемъ смертномъ, а только о бессмертномъ ²⁾).

Спрошенный о томъ, что труднѣе всего, отвѣтилъ: познать самого себя; ибо каждый, по самолюбію, приписываетъ себѣ весьма много.

Когда кто-то выражалъ скорбь о своихъ несчастіяхъ, Хи-

¹⁾ Diog. L. I, 68—72.

²⁾ P I u t a r c h i, Convivium VII sapient.—De anima, apud Gellium I, 3.

лонъ сказалъ: если-бы ты поразмыслилъ о несчастіяхъ всѣхъ другихъ людей, то легче переносилъ-бы свои несчастія.

Бракъ, говорилъ онъ, долженъ быть равенъ и устрояемъ съ возможно меньшими издержками ¹⁾).

Увидѣвъ сребролюбца, выносимаго изъ дому для погребенія, Хилонъ сказалъ: этотъ человѣкъ, проведши жизнь непрожитою, по крайней мѣрѣ другимъ оставилъ средства къ жизни ²⁾).

Богатство, говорилъ онъ, служить болѣе ко злу, нежели къ добру.

Что такое богатство?—Сокровища золь, напугтствіе несчастій, пособіе непотребству.

Богатство, добываемое злыми путями, служить самымъ явнымъ позоромъ.

Истрачивая деньги на то, что не нужно, ты мало будешь имѣть ихъ и на то, что необходимо.

Изъ того, что ты не приобрѣлъ богатства, не будетъ такого вреда, какой можетъ быть изъ дурнаго пользованія прибрѣтеннымъ богатствомъ: такое пользованіе губить истинную жизнь, употребляемую на жизнь дурную ³⁾).

Изреченія Хилона, записанныя Димитріемъ Фалерейскимъ, суть слѣдующія:

Познай самого себя.

Выпивая вино, не говори много, потому что согрѣшишь.

Не угрожай людямъ свободнымъ: это не хорошо.

На обѣдъ къ друзьямъ иди медленно, а на несчастія скоро.

Скончавшагося ублажай.

Старшаго почитай.

Занятаго прибрѣтеніемъ чужой собственности презирай.

Будучи силенъ ⁴⁾), веди себя спокойно, чтобы тебя болѣе стыдили, нежели боялись.

Домомъ своимъ управляй хорошенько.

На пути ни спѣши, ни двигай рукою: то и другое свойственно безумцу.

¹⁾ Stobei, Florilegium, serm. XX!; LXVIII; CVIII.

²⁾ Cod. Lugduno batav. ed. Beynen. V. apud. Mullach. pag. 224.

³⁾ Antonii Melissae, serm. περὶ πλοῦτου; περὶ ἀσωτίας.

⁴⁾ По другимъ изданіямъ: τραχύς—суровъ, грубъ.

Обиду прощай, а за наглость мсти ¹⁾.

Другія изреченія, приписываемыя Хилону, суть слѣдующія:

Не завидуй никому въ смертномъ.

Упражняйся въ воздержаніи.

Избѣгай постыднаго.

Дорожи временемъ.

Пріобрѣтенія дѣлай праведно.

Толпѣ угождай.

Мудростию пользуйся.

Нравы испытывай.

Ни къ чему не относись съ подозрѣніемъ.

Презирай клевету.

Не будь въ тягость другимъ ²⁾.

Нѣкоторые также приписываютъ ему и изреченія, приписываемыя другимъ мудрецамъ:

Ничего въ излишкѣ ³⁾.

Отдавай деньги въ вѣрныя руки, иначе понесешь убытокъ ⁴⁾.

Ц. К.

(Продолженіе будетъ).

1) Stobei, Florilegium serm. III.

2) Альдинское изд. Теокрыта у Муллаха на стр. 216.

3) Это изреченіе приписывается, какъ мы видѣли, Солону.

4) Anecdota graeca, ed. Boissonade, t. I, pag. 138. Parisiis, 1829. Последнее изреченіе, какъ мы видѣли, приписываемо было еще Thalесу.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Февраля № 3. 1885 года.

Содержаніе: Распоряженіе Святѣйшаго Синода.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ правленія Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго восковаго завода —Списокъ пожертвованій на пострадавшую отъ пожара церковь при Харьковской духовной семинаріи —Свѣдѣніе о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго X епархіальнымъ съездомъ за вторую половину 1884 года.—Годовыя вѣдомости о продажѣ свѣчей въ церкви 2 округа Купянскаго уѣзда, за 1883 и 1884 годы.—Вѣдомость о количествѣ купленныхъ свѣчей въ епархіальномъ заводѣ для церквей 1 Волчанскаго округа въ 1884 году.—Извѣстія и замѣтки.

Распоряженіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 21-го декабря—5-го января 1884—1885 года, за № 2809, о назначеніи ежегодныхъ панихидъ по въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на 19 октября.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: рапортъ преосвященнаго Исидора, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, отъ 1-го минувшаго декабря за № 3644, слѣдующаго содержанія: Оберъ-гофмаршалъ Высочайшаго двора сообщилъ преосвященному митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому, для надлежащаго исполненія, что Государь Императоръ, въ 19-й день октября 1884 года, Высочайше повелѣтъ сонзволить: „такъ какъ 20 октября празднуется день рожденія Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны, то на будущее время назначить панихиды по въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ ежегодно 19 октября“. Приказали: объ изъясненной Высочайшей волѣ, для должныхъ къ исполненію распоряженій, сообщить епархіальнымъ преосвященнымъ чрезъ напечатаніе въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Протоіерей *Павелъ Ковалевскій* уволенъ отъ должности законоучителя Гусаровскаго народнаго училища Изюмскаго уѣзда, а на мѣсто его утвержденъ въ сей должности священникъ *Аристархъ Поповъ*.

— Священникъ Покровской церкви села Чепеля, Изюмскаго уѣзда, *Тимоѣй Трсубовъ* утвержденъ настоятелемъ Гусаровскаго прихода, того же уѣзда.

— Священнику Успенской церкви слоб. Дементѣвки, Харьковскаго уѣзда, *Алексѣю Павлову* предоставлено настоятельское мѣсто при Александро-Невской церкви слоб. Рай-Александровки, Изюмскаго уѣзда.

— Діакону Троицкой церкви города Славянска, *Федору Бѣляеву*, предоставлено священническое мѣсто при Вознесенской церкви села Никольскаго, Изюмскаго уѣзда.

— Діакону Николаевской церкви слоб. Никольской, Изюмскаго уѣзда, *Захарію Жукову*, предоставлено священническое мѣсто при Успенской церкви слоб. Дементѣвки, Харьковскаго уѣзда.

— Діаконъ Хорошевскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря *Митрофанъ Балановскій* опредѣленъ 16 января н. г. помощникомъ настоятеля къ Успенской церкви слоб. Климовки, Сумскаго уѣзда.

— Къ новостроющейся Николаевской церкви хутора Наугольновки, Купянскаго уѣзда, рукоположенъ во священника діаконъ *Михаилъ Феневъ*.

— Священникъ Вознесенской церкви слободы Никольскаго, Изюмскаго уѣзда, *Симеонъ Черняевъ*, по прошенію, перемѣщенъ на настоятельское мѣсто къ Николаевской церкви слоб. Боровеньки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Къ Покровской церкви слоб. Покровска опредѣленъ п. д. псаломщика *Семенъ Рудневъ*.

— Священнической сынъ *Иванъ Ястремскій* опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Успенской церкви слободы Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.

— Сынъ діакона *Василій Ковалевскій* 27 января н. г. опредѣленъ п. д. псаломщика къ Троицкой церкви села Славгородка, Ахтырскаго уѣзда и посвященъ въ стихарь.

— Заштатному п. д. псаломщика, *Павлу Павловскому*, предоставлено псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви слободы Николаевки, Изюмскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: купецъ *Иванъ Коваленковъ* къ Александро-Невской церкви г. Харькова, что на Запковѣ; крестьянинъ *Исидоръ Киценко* къ Успенской церкви слоб. Барвенковой,

Изюмскаго уѣзда; купецъ *Павелъ Конковъ* къ Преображенской церкви села Звѣдекъ, Зміевскаго уѣзда, и крестьянинъ *Иванъ Евдошенко* къ Христо-Рождественской церкви слободы Верхняго Салтова, Волчанскаго уѣзда.

Отъ Правленія Харьковскаго Епархіального свѣчнаго восноваго завода.

Правленіе завода, въ полномъ своемъ составѣ, въ засѣданіи отъ 15 января сего года постановило: открыть коммиссіонерство при Харьковской Николаевской церкви на слѣдующихъ основаніяхъ: свѣчи при продажѣ должны быть исключительно отпускаемы только изъ Епархіального завода, другихъ заводовъ свѣчей не должно быть въ лавкѣ; огарки могутъ быть принимаемы только изъ свѣчей Епархіального завода, безъ всякой примѣси парафиновыхъ огарковъ и притомъ только отъ церковныхъ старостъ въ обмѣнъ за свѣчи; за деньги же огарки не могутъ быть принимаемы ни отъ кого. Свѣчи отпускать изъ Епархіального завода для этого коммиссіонерства по цѣнѣ 24 рубля за пудъ, а огарки принимать на заводъ по шестнадцати (16) рублей за пудъ со скидкою 4 фунтовъ съ пуда на фитиль. Для отчетности коммиссіонерства выдать особую книгу и книгу квитанціонную для отмѣтки отпускаемыхъ свѣчей. Расчетъ за проданныя свѣчи коммиссіонерство производитъ по мѣрѣ продажи свѣчей ежемѣсячно.

С П И С О К Ъ

пожертвованій на пострадавшую отъ пожара церковь при Харьковской духовной семинаріи.

На украшеніе пострадавшаго отъ пожара семинарскаго храма и возобновленіе ризницы поступили пожертвованія отъ нижеслѣдующихъ лицъ:

Отъ священника слободы Протопоповки Изюмскаго уѣзда о. Петра Щербины 4 р., отъ цеховаго И. А. Шаховскаго 25 р., отъ священника слободы Сѣннаго Богодуховскаго уѣзда о. Александра Артюховскаго и его прихожанъ 2 р., отъ прихожанъ с. Лебяжьяго Зміевскаго уѣзда 2 р., отъ прихожанъ с. Мохнача того-же уѣзда 1 р., отъ причтовъ 2-го Волчанскаго округа 18 руб. 80 к., отъ дворянки слободы Жигайловки Ахтырскаго уѣзда дѣвицы Екатерины Николаевны Бейтъ-Миллеръ 1 р., отъ священника с. Михайловки Зміевскаго уѣзда о. Никиты Шебатинскаго 5 р., отъ о. Благочиннаго

2-го Зміевского округа, священника Михаила Котлярова 5 р., отъ о. Благочиннаго 1-го Волчанскаго округа, священника Алексѣя Евимова 10 р. и 50 к., отъ о. Протоіерея Петра Острогорскаго (того-же округа) 5 р., отъ священниковъ того-же округа: о. Александра Чернявскаго 3 р., о. Павла Измайлова 2 р., о. Игнатія Ѳеденкова 3 р., о. Владиміра Ястремскаго 1 р., о. Петра Корнильева 3 р., о. Ѳеодора Дзюбанова 5 р., о. Александра Рубинскаго 2 р., о. Порфирія Ведринскаго 2 р., о. Александра Веселовскаго 2 р., о. Космы Огулькова 3 р., о. Іоанна Добрецкаго 4 руб., о. Алексѣя Шишкина 2 р. и о. Василя Евецкаго 3 р. Итого 114 руб. и 30 коп. Всего съ прежде поступившими 1652 руб. и 4 коп.

Вышеназваннымъ благотворителямъ Правленіе Харьковской духовной семинаріи вмѣняетъ себѣ въ непремѣнный и пріятный долгъ выразить сердечную признательность и глубокую благодарность.

С В Ѣ Д Ѣ Н І Е

о суммѣ запаснаго капитала духовенства Харьковской епархіи, установленнаго X епархіальнымъ съѣздомъ, за вторую половину 1884 года.

Къ 1-му іюля 1884 года оставалось: наличными деньгами 70 р. 80 к. билетами 10,200 рублей.

Съ 1-го іюля по 1-е января 1885 года поступило: а) личного взноса отъ духовенства епархіи чрезъ окружныхъ благочинныхъ 1790 р. 75 к. б) процентовъ по купонамъ билетовъ 242 руб. 50 коп. и в) двѣ облигаціи Восточнаго займа тысячерублевья—2000 руб. Всего наличными деньгами 2033 руб. 25 коп., билетами 2000 рублей.

Въ теченіи второй половины 1884 года израсходовано: а) на покупку 2-хъ облигацій Восточнаго займа 1908 руб. 27 коп., б) на гербовыя маркы при вносѣ денегъ въ контору Государственнаго банка на текущій счетъ и на страхованіе билета 1-го внутренняго займа съ выигрышами 1 руб. 10 коп. Всего 1909 руб. 37 коп.

Затѣмъ къ 1-му января 1885 года осталось: наличными деньгами, находящимися въ конторѣ Государственнаго банка по книжкѣ текущаго счета 194 руб. 68 коп. и билетами 12200 руб.

ГОДОВЫЯ ВѢДОМОСТИ

о продажѣ свѣчей въ церкви 2 округа Купянскаго уѣзда, составленныя комиссіонеромъ, священникомъ Василиемъ Ерофаловымъ за 1884 и 1883 годы.

№	Число при- хожанъ обоихъ пола,	1884 году.		1883 году.	
		п.	ф.	п.	ф.
1	С. Н.-Екатеринослава въ Социетвенскую ц.	5632	9	—	10 1/2
2	„ Н.-Екатеринослава въ Успенскую ц. . .	2766	16	28 1/2	13 10 1/2
3	„ Гончаровки въ Крестовоздвиженскую ц.	1791	1	18 1/2	5 19
4	„ Преображенской въ Преображенскую ц. .	3629	10	34 3/4	11 6 3/4
5	„ Нижней Дуванки въ Ѳ.-Стратил. ц. . .	2604	8	—	9 22
6	„ Н.-Дуванки въ Александровскую ц. . .	2269	10	8 3/4	8 21 3/4
7	„ Н.-Красной въ Преображенскую ц. . .	4064	12	28 1/4	11 2 1/4
8	„ Тарановки въ Николаевскую церковь. . .	6670	—	—	1 7
9	„ Свягуловки въ Георгіевскую ц. . . .	3053	9	3 1/2	4 39
10	„ Бѣлоцерковки въ А.-Невскую п. . . .	1584	3	3 1/2	4 15 1/2
11	„ Милватки въ Предтеченскую ц. . . .	3591	4	—	6 —
12	„ Н.-Никольска въ Покровскую ц. . . .	2847	5	5	5 20 1/2
13	„ Кабанья въ Вознесенскую ц.	3744	9	30 3/4	7 34 1/2
14	„ Кабанья въ Преображенскую ц. . . .	2294	4	37	5 23 1/2
15	„ Краснянки въ Михайловскую ц. . . .	3873	8	25 1/2	6 32
16	„ Красной Поповки въ Р.-Богородичную ц.	2384	7	36 1/2	7 5 3/4
17	„ Ново-Глухова въ Троицкую ц.	5995	16	16 1/4	13 26
18	„ Торской въ Вознесенскую ц.	3479	4	—	3 21
19	„ Терновъ въ Николаевскую ц.	3989	—	—	— —
20	„ Юрьевки въ П.-Павловскую ц.	3311	6	28	7 17
21	„ Боголюбовки въ Богородичную ц. . . .	3185	7	4 1/2	8 1 1/2
22	„ Радьковки въ Вознесенскую ц.	1327	3	15	2 3/4
23	„ Воровой въ Р.-Богородичную ц. . . .	6566	12	20	12 3
24	„ Дружелюбовки въ П.-Павловскую ц. . .	2937	5	35	6 1/2
25	„ Гороховатки въ Воскресенскую ц. . . .	3790	—	—	— —
26	„ Песчаной въ Покровскую ц.	4480	8	20	10 22 3/4
27	„ Комаровки въ Успенскую ц.	1197	3	10	2 —
28	„ Калиновой въ Успенскую ц.	2354	—	—	— —

1 - го округа.

29	„ Кузюмовки въ Митрофановскую ц. . .	3457	6	22	7 21 1/4
30	„ Сильмаховки въ Тихоновскую ц. . . .	—	11	36 1/4	12 30

Итого 208 14 1/2 204 5 3/4

Гдѣ и сколько куплено свѣчей церквами: Тарасовскою, Терновскою, Гороховатскою и Калиновскою неизвѣстно, потому что не доставлено квитанцій мѣстному комиссіонеру.

ВѢДОМОСТЬ

о количествѣ купленныхъ свѣчей въ епархіальномъ заводѣ для церквей 1-го Волчанскаго округа въ 1884 году.

1) Соборно-Троицкой церкви г. Волчанска 20 п. 20 ф. 2) Успенской церкви Пригородней сл. Заводъ 9 п. 22¹/₂ ф. 3) Рождество-Богородичной ц. сл. Волоховки 5 п. 18 ф. 4) Каванско-Богородичной ц. сл. Волчанскихъ хуторовъ 8 п. 12 ф. 5) Рождество-Богородичной ц. сл. Бочковой 3 п. 6) Сошестввенской ц. сл. Малой Волчьи 5 п. 39¹/₈ ф. 7) Вознесенской ц. сл. Ефремовки 6 п. 8) Вознесенской ц. сл. Старо-Салтова 19 п. 20 ф. 9) Богоявленской ц. сл. Молодовой 2 п. 10) Иверско-Богородичной ц. сл. Вѣлаго Колодезя 10 п. 20 ф. 11) Петро-Павловской ц. сл. Петропавловки 7 п. 7 ф. 12) Николаевской ц. сл. Котовой 6 п. 30¹/₂ ф. 13) Андреевской ц. села Графскаго 7 п. 14) Христорождественской ц. сл. Верхняго Салтова 3 п. 27¹/₂ ф. 15) Покровской ц. сл. Верхней Писаревки 3 п. 24 ф. 16) Успенской ц. сл. Рубежной 31 п. 2¹/₂ ф. 17) Покровской ц. сл. Пассековки 7 п. 13 ф. 18) Космо-Даміановской ц. сл. Терновой 3 п. 6 ф. Итого 160 п. 22¹/₈ ф.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Измѣненія въ учрежденіи объ Императорской фамилии.—Газетныя толки по поводу церковно-приходскихъ школъ.—Отношеніе нѣкоторыхъ земствъ къ церковно-приходскимъ школамъ.—О чтеніи для народа.—Движеніе въ православіи въ прибалтійскомъ краѣ.—По поводу предстоящаго празднованія въ честь св. Меодія.—Новыя монастыри.—Высокіе примѣры самоотверженія.—Сила слова Божія.—Съѣздъ представителей штундизма.—Значеніе благолѣпнаго и благовѣрнаго совершаемаго богослуженія для борьбы съ штундою.—Эксплуататоры религіознаго чувства.—Некрологъ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ опубликовано распоряженіе высокой важности для пользы государственныхъ, — распоряженіе, которымъ вносятся усовершенствованія и измѣненія въ изданное Императоромъ Павломъ и дѣйствовавшее почти 88 лѣтъ Учрежденіе объ Императорской фамилии, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвыщенъ общій пересмотръ этого Учрежденія въ особой комиссіи.

Сообщаемъ и самый текстъ Высочайшаго указа Правительствующему Сенату.

И М Е Н Н О Й В Ы С О Ч А Й Ш И Й У К А З Ъ.

Правительствующему Сенату.

Прародитель Нашъ, Императоръ Павелъ I, 6-го апрѣля 1797 года, въ попеченіе о пользахъ государственныхъ, опредѣлилъ порядокъ наследія Престола и права Членовъ Императорской фамилии.

Нынѣ, признавъ за благо установить для имѣющихъ возникнуть новыхъ поколѣній нѣкоторыя противу первоначальнаго положенія измѣненія, повелѣваемъ:

1) Великими князьями, великими княжнами и Императорскими Высочествами почитать сыновей, братьевъ, дочерей, сестеръ, а также внуковъ Императоровъ, по прямой линіи отъ мужескаго поколѣнія происшедшихъ; правнуковъ-же Императоровъ, отъ мужескаго поколѣнія происшедшихъ, признавать Высочествами, князьями и княжнами крови Императорской.

2) Приступить подъ ближайшимъ руководствомъ и согласно указаніямъ Нашимъ къ пересмотру нынѣ дѣйствующаго Учрежденія объ Императорской фамилии 5-го апрѣля 1797 года, для чего Намъ имѣеть быть назначена особая комиссія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

С.-Петербургъ,
24-го января 1885 года.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

— Сильное движеніе начинается какъ въ духовенствѣ, такъ и среди его недруговъ по вопросу о церковно-приходскихъ школахъ.

Съ одной стороны постоянно идутъ вѣсти изъ епархій о вновь устрояемыхъ церковно-приходскихъ школахъ и о томъ, что духовенство сильно озабочено этимъ дѣломъ: „Церк. Вѣст.“, напримѣръ, пишутъ изъ одной епархіи: „гдѣ только соберутся два—три священника вмѣстѣ, непременно заходитъ у нихъ рѣчь о церковно-приходскихъ школахъ“. Съ другой—въ противномъ лагерѣ тоже не дремлютъ, а по немногу запасаются оружіемъ противъ ненавидимыхъ имъ школъ духовенства. Въ газетахъ, принадлежащихъ къ этому лагерю, стараются уязвлять церковно-приходскія школы по большей части мимоходомъ брошенными несочувственными о нихъ замѣчаниями. Впрочемъ, появляются и цѣлыя статьи, прямо или косвенно направленные противъ нихъ. Такъ „Русск. Вѣд.“ (№ 7) стараются доказать, что на земскія школы будто-бы наклеветали, что крестьяне будто-бы превосходно относятся къ нимъ, весьма охотно отдаютъ дѣтей въ эти школы и весьма неохотно—въ церковно-приходскія; новые методы обученія очень будто-бы любятъ, а Часословъ и Псалтырь не любятъ. Новая московская газета „Жизнь“ (№ 3) выражается, что у нея имѣются „въ высшей степени печальныя данныя, касающіяся вновь устроиваемыхъ церковныхъ училищъ“. По словамъ газеты, не говори уже о недостаткѣ „педагогической подготовки“ учителей и неприслужности обстановки помѣщений, церковныя школы отличаются будто бы „страшною дороговизною (!) обученія“.

Весьма любопытна эта „страшная дороговизна“. Какъ видно, противники церковно-приходскихъ школъ рѣшились не стѣсняться въ способахъ нападенія на нихъ, признавая все средства для того пригодными. Между тѣмъ мнимая „дешевизна“ земскихъ школъ видна изъ того же № „Русск. Вѣд.“, въ которомъ помѣщены вышеозначенныя увѣренія относительно земской школы. По статистикѣ Московской губерніи, 594 вѣнскихъ земскихъ школы губерніи стоятъ 400,000 р., слѣд. каждая школа среднимъ числомъ—болѣе 740 р. Замѣтимъ кстати, что по этой же статистикѣ существуетъ въ губерніи почти столько же (537) неофициальныхъ школъ грамотности, содержимыхъ частными лицами разныхъ сословій. Стоило-бы задуматься надъ этимъ фактомъ противникамъ церковно-приходскихъ школъ и побавить пыла въ восхваленіи земскихъ школъ будто-бы вполне совершенныхъ и достаточныхъ для нуждъ наше-

го народа. „Церк. Общ. Вѣстн.“ совѣтуетъ имъ подумать еще и о слѣдующемъ фактѣ.

Въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи имѣются 22,000 начальныхъ школъ съ 1 милліономъ учащихся обоого пола. Всего же насчитываютъ дѣтей школьнаго возраста (отъ 8 до 14 лѣтъ) 12 милліоновъ. За вычетомъ милліона посѣщающихъ земско-министерскія, церковно-приходскія и частныя школы—получимъ 11 милліоновъ дѣтей обоого пола не посѣщающихъ школу, т. е. осужденныхъ на безграмотность. Если на 22 тысячи школъ съ милліономъ учащихся правительство, земство, сельскія общества и частныя лица затрачиваютъ до шести милліоновъ рублей ежегодно, то сколько школъ и денегъ потребуется для того, чтобы обучить остальные 11 милліоновъ дѣтей школьнаго возраста, остающихся теперь внѣ школы? Пусть подумаютъ объ этомъ противники церковно-приходскихъ школъ, ратующіе противъ нихъ во имя чиновничьихъ интересовъ или шаблоннаго либерализма!

Но о всемъ этомъ они очень мало думаютъ, а занимаются такими важными вопросами, какъ вопросъ о клерикализмѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ подписчикъ газеты „Жизнь“ ставитъ новорожденной редакціи вопросъ: *скажете, милостивый государь, вы будете клерикаломъ или нѣтъ?* И редакція отвѣчаетъ статьей о церковно-приходскихъ школахъ, давая понять, что она не принадлежитъ къ лагерю клерикаловъ. А земства (конечно не всѣ, а только нѣкоторыя), испугавшись вѣроятно того же клерикализма, предпочитаютъ лучше закрывать свои школы, чѣмъ видѣть ихъ въ рукахъ духовенства. Такъ, земство Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи, по словамъ „Ц. О. В.“, постановило: „изъ 36 существующихъ въ уѣздѣ школъ—оставить только шесть, а остальными тридцать закрыть, если священники не согласятся быть въ нихъ преподавателями за 60 р. въ годъ; если же эти школы превратятся въ церковно-приходскія, то земство и отъ этой помощи школамъ откажется“. Хотѣлось бы вѣрить, что это исключительный случай. Есть, впрочемъ, признаки того, что, не смотря на газетное идолопоклонство, сами земцы начинаютъ серьезно и критически относиться къ земской школѣ, какъ это видно изъ замѣчательнаго заявленія гласнаго Воейкова сызранскому земскому собранію (см. „Симб. Зем. Газ.“ № 423). Г. Воейковъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ новѣйшіе методы, господствующіе въ земскихъ школахъ: самыя ненужныя свѣдѣнія, приобретаемыя крестьянскими мальчиками въ школѣ, по новѣйшимъ нѣмецкимъ методамъ, т. е. съ

возможно меньшимъ упражненіемъ памяти и личныхъ усилій, съ возможнымъ устраненіемъ привычки къ упорному труду, — все это однако даетъ мальчику ложное понятіе о превосходствѣ его надъ остальными членами семьи, о томъ, что ему тѣсно, тяжело въ прежней обстановкѣ, что надо усиленно добиваться перехода въ другую среду.

А въ Западномъ краѣ съ церковно-приходскими школами происходитъ вотъ какая исторія. Автору „Дневника“ въ газетѣ „Гражданинъ“ пишутъ, что въ одной мѣстности священникъ устроилъ при церкви школу, которую и стали посѣщать дѣти и католиковъ и православныхъ. Вдругъ „мѣстная инспекція училищъ округа налетаетъ на священника и объявляетъ ему, чтобы онъ отнюдь не смѣлъ принимать въ свою школу дѣтей католическаго вѣроисповѣданія, такъ какъ это право принадлежитъ только правительственнымъ народнымъ училищамъ, и такъ какъ съ допущеніемъ католиковъ въ церковно-приходскія школы можетъ соединиться пропаганда. И вотъ священникъ долженъ всѣхъ дѣтей отдавать родителямъ-католикамъ назадъ, и на вопросъ, зачѣмъ? отвѣчать: „правительство не велитъ мнѣ учить!“ Что же подумаетъ этотъ народъ на счетъ отношеній православнаго правительства къ православной Церкви. И неужели и въ татарскихъ мѣстностяхъ инспекціи будутъ держаться того-же принципа относительно церковно-приходскихъ школъ, въ томъ случаѣ, если сами родители-татары стали-бы посылать въ хорошую церковно-приходскую школу своихъ дѣтей?“

— Земская школа, на которую столько возлагалось свѣтлыхъ надеждъ, какъ теперь уже достаточно выяснилось, не могла удовлетворить пріеущей нашему народу жажды къ духовному просвѣщенію. Она слишкомъ скоро приняла бездушно-казенный характеръ, а неумѣренное вторженіе въ нее иноземной, чуждой народному духу „раціональной“ педагогики могло только охладить къ ней народъ. Недаромъ, рядомъ съ земскими школами, по всему пространству русской земли продолжали существовать домашнія школы, гдѣ учили по традиціоннымъ методамъ, по Цалтыри и Часослову. Къ сожалѣнію многіе земскіе дѣятели не хотятъ этого понять и къ системѣ церковно-приходскихъ школъ склонны иногда относиться даже съ недостойнымъ святаго дѣла соперничествомъ. Тѣмъ отрадиѣе поэтому отмѣтить, что нѣкоторыя земства оказываютъ матеріальную помощь церковно-приходскимъ школамъ. Такъ, въ Казанской епархіи земскія собранія: мамадышское, косьмодемьян-

ское и ядринское нынѣшней осенней сессіи, по предложенію гласныхъ изъ духовенства, ассигновали въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ — первое на 10 школъ 1,000 руб., второе половину часть суммы, расходуемой на земскую школу, и третье по 120 р. на 4 школы и на 6 школъ грамотности по 45 р. въ годъ.

— Народъ нашъ несомнѣнно жаждетъ просвѣщенія и надо только умѣть удовлетворить эту жажду. Однимъ изъ средствъ этого удовлетворенія служить дешевая народная литература. Извѣстно, съ какою охотою народъ раскушаетъ по ярмаркамъ разныя книжки и картинки. Въ Переяславлѣ напр. во время крещенской ярмарки „особенно бойко шла, какъ сообщаютъ въ газетѣ „Свѣтъ“, торговля книгами и картинами“. Къ сожалѣнію, трудовыя деньги крестьянъ идутъ на покупку такихъ изданій, которыя могутъ оказывать скорѣе вредъ народной нравственности, именно извѣстнаго литературнаго хлама московскихъ маклаковъ-книгопродавцевъ. Пора-бы серьезно обратить вниманіе на эту сторону дѣла и оградить народъ отъ грубой эксплуатаціи неприванныхъ просвѣтителей.

Въ дополненіе къ только что сказанному считаемъ не лишнимъ указать на дѣятельность въ этомъ отношеніи, хотя отчасти гарантирующую простой народъ отъ „грубой эксплуатаціи неприванныхъ просвѣтителей“ и удовлетворяющую эстетическому чувству и разуму его, одного сельскаго пастыря. Священникъ Херсонской епархіи, села Панчева, В. Воронкевичъ, замѣтилъ, что у одного изъ его прихожанъ въ домѣ собирается народъ для чтенія книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Такъ какъ хозяинъ дома и собиравшіеся у него извѣстны были ему своею доброю нравственностью и усердіемъ къ церкви, то онъ предоставилъ въ распоряженіе читателей церковную и школьную бібліотеку, на что послѣдовало соизволеніе и одобреніе архимастыря съ разрѣшеніемъ пріобрѣтать для прихожанъ недорогія книжки религіозно-нравственнаго содержанія на церковныя деньги.

— Въ прибалтійскомъ краѣ все болѣе обнаруживается движеніе туземцевъ въ православіе, но оно вызываетъ вражду со стороны нѣмцевъ-лютеранъ, которые даже не прочь отъ общественныхъ притѣсненій. Въ латышскую газету „Балт. Вѣстникъ“ пишутъ изъ Рижскаго уѣзда, что часто мѣстныя власти не утверждаютъ волостнаго выбора старшинъ, когда онъ падаетъ на лицо православнаго вѣроисповѣданія, и всячески стараются о замѣщеніи этой должности лютеранами. Такъ отмѣненъ былъ выборъ, павшій въ Вискальской волости на православнаго крестьянина, Андрея Калинина, и сдѣ-

лаю распоряженіе объ избраніи вмѣсто его лютеранина. Это распоряженіе поразило всю Вискальскую волость. Крестьяне этой волости, одна часть которой православные, а другая лютеране, жили до сихъ поръ въ полномъ мирѣ и согласіи. На выборахъ въ волостныя должности они до сихъ поръ не привыкли дѣлать различія между православнымъ и лютераниномъ, тѣмъ болѣе что нѣтъ закона, запрещающаго въ Россіи выбирать въ должностныя лица православнаго.

— Заграницей идутъ дѣятельныя приготовленія къ юбилейному торжеству въ честь славянскаго первоучителя св. Меодія, и въ этомъ отношеніи прежде всего пріятно отмѣтить, что болгарское народное собраніе, какъ сообщаетъ „Русь“, постановило отпустить извѣстную сумму для постройки въ Салоникахъ православнаго храма во имя великихъ братьевъ—первоучителей славянъ. Это будетъ лучший памятникъ, какимъ только можно ознаменовать юбилейное торжество, и можно надѣяться, что и русскій народъ сердечно откликнется на это святое дѣло и приметъ въ немъ не одно только духовное участіе. Редакція газеты „Русь“ принимаетъ пожертвованія на построеніе этого храма въ Солуни.

Меодіевское празднество продолжаетъ также быть предметомъ обсужденія печати и различныхъ ея сообщеній. По прежнему газеты однѣ ратуютъ за паломничество въ Велеградъ, доказывая, что нечего его бояться („Свѣтъ“), другія высказываются противъ него, причемъ „Гражданинъ“ предлагаетъ устроить паломничество когда-нибудь послѣ празднества, для поклоненія славянскимъ апостоламъ, а „Новое Время“ требуетъ, чтобы празднество у насъ въ Россіи состояло въ молебствіяхъ на площадяхъ и крестныхъ ходахъ, ибо все это „импонируетъ на массу, сильнѣе проповѣди собираетъ въ единеніе, возбуждаетъ духъ“. Газета-же „Русь“, съ особеннымъ сочувствіемъ откликнувшаяся на рѣшеніе болгарскаго народнаго собранія построить въ Салоникахъ храмъ св. Кирилла и Меодія, выразила мысль, что самый лучший способъ почтить славянскихъ апостоловъ—это построить храмы въ Салоникахъ, въ Кіевѣ и Москвѣ. — И въ средѣ западныхъ славянъ существуетъ раздѣленіе относительно паломничества въ Велеградъ. Такъ, одни изъ русиновъ желаютъ его (но только въ отдѣльности отъ поляковъ); другіе же, во главѣ съ епископомъ Пшемысльскимъ Ступницкимъ, высказались противъ паломничества.

— Въ послѣднее время Свят. Синодомъ разрѣшено учредить нѣсколько новыхъ православныхъ монастырей. Въ Яранскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, учреждается Маріинская женская община, съ

устройствомъ при ней бесплатнаго женскаго училища, преимущественно для малолѣтнихъ дочерей инородцевъ-черемиссъ. Землю подъ устройство Маріинской общины пожертвовалъ купецъ Вербенинъ. Число сестеръ въ новой общинѣ не ограничено: оно должно быть такое, какое община въ состояніи будетъ содержать на собственные средства. На Кавказѣ, въ урочищѣ Мамайскіе Маджары, Новогригорьевскаго уѣзда, Ставропольской губерніи, устраивается мужской общежительный монастырь, съ наименованіемъ его Воскресенскимъ. Монастырь также имѣеть содержать столько братіи, сколько позволятъ матеріальныя монастырскія средства. Въ Туркестанѣ, въ мѣстности Курмекты, Семирѣченской области, Иссыкъ-Кульскаго уѣзда, учреждается мужской Свято-Троицкій монастырь со спеціальнымъ назначеніемъ быть миссіонерскою обителью. Существующая въ Самарской губерніи, Николаевскомъ уѣздѣ, Чагринская женская община возводится въ женскій общежительный монастырь, съ переименованіемъ обители Чагринскимъ покровскимъ общежительнымъ монастыремъ. Какъ для вновь учреждаемыхъ монастырей, такъ и для существующихъ обителей, въ Святѣйшемъ Синодѣ разрабатываются особыя правила относительно привлеченія въ монастыри лицъ, достойныхъ иноческаго сана, и огражденія обителей отъ лицъ, не имѣющихъ внутренняго призванія къ монашеской жизни.

— Въ печати оглашены высокіе примѣры самоотверженія во имя любви бѣ ближнимъ. Такъ, 4-го октября минувшаго года, какъ сообщаетъ нынѣ „Прав. В.“, атаманъ Лѣтне-Орловской спасательной станціи Лукичевъ, при помощи лодмановъ и нѣкоторыхъ крестьянъ, во время сильнаго вѣтра и снѣжной метели, притомъ ночью, спасъ на Онежскомъ озерѣ 16 человекъ, потерпѣвшихъ крушеніе на своемъ маленькомъ суднѣ. Въ Кіевѣ, 26-го декабря, по словамъ „Кіевлянина“, монахъ Кіево-Межигорскаго монастыря о. Илюдоръ съ другими изъ братіи монастыря спасъ, погибавшихъ на Днѣпрѣ, мѣщанина Чоповицкаго и крестьянина Трегуба.

— „Церк. Общ. Вѣстн.“ сообщаетъ слѣдующій фактъ, свидѣтельствующій, сколь благотворно дѣйствуетъ Евангеліе на исправленіе нравственности. Одинъ изъ крестьянъ, нѣкто П. купилъ у меня, говоритъ корреспондентъ, экземпляръ Евангелія; какъ грамотный, прочелъ его въ средѣ своей семьи, т. е. жены, дѣтей уже взрослыхъ и престарѣлыхъ своихъ родителей, а также и своихъ многихъ однодеревенцевъ, пришедшихъ послушать новую купленную у меня книгу. По прочтеніи, она очень понравилась всѣмъ слушателямъ и послѣ нея у него развилося желаніе читать и другія книги; онъ и до настоящаго времени

береть изъ собора книги и читаетъ въ средѣ своихъ домашнихъ и крестьянъ. Я удивился, слушая его толкованіе о Новомъ и Старомъ Заветѣ, и во всемъ имъ сказанномъ проглядываетъ искреннее убѣжденіе, прекрасная память и здравое пониманіе прочитаннаго имъ. Онъ меня искренно благодарилъ за первую книжку хотя „маленькую“—она именно и развила въ немъ желаніе читать и другія. Изъ своей жизни онъ рассказалъ мнѣ, что 3 года тому назадъ онъ постоянно провалъ, не уважалъ стараго отца и мать, не ходилъ въ церковь и, въ большинствѣ, не говоря о праздникахъ, но и въ рабочее время проводилъ дни въ кабакѣ; а нынѣ обязательно каждое воскресенье ходитъ въ соборъ (въ Кунгурѣ), хотя и живетъ въ дер. Мериновѣ, около 3-хъ верстъ отъ Кунгура, а послѣ службы возвращается домой, пьетъ чайку, пообедастъ, отдохнетъ немного и затѣмъ до вечера читаетъ (лѣтомъ на лужайкѣ, противъ своего дома), а его слушаютъ его сосѣди.

Разъ, когда онъ проходилъ по своей деревнѣ утромъ въ воскресенье, по обыкновенію, въ церковь, его окликнулъ ододеревенецъ, человекъ очень зажиточный, который сохранилъ трехлѣтній урожай (такихъ крестьянъ очень немного), но въ церковь не ходитъ и въ воскресенье и въ праздничные дни постоянно работаетъ, и говоритъ, что если не работать, то ѣсть будетъ нечего,—словомъ, человекъ очень жадный,—и говоритъ: „Семень, ты куда?“—отвѣчаетъ:—„Въ церковь“.—„А что, тамъ безъ тебя развѣ не окончатъ? Иди-ко лучше, помоги мнѣ перевезти сѣно, получишь рубль за день, а то проходишь напрасно“. Семень началъ возражать, удѣливъ для этого минутъ 5, но такъ какъ благовѣстили уже къ обѣднѣ въ городѣ, то онъ долженъ былъ спѣшить; а богатый крестьянинъ очень удивлялся, почему ихъ Семень такъ перемѣнился, что откажется отъ денегъ и, слѣдовательно, отъ предстоящей выпивки, ради того, чтобы послушать церковное пѣніе, чего прежде не бывало. И нынѣ вина не пьетъ и дѣла его очень быстро поправляются; онъ имѣетъ кирпичный сарай и нынѣ приготовляетъ мастерскую для выдѣлки, кромѣ красного, еще бѣлаго кирпича; лѣтомъ занимается хлѣбопашествомъ, но твердо помнить изреченіе: „Шесть дней дѣлай, а седьмой Господу Богу твоему“. (Ц. О. В.).

— „Херс. Епарх. Вѣдом.“ сообщаютъ изъ достовѣрнаго источника, что недавно въ одномъ изъ центровъ штундизма Херсонской губерніи былъ съѣздъ представителей этой секты. Съѣздъ не имѣлъ уже прежней торжественности; дѣла его были ведены тихо и съ нѣкоторыми предосторожностями. На съѣздѣ былъ какой-то нѣмецъ

изъ Екатеринослава, котораго величали епископомъ, были нѣсколько лжепресвитеровъ, а именно: изъ Одесской Новой Слободки, изъ Основы и еще два лжепресвитера изъ малороссовъ. Въ присутствіи членовъ съѣзда и многихъ штундистовъ, одинъ изъ лжепресвитеровъ совершилъ перекрещиваніе 18 душъ, давно уже перешедшихъ въ штунду. Перекрещиваніе совершено на одномъ прудѣ въ проруби, для того приготовленной. Затѣмъ, на другой день, лжеепископъ съ упомянутыми лжепресвитерами совершилъ богослуженіе въ штундистскомъ собраніи. Очевидцы этого богослуженія, присутствовавшіе въ собраніи, сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о составѣ и порядкѣ этого страннаго богослуженія. Состояло оно изъ четырехъ поученій, сказанныхъ пріѣхавшими членами лжеіерархіи, и четырехъ благодарственныхъ молепій, импровизированно произнесенныхъ нѣкоторыми изъ мірянъ-штундистовъ, преимущественно изъ женщинъ. Какъ поученія, такъ и благодарственныя моленія были составлены какъ-бы по одному шаблону, были бѣдны по содержанию и высокомѣрны по духу. Все содержаніе ихъ можно кратко выразить въ слѣдующихъ словахъ: „Богъ находится только въ обществѣ штундистовъ, потому что одни штундисты не служатъ никому человѣку и никакому дѣлу рукъ человѣческихъ и не поклоняются ни людямъ, ни дѣламъ рукъ ихъ, какъ служить и поклоняется имъ весь остальной міръ и какъ сами они дѣлали прежде тоже, пока не познали свѣта. Когда они познали свѣтъ, то Богъ поселился среди ихъ однихъ, вселился въ ихъ сердца и утробы. А какъ въ ихъ сердцахъ и утробахъ сидитъ Самъ Богъ, то они и сами сдѣлались богами и болѣе нѣтъ уже нигдѣ Бога. Они одни со Христомъ воскресли тогда еще, когда Христосъ висѣлъ на крестѣ распятымъ. Они одни только и спасены, и никто больше. Христосъ, распятый на крестѣ, до сего времени (будто-бы) лежитъ въ землѣ; Онъ еще (будто бы) не воскресалъ, но они воскресли съ тѣмъ Христомъ, котораго никто не видѣлъ и не знаетъ и который теперь обитаетъ въ ихъ душахъ и утробахъ. — Къ этому лжеучители присоединяли убѣжденія своимъ пасомымъ, чтобы они, святое возлюбленное о Христѣ братство, крѣпко держались своей познанной вѣры и чтобы никого не слушались и не боялись, хотя бы пришлось пострадать и умереть за оную *). По окончаніи каждаго поученія, гово-

*) Внутренняя собратія своимъ такое самоотверженіе за вѣру, лжеепископъ и лжепресвитеры поставили однако караульных высматривать, не пріѣдетъ-ли урядникъ. и держали въ скрытномъ мѣстѣ, на гарманѣ между сѣномъ, соломою и загородами, лошадей въ упряжи и фургоны, чтобы тотчасъ уфхать, если появится урядникъ.

рившій онѣ лжепресвитеръ становился противъ штундистовъ за столомъ, наклонивши къ нимъ голову и опершись о стулъ руками. Всѣ штундисты тогда вставали, тотчасъ кто-либо изъ среды ихъ, и преимущественно какая-либо женщина начинала изустно произносить благодарственное моленіе проповѣднику. Тяжело смотрѣть на эти изліянія благодарственныхъ чувствъ. Говорившіе тряслись, дрожали, словно бѣсноватые, закрывали лица свои ладонями, усиливались плакать и рыдать, растирая по лицу своему слезы или слюни. Безсвязны, отрывочны были рѣчи ихъ; но въ этихъ рѣчахъ слышался одинъ смыслъ прославленія руководителей штунды. Пресвитера, который произносилъ имъ свое поученіе, они называли своимъ живымъ богомъ, своимъ сладчайшимъ и дражайшимъ живымъ спасителемъ, своимъ прелюбезнѣйшимъ и всепримилосерднѣйшимъ живымъ отцемъ, и благодарили его за его хорошія рѣчи, за его золотыя уста, за его прекрасныя слова, за его сахарный медовый языкъ, за его сладчайшія наставленія. При этомъ выражались, что онъ будто-бы избавилъ ихъ изъ той тьмы, изъ той пронасти, изъ той погибели, въ которой они пронадали до обращенія, что онъ будто-бы просвѣтилъ ихъ очи и спасъ ихъ отъ того безумія, отъ того рабства, отъ того проклятія, въ которомъ они погибали, что онъ освободилъ ихъ отъ тѣхъ идоловъ, которымъ они безумно служили прежде, что будто-бы вложилъ въ сердце ихъ и въ утробу ихъ Святаго Духа и удостоилъ ихъ быть святыми, чистыми, свѣтлыми, праведными, безгрѣшными, непорочными и что они не таковы уже, какъ несчастные родственники ихъ, грѣшники, оставшіеся въ рабствѣ тьмѣ, грѣху и беззаконіямъ. Къ этому присоединили они богопротивныя хулы и клеветы противъ святой, истинной православной вѣры и противъ всѣхъ православныхъ христіанъ. Вышеизложенныя мысли безсвязно повторялись въ разныхъ выраженіяхъ до тѣхъ поръ, пока не зналъ, что еще больше сказать, говорившій, часто весьма не кстати, заканчивалъ свою рѣчь словами: „яко благословенъ еси во вѣки, аминь“. Вся толпа штундистовъ, слушая такія рѣчи, старалась вызывать въ себѣ слезы и повторяла—аминь. Изъ среды штундистовъ послѣднее выступили съ подобными рѣчами другіе, но большею частію женщины; содержаніе ихъ рѣчей было повтореніемъ тѣхъ-же мыслей и большею частію въ тѣхъ-же выраженіяхъ. Потомъ начиналось общее пѣніе. Пропѣли два-три стиха, и затѣмъ начиналъ говорить другой пресвитеръ на ту-же тему: о бывшей тьмѣ и рабствѣ, о свѣтѣ и свободѣ, объ обожествленіи челоуѣка,

съ хулами на православіе и т. д. По окончаніи его проповѣди повторились и благодарственныя моленія со слезами и рыданіями, затѣмъ было опять общее пѣніе. Все это повторялось на разные лады четыре раза по числу проповѣдей пресвитеровъ.—Какое ужасное злоупотребленіе словами св. Апостола Павла и св. пророковъ!

— Въ борьбѣ со штундой имѣетъ огромное значеніе благолѣпное церковное богослуженіе, которое вообще производитъ сильное впечатлѣніе на нашъ простой народъ. Бывали случаи, когда одного только церковнаго благолѣпія, съ внятнымъ чтеніемъ и трогательнымъ пѣніемъ, достаточно было для привлеченія въ церковь упорныхъ штундистовъ. Вслѣдствіе этого понятны заботы преосв. Никанора о развитіи этой стороны въ богослуженіи: онъ дѣлалъ дома попытки завести общецерковное пѣніе и результаты оказывались вездѣ поразительные, такъ какъ „искусство церковнаго пѣнія, по словамъ преосвященнаго, и даже навыкъ къ нему лежатъ уже въ духѣ русскаго народа“. Но развитіе церковнаго пѣнія требуетъ опытныхъ руководителей и потому преосвященный Никаноръ резолюціей отъ 8 января выразилъ заботу о преобразованіи архіерейскаго хора въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ состоялъ исключительно изъ воспитанниковъ семинарій, которые какъ будущіе пастыри могли-бы быть распространителями изящнаго церковнаго пѣнія въ народѣ. При этомъ, нужно замѣтить, имѣется въ виду разумной мѣрой устранить неудобство, по которому учебные интересы воспитанниковъ-пѣвчихъ обыкновенно отодвигались на задній планъ.

Какъ много значитъ для поддержанія христіанскаго духа въ народѣ благоговѣйно совершаемое богослуженіе, показываетъ слѣдующая корреспонденція. „Недавно“, пишутъ въ „Херс. Епарх. Вѣд.“, „въ нашу церковь прибылъ священникъ, который читаетъ весьма пространно, ясно и понятно и поетъ по старинному напѣву, весьма трогательному для всякой христіанской души. Отпѣвалъ онъ одного крестьянина. Штундисты, родственники умершаго, вмѣсто того, чтобы по обычаю уйти отъ молитвъ, совершаемыхъ православнымъ священникомъ, услышавъ трогательное отправление погребенія, остались слушать оное и слушали до тѣхъ поръ, пока не понесли тѣло умершаго на кладбище къ могилѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, стыдясь своихъ собратій-штундистовъ, не пошли вслѣдъ за похоронною процессіей, но обойдя огородами, пришли на кладбище, и тамъ съ какимъ-то удивленіемъ и умиленіемъ всматривались въ лицо священника, вслушивались въ каждое слово его, въ каждый звукъ его голоса и давали полную волю своимъ слезамъ.

Плакали православные искренно и сердечно, плакали съ ними и штундисты. Всѣхъ умиляло священнодѣйствіе священника, такъ ясно и такъ трогательно умолявшаго Бога объ умершемъ, такъ живо, такъ сердечно и такъ властно разрѣшавшаго во имя Христа Спасителя грѣхъ усопшаго. Въ короткое время этотъ священникъ успѣлъ расположить къ себѣ прихожанъ благоговѣйнымъ служеніемъ и добрымъ, весьма ласковымъ и безкорыстнымъ обхожденіемъ со всѣми. Даже враждебные штундисты, особенно ненавидящіе духовенство, отдають ему справедливость. Не хвалятся прихожане и недавно прибывшимъ псаломщицомъ. Своимъ весьма яснымъ, отчетливымъ и удобопонятнымъ чтеніемъ, своимъ ровнымъ, твердымъ и умѣлымъ пѣніемъ онъ всѣхъ расположилъ къ себѣ. Всѣ прихожане въ одинъ голосъ благодарятъ архипастыря за назначеніе къ нимъ такихъ руководителей въ молитвѣ“.

— Газета „Волынь“ передаетъ, что на Волыни на каждомъ шагу приходится встрѣчать загадочныхъ личностей, съ черномазыми лицами, съ кудрявыми, взъерошенными волосами, въ длинныхъ лапсардакахъ, обличающихъ не то грековъ, не то армянъ, не то евреевъ. Они называютъ себя палестинскими христіанами и странствуютъ по святой Руси, собирая вымаливаніемъ и зманываніемъ подалія на улучшеніе своего быта и украшеніе христіанскихъ храмовъ въ Палестинѣ. Пользуясь довѣрчивостью и простотою народа, эти проходимцы обираютъ его и надѣляютъ за дорогую плату крестиками и образками, будто-бы принесенными ими отъ Гроба Господня. На Волыни въ домахъ крестьянъ не мало находится „іерусалимскихъ изображеній святыхъ“, подклеенныхъ русскими сатирическими журналами и карриатурами иногда самаго нескромнаго характера. Не имѣя возможности лично побывать въ Іерусалимѣ и поклониться его святинамъ, вѣрующій христіанинъ, по чувству религіозному, считаетъ для себя счастіемъ имѣть въ своемъ домѣ, по крайней мѣрѣ, образокъ отъ самаго Гроба Господня и отдастъ за него послѣдніе гроши свои, не зная, что на этотъ разъ онъ дѣлается жертвою самаго наглаго обмана. вмѣстѣ съ крестиками и образками довѣрчивымъ людямъ продають еще и „Сны Богородицы“ и „Видѣнія святыхъ“, писанныя на простой бумагѣ малограмотною рукою. Кто у себя имѣетъ эти сны и видѣнія, тотъ, по увѣренію продающихъ, „не только самъ, но и весь его домъ спасенъ отъ всякой бѣды, да и за гробомъ еще удостоивается блаженной жизни“. Одного этого уже достаточно, чтобы судить, что это за личности, называющія себя палестинскими христіанами и наводящія на себя подозрѣніе предъявленными документами.

— 1885 года января 15 дня въ 9 часовъ вечера скончался скоропостижно отъ удара на 61 году отъ рожденія настоятель слободы Рай-Александровки, Изюмскаго уѣзда, Александро-Невской церкви священникъ Евметій Іоанновъ сынъ Феодоровскій. Покойный о. Евметій родомъ изъ слободы Коломака, Валковскаго уѣзда. По окончаніи курса наукъ въ Харьковской духовной семинаріи съ аттестатомъ 2 разряда 1847 года іюня 15 дня 1848 года іюля 8 дня рукоположенъ въ священника къ сей церкви гдѣ благочестно подвизался пастырскимъ подвигомъ слишкомъ 36 лѣтъ. Поступивши въ Рай-Александровку, былъ опредѣленъ наставникомъ народнаго училища, затѣмъ проходилъ должность члена благочинническаго совета. За свою ревностную службу имѣлъ синодальныя награды. Покойный о. Евметій отличался миролюбіемъ, незлобіемъ и кротостію. Всю жизнь до послѣдней минуты отправлялъ свои священническія обязанности. Января 17 дня мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженіи трехъ священниковъ округа, при многочисленномъ стеченіи прихожанъ, погребенъ въ оградѣ церковной. Въ семействѣ покойнаго остался одинъ сынъ Василій 27 лѣтъ, который по своему болѣзненному состоянію не получилъ надлежащаго образованія и жилъ при отцѣ.

Благочинный Протоіерей *Феодоръ Любарскій.*

ВОСКОВЫЯ СВѢЧИ

Харьковскаго Епархіальнаго Свѣтнаго Завода

ОТПУСКАЮТСЯ

церковнымъ старостамъ и всѣмъ лицамъ, имѣющимъ въ оныхъ надобность, изъ лавки при

ХАРЬКОВСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ

на прежнихъ основаніяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

И А

ИЗВѢСТІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГ. СЛАВЯНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

⇒ II-й годъ. ⇒ ВЪ 1885 ГОДУ. ⇒ годъ II-й ⇒

Въ 1885 г. ИЗВѢСТІЯ будутъ выходить ежемѣсячными выпусками отъ 2 до 2½ листовъ. ПРОГРАММА I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества и другихъ Славянскихъ обществъ въ Россіи и за границей. II. Славянское обозрѣніе. III. Славянскія библиографическія извѣстія. IV. Объявленія.

Подписная годовая цѣна для всѣхъ подписчиковъ безъ различія въ Россіи и за границей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ.**

Срокъ годовой подписки считается съ 1-го января 1885 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи „С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“, на площади Александринскаго театра, домъ № 7. ТАМЪ-ЖЕ можно подписываться на „ИЗВѢСТІЯ“ текущаго года по **ДВА РУБЛЯ** за экземпляръ.

Отдѣльные номера „Извѣстій“ по 20 коп. продаются въ Пассажѣ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, и въ Славянскомъ Обществѣ.

Редакторы: Н. Н. Страховъ.
И. И. Соколовъ.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

СБОРНИКЪ

ВНѢВОГОСУДАРСТВЕННЫХЪ СОВЕЩАНІЙ СЪ СЕЛЬСКИМИ ПРИХОЖАНИИ

сост. свят. Алексѣй Лебедевъ. Цѣна 75 коп. Можно получать въ С.-Петербургѣ у книгопродавца Н. Г. Мартынова, Невскій проспектъ, № 46, и во Владимірской епархіальной бібліотекѣ съ обыкновенною уступкою.

ОТЪ СОВѢТА ПРАВОСЛАВНАГО МИССІОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА.

Православное Миссіонерское Общество, состоящее подъ Всемилостивѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, имѣетъ цѣлю содѣйствовать Православнымъ миссіямъ въ дѣлѣ обращенія въ Православную вѣру обитающихъ въ предѣлахъ Русской Имперіи нехристіанъ и утвержденія обращенныхъ какъ въ истинахъ св. вѣры, такъ и въ правилахъ христіанской жизни.

Содѣйствіе Общества, первоначально обращенное къ миссіямъ въ предѣлахъ восточной Россіи, постепенно расширяется и въ настоящее время простирается уже и на другія части Имперіи, какъ-то: на Кавказъ и Туркестанскій край, и даже на сопредѣльную намъ съ востока Японію.

Совѣтъ Общества, обращая вниманіе христіолюбивыхъ жертвователей на Православную миссіонерскую дѣятельность, все болѣе и болѣе развивающуюся сообразно потребностямъ Церкви и Отечества, усерднѣе просятъ ихъ не оставлять своимъ содѣйствіемъ и посильными жертвами святое дѣло распространенія Православія между язычниками.

При семъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что кромѣ кружечекъ, учрежденныхъ на этотъ предметъ Святѣйшимъ Синодомъ по всѣмъ церквамъ Имперіи, ежегодно раздаются отъ Комитетовъ Общества уполномоченнымъ лицамъ, преимущественно изъ духовенства, подписные листы или книжки для сбора членскихъ взносовъ и одновременныхъ пожертвованій, которыя и доставляются въ мѣста, назначенныя Комитетами. По Московской епархіи уполномочены Совѣтомъ принимать пожертвованія Настоятели церквей и монастырей и Начальники духовно-учебныхъ заведеній, которыя имѣютъ для сего подписные листы за печатью Совѣта. Собранныя по нимъ суммы отъ Настоятелей приходскихъ церквей препровождаются *черезъ отцовъ Благодѣльцевъ*, а Начальниками монастырей и духовно-учебныхъ заведеній непосредственно отъ себя на имя Совѣта къ *Казначей* онаго, Коммерціи Совѣтнику Василію Дмитріевичу Аксенову (Москва, Космодамианскій переулокъ, Носовское подворье, амбаръ братьевъ Аксеновыхъ). Пріемъ пожертвованій ежедневно отъ 1 до 4 часовъ по полудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Ему же доставляются и *личныя денежныя* пожертвованія на Православное Миссіонерское Общество, а также и Члену Совѣта завѣдующему письменною частію, Священнику Казанской, у Калужскихъ воротъ церкви, Виктору Тимофеевичу Покровскому, который принимаетъ въ канцеляріи Совѣта (означенной церкви, Якиманской части, 2 участка), въ присутственные дни, отъ 9 до 12 часовъ утра, *личныя* пожертвованія *какъ деньгами, такъ и вещами* (какъ-то: иконы, богослужебные сосуды и облаченія, книги и другіе предметы, жертвуемые для миссіонерскихъ церквей).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

И А

ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ
ВСЕОБЩУЮ ГАЗЕТУ,

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, УЧЕНУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ, ХУДОЖЕСТВЕННУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ.

Общая премія олеографія—изъ ТРЕХЪ картинъ по выбору.

Желающіе получить всѣ Т Р И картины доплачиваютъ Д В А рубля серебромъ.

Въ 1885 году Всеобщая Газета издается совершенно въ новомъ видѣ чтобы удовлетворить всѣмъ современнымъ и настоятельнымъ требованіямъ публки.

Целюобразованная редація Всеобщей Газеты заручилась содѣйствіемъ и постояннымъ участіемъ извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ и употребитъ всѣ усилія для того чтобы каждый подписчикъ Всеобщей Газеты видѣлъ въ ней умнаго и образованнаго собесѣдника въ обществѣ котораго ему пріятно и полезно было бы провести цѣлую недѣлю до появленія новаго номера газеты который по своему разнообразному содержанію будетъ служить политико - учено - литературною еженедѣльною свѣтлицею памятнымъ листкомъ въ каждомъ образованномъ семействѣ.

Такимъ образомъ Всеобщая Газета предлагая разнообразный выборъ для занимательнаго чтенія и представляя на своихъ столбцахъ какъ бы фотографическій снимокъ еженедѣльной государственной и общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ какъ у разныхъ другихъ народовъ такъ и въ Россіи въ частности будетъ знакомить русское общество со всѣмъ живымъ и современнымъ обсуждая каждое замѣчательное явленіе съ полнымъ безпристрастіемъ и правдою и это будетъ составлять главнѣйшую обязанность Всеобщей Газеты потому что только следуя такому пути можно съ пользою служить интересамъ общества.

Направленіе нашей газеты, уже по самому своему названію не можетъ уклоняться отъ всего того что выработано лучшими и благонамѣренными умами современной науки и глубокими знатоками общественной жизни.

Статьи наши будутъ отличаться сжатою полнотою и общедоступностью изложенія, какъ это принято и въ лучшихъ англійскихъ еженедѣльныхъ газетахъ (Weekly Review).

Всеобщая Газета будетъ выходить по субботамъ; номеръ ея будетъ состоять изъ двухъ съ половиною и болѣе печатныхъ листовъ большаго формата (20 стр. въ 2 столбца) и заключать въ себѣ: 1) Руководящую статью по вопросу дня.— 2) Отдѣлъ официальныхъ извѣстій.— 3) Иностранное обозрѣніе и корреспонденція.— 4) Оригинальныя и переводныя статьи по всѣмъ отраслямъ науки и искусства, техники хозяйства промышленности и торговли.— 5) Общественныя дѣла и живые современные вопросы.— 6) Обзоръ замѣчательныхъ статей появившихся въ нашей журналистикѣ.— 7) Отдѣлъ критики и обзоръ новыхъ книгъ.— 8) Оригинальныя и переводныя романы повѣсти рассказы историческія воспоминанія драмы и комедіи стихотворенія и другія произведенія изящной словесности.— 9) Жизнь въ провинціи и корреспонденція.— 10) Столичная жизнь: житейская суэта театры, музыка разныя увеселенія.— 11) Судебные процессы.— 12) Биржевая и финансовая недѣля.— 13) Новѣйшія заграничныя извѣстія, и телеграммы.— 14) Смѣсь и анекдоты.— 15) Объявленія.

Художественная часть. Во Всеобщей Газетѣ будутъ помѣщаться политическія замѣчательнѣйшихъ предметовъ и портреты нашихъ и иностранныхъ знаменитостей, въ томъ размѣрѣ, какъ это принято въ извѣстной пѣмецкой „Gartenlaube“ (Весѣлкѣ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на Всеобщую Газету за годъ съ пересылкою и доставкою на домъ—4 р.; за полгода—2 р.; за 3 мѣсяца—1 р.

Иногородные и столичные подписчики обращаются съ своими требованіями исключительно въ Контору Редаціи Всеобщей Газеты въ С.-Петербургѣ въ Троицкомъ переулкѣ домъ № 40, кв. 10.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.